Научно-издательский центр «Социосфера»
Пензенская государственная технологическая академия
Российско-Армянский (Славянский)
государственный университет
Факультет бизнеса Высшей школы экономики в Праге
ПФ НОУ ВПО «Академия МНЭПУ»

Теория и практика гендерных исследований в мировой науке

Материалы международной научно-практической конференции

Пенза – Ереван – Прага

5–6 мая 2010 года

УДК 001
ББК 72

Т 33 Теория и практика гендерных исследований в мировой науке: материалы международной научно-практической конференции 5–6 мая 2010 года. – Пенза – Ереван – Прага: ООО Научно-издательский центр «Социосфера», 2010. – 212 с.

Редакционная коллегия:

Берберян А. С., доктор психологических наук, доцент, декан факультета психологии Российско-Армянского (Славянского) государственного университета;

Дорошин Б. А., кандидат исторических наук, доцент кафедры философии Пензенской государственной технологической академии;

Дорошина И. Г., кандидат психологических наук, доцент кафедры педагогики и психологии Пензенской государственной технологической академии;

Кашпарова Е., доктор философских наук, научный сотрудник кафедры психологии и социологии управления Высшей школы экономики в Праге.

В сборнике представлены научные статьи соискателей, аспирантов, преподавателей вузов и практических работников, в которых рассматриваются различные аспекты гендерных исследований.

УДК 001
ББК 72

© ООО Научно-издательский центр «Социосфера»
© Коллектив авторов

СОДЕРЖАНИЕ

Мухортова Е. А. Истоки гендерных исследований…...……6
Атрощенко Ю. Ю. Гендерная проблематика современной фольклористики…….....…9
Большакова А. Ю. Гендерный архетип и проблема автора….....15
Сальникова О. Н. Специфика понимания женского самосознания в философии П. Е. Астафьева: современное прочтение…….....29
Атагунов В. И. Гендерные различия в восприятии «свободы» и «несвободы»…….....….32
Отраднова О. А. Любовь как основа гендерных взаимоотношений в культуре древнего мира……...….39
Пылайкина В. П. Морально-нравственная оценка лиц средствами категории гендера в английском языке.....47
Шабетник О. И. Особенности гендерных проявлений у больных с очаговыми поражениями недоминантного полушария мозга…….....50
Нуриева М. Категории социального развития и социализации личности как предмет научного анализа в гендерной практике.....61
Шнейдер Л. Б., Чекмарёва Е. И. Сексуальная активность молодежи как фактор гендерной социализации личности….....64
Саруханян Э. С. Динамика субъективных взглядов на собственную жизнь мужчин и женщин в период взрослости.....…72
Михалкина Т. В. Факторы профессиональной самореализации мужчин и женщин в России……78
Ибрагими Ф. Гендерные проблемы женщин, участвующих в общественно-экономической сфере общества…….....…..88
Бутаева М. А. Трансформация гендерных отношений в современной семье…….....92

Гаффарова А. Е. К вопросу становления когнитивного, эмоционального и поведенческого компонентов гендерной идентичности у детей младшего школьного возраста…….....….99
Юнусова Р. А. Полоролевая идентичность как фактор направленности личности подростка…….....103
Звягинцева Е. М. Вариативность развития гендерной идентичности женщин.....…...…109
Манюрова И. А. Изучение взаимосвязи гендерной идентичности и реакции супругов на конфликт……....…112
Окулова Л. П. Гендерная стратегия как фактор демократизации системы образования…….....119
Берберян А. С. Значение этнопсихологического и гендерного факторов для формирования культуры межнационального взаимодействия студентов в условиях интеграции в мировую систему образования…….....122
Сидорова Н. Д. Изучение гендерных различий в профессиональном выборе старшеклассников……..137
Руденко Н. В. Гендерные отношения в образовательной среде в ТНЗ…….....……149
Вещева Н. С. Гендерные стереотипы и гендерные представления…….....…… 151
Бутаева М. А. Исследование гендерных стереотипов в современном обществе.....155
Абросимова Л. М. Возрастные особенности гендерных стереотипов…….....164
Варданян Н. Т. Гендерные аспекты ценностных ориентаций современной армянской молодежи……..167
Дорошина И. Г. Гендерный аспект супружеских отношений….....174
Бояркина О. Н. Исследование гендерных различий в ролевых ожиданиях супругов…….....178
Тычкова Т. Н. Изучение гендерных особенностей психологической готовности к браку у лиц раннезрелого возраста…….....180

Дорошина И. Г., Корнилова Я. О. Гендерные аспекты ролевой структуры семьи.....191
Дорошина И. Г. Классификация гендерных позиций в супружеских отношениях.....197
Дорошина И. Г. Проявление гендерных позиций в отношениях супругов в семьях с разным уровнем образования…….....202
Ктениду М. Д., Бондарева О. В. Гендерные аспекты связи приватности подростка с типом отношения родителей……..... 207

ИСТОКИ ГЕНДЕРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Е. А. Мухортова
Пензенская государственная технологическая академия, г. Пенза, Россия

Summary. In the article the basic stages генедрных researches с 60th up to the end of 90th XX century are presented.

Keywords: female researches, feminism, gender researches.

Несмотря на то, что этнографы первыми обнаружили различия социальных ролей, прав и обязанностей мужчин и женщин разных этносов, предложили развести понятия биологического и социального пола социологи и философы, причем женщины, разделяющие идеи феминизма. Так, к английскому слову sex добавилось слово gender, переводимое на русский также «пол», но также соответствующее грамматическому «роду».

Гендерные исследования в своем развитии прошли ряд этапов.

1-я стадия развития женских исследований в США (конец 1960-х – 1970-е годы). Эта стадия характеризовалась попытками по созданию новой академической области. Первые феминистские требования были связаны с «внесением» женщин в учебные планы, издательские каталоги, учебники. В течение 1970-х годов многими университетскими преподавателями и учеными была осознана необходимость более целенаправленного развития самостоятельных программ женских исследований.

В 1969/70 учебном году в университете Сан-Диего была открыта первая программа женских исследований. Женщины Западной Европы и США, отстаивая свои гражданские и экономические права, выступали в феминистском освободительном движении. Феминистки начали открыто обсуждать сексуальность, изнасилование, сексуальное насилие в форме

инцеста и домашнее насилие, утверждая, что «личное есть политическое».

2-я стадия развития женских исследований (начало1980-х годов). В этот период происходило развитие «гендерно-сбалансированных учебных планов» путём введения новых знаний о женщинах в традиционные дисциплины. Усилия были направлены на приведение к общему знаменателю идеологии высшего образования. В университетах началось обсуждение явлений дискриминации в публичной сфере и частной жизни, статуса женщин, гендерных предрассудков. Женские исследования стоят на таких положениях, которые могут помочь воссоздать женский мир, фокусируются на женском опыте. Женские исследования – это самостоятельная академическая дисциплина, которая требует от других дисциплин пересмотра их основания и объяснительной логики. В женских исследованиях многие вопросы формулируются впервые, так как традиционные дисциплины таких проблем еще не касались. Многие считают, что женские исследования могут не просто фигурировать в рамках раздела о женщинах внутри уже существующих дисциплин, а могут претендовать на статус самостоятельной дисциплины. В настоящее время растет число тех, кто относит женские исследования к междисциплинарному знанию.

3-я стадия развития женских исследований (середина 1980-х годов). Эта стадия связана с продолжением реструктуризации учебных программ в направлении включения опыта меньшинств, чувствительности к различиям учащихся. В 1980-х годах академические программы женских исследований подвергались критике со стороны многих авторов. А в особенности женщин, представляющих расовые, этнические и сексуальные меньшинства. Чернокожие женщины выдвигали требования включить в концептуализацию женственности расовые, этнические и классовые различия. В тот период проводятся семинары, конференции и летние школы, финансируются проекты и сетевые программы для «цветных» жен-

щин в высшей школе. Итак, на этой стадии развития женские исследования в США поднялись на качественно новый уровень. Развитие коллективных способов действия является отличительной чертой женских исследований. Женщины-ученые в основном работают в одиночку, но зачастую для совместной работы объединяют свои ресурсы.

4-я стадия развития женских исследований (1990-е гг.). Для этой стадии характерно повышение внимания к международным проблемам женщин. В это время были основаны конференции и конгрессы, международные летние институты, опубликованы тысячи книг и статей. В конце 1990-х годов рынок труда в академической среде оказался заполненным. В 1980–1990-х годах появляются программы женских и гендерных исследований в Европе. В это время появляются новые отделения, факультеты, новые самостоятельные кафедры и программы. В 1996 году Международная сеть гендерных исследований при Гендерном институте Лондонской школы экономики включает в себя задачи: поддерживать проекты, развивать теории этики, расширять перспективы социальной политики.

Особенности университетских программ женских и гендерных исследований в первую очередь связаны с эволюцией академического феминизма и политической практики. Гендерные исследования отличаются от женских исследований выбором объекта и предмета. Современные феминистские исследователи отвергают приписывание социальным ролям, якобы, соответствия качествам мужчины или женщины. В гендерных исследованиях допускаются исследования не только женщин, но и мужчин.

Феминистские критики выдвигают упрёки в адрес гендерных исследований. Они состоят в том, что возникновение такого рода академических программ никак не соотносится с практикой общественного движения. Есть движения женщин, этнических и сексуальных меньшинств, но нет «гендерных» движений.

Женские исследования получили развитие в силу дискриминации на работе и в правовой системе, недостаточного присутствия женщин во власти, беззащитности перед доминированием мужчин в разных сферах семейной и профессиональной жизни. Женские исследования зарождаются в США – это связано с особенностями американской демократии, политической культуры и социальной науки. Американская социология, всегда отличалась от европейской своей направленностью на критический амелиоризм и сильной эмпирической компонентой. Общественные движения добились политического, законодательного и академического признания меньшинств.

К концу 1990-х годов число самостоятельных факультетов женских исследований в США достигло 30, программа их образований включала магистратуру и докторантуру. Этот взлет академического интереса позволил по-новому поставить фундаментальный вопрос о положении женщин в обществе.

ГЕНДЕРНАЯ ПРОБЛЕМАТИКА СОВРЕМЕННОЙ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ

Ю. Ю. Атрощенко
Институт искусствоведения, этнографии и фольклора им. К. Крапивы НАН Беларуси, г. Минск, Республика Беларусь

Summary. This article is dedicated to developing the methodology of gender studies in folklore. The author assesses the work done in this direction of modern folklore. This article discusses the basic theory of gender, notions of gender studies and folklore.

Keywords: gender, gender stereotypes, gender relations, gender mainstreaming, gender analysis.

Одним из актуальных направлений в исторической, философской, социологической, лингвистической и культурологической науке на сегодняшний день являются гендерные исследования. В центре внимания исследователей находятся культурные и социально-психологические параметры, которые обусловливают стереотипные представления о мужских и женских качествах, определяют отношения общества к мужчинам и женщинам, формируют механизмы построения иерархической системы на основе гендерных различий.

Когда для философско-социальных наук гендерная проблематика является одной из фундаментальных, потому и широко представлена в исследуемом пространстве, то для фольклористики это новый, слабо разработанный, но перспективный аспект осмысления фольклорных текстов.

В то время как лингвистические и литературоведческие гендерные исследования претендуют на автономное существование в виде гендерологических направлений филологической науки, фольклористические работы в данном русле являются единичными фактами. Исследовательница Л. К. Ибрагимова в своей работе «Отражение гендерных отношений в таджикских народных сказках» высказывает довольно спорную мысль, что в гуманитарном научном пространстве присутствует достаточно большое количество фольклористических гендерных исследований [2, 4]. К сожалению, при более внимательном анализе литературы выяснилось, что подобных работ в современной фольклористике не так уж и много. Надо отметить, что к гендерной тематике фольклористы обратились позже литературоведов и лингвистов и опирались на исследования своих коллег. Единичные работы возникли на границе фольклористики и педагогики («Читаем сказки «сквозь гендерные очки» Н. Л. Пушкарёвой [7]), фольклористики и языкознания («Гендерная специфика выражения предикативных отношений в тексте русской народной волшебной сказки» С. А. Коноваловой [4]), фольклористики и социологии («Сатира как репрессия: гендерные политики

в бытовом фольклоре (На материале восточнославянских сказок)» В. А. Суковатой [9]), фольклористики и литературоведения («Гендерные стереотипы в дошкольной детской литературе: русские сказки» Е. Здравомысловой, Е. Герасимовой и Н. Троян [1]) и пр. Собственно фольклористических гендерных исследований значительно меньше, чем кажется на первый взгляд.

К тому же нужно отличать гендерные исследования в фольклористике от собственно фольклористических работ: при рассмотрении народного творчества в гендерном аспекте поднимается проблема феминности или маскулинности объекта анализа, в то время как в специализированных работах может рассматриваться только определенный образ. Так, работа Д. В. Сокаевой «Образ женщины-волчицы (ус-бирæгъ) осетинской несказочной прозы в контексте фольклора индоевропейских народов» представляет собою интересное и оригинальное исследование в русле классической фольклористики, однако не является гендерным, так как не рассматривает проблему взаимоотношений полов, соотношений женских и мужских представлений, зафиксированных в тексте, художественного решения женского вопроса [8]. Работа Е. Л. Мадлевской «Героиня-воительница в эпических жанрах русского фольклора» относится к гендерному дискурсу, потому что автор рассматривает образ былинной воительницы Настасьи в оппозиции с образом мужчины-богатыря. Исследовательница приходит к выводу: «В былине о Настасье и Дунае представлено противоречие, причиной которого явилось соединение «неправильных» брачных партнеров. Помимо того, в перспективе судьбы героини мотив противоборства соотноситься с определенным этапом ее жизни – эта борьба нацелена на поиски достойного брачного партнера» [5. С. 18].

Термин «гендер», как известно, означает совокупность норм поведения и позиций, что обычно ассоциируются с лицами мужского или женского пола в любом данном обществе.

Гендерный подход основывается на идее о том, что важными являются не биологические или физические различия между мужчинами и женщинами, а то культурное и социальное значение, которое общество придает этим различиям.

В фольклористике под понятием «гендер» понимается модель отношений между полами, культурных ролей мужчин и женщин и их статусов в обществе, которые представлены в фольклорных произведениях. Как продукт социальных отношений и культурной традиции гендер не является собственно художественной категорией, однако путём анализа поэтики, языковых структур, особенностей функционирования фольклорного текста можно по-другому раскрыть его содержание, выявить гендерные стереотипы, зафиксированные в сознании носителей фольклора.

Фундаментом гендерной системы и гарантом сохранения культурных установок, опосредованных через отношения мужчины и женщины, является культурная традиция. На формирование гендерного сознания больше всего влияют устойчивые культурные стереотипы: они включают в себя гендерный генотип, в основе которого находится установка на индивидуальность.

Выделяются следующие виды гендерных стереотипов, которые присутствуют в разных жанрах фольклора:

1) домостроевские, патриархальные, глубинные стереотипы народной ментальности (сказки, обрядовая поэзия, заговоры);
2) гендерные стереотипы советской эпохи (городской романс, частушки);
3) европейские представления о женственности и мужественности (современный городской фольклор).

Методологическая база фольклористических гендерных работ опирается на системный подход к явлениям фольклора. Гендерный анализ фольклорных произведений включает в себя учет факторов, которые обусловливают отношения между представленными в тексте персонажами мужчины и

женщины, влияние данных отношений на функционирование произведения, а также на процесс становления фольклорных жанров и видов.

Выделяются четыре комплекса, которые определяют проблематику фольклористических гендерных исследований:

1) изучение коммуникативного поведения женщин и мужчин (типичные стратегии и тактики). Так, Р. М. Ковалева при рассмотрении трех психотипов ухажера в белорусских народных песнях о любви определила ряд психологических деталей и символических характеристик персонажей, которые свидетельствуют, что народ видит и художественно тонко отличает типы ухажеров: «В одинаковых ситуациях ухажеры ведут себя соответственно своей психологической природе, причем почти всем им свойственна зависимость от гендерных стереотипов» [3. С. 207];
2) изучение моделирования полов в языковой структуре фольклорного произведения (анализ натуральной и грамматической категории рода). Этим комплексом проблем исследователи занимаются на стыке лингвистики и фольклористики;
3) изучение идеалов красоты в границах пространства фольклорных произведений. Данную проблему рассматривала С. В. Шамякина и сделала вывод, что «в большинстве волшебных сказок заложено представление о том, что мужчины более красивые, чем женщины» [10. С. 223].
4) изучение особенностей репрезентации образов в зависимости от гендерной позиции автора и гендерной основы функционирования жанра. Данная проблематика представлена в исследовании О. И. Полукошки «Социально-психологические основы образа свекрови-матери в белорусских семейно-бытовых песнях» [6].

Разработка гендерной проблематики в современной фольклористике связана с альтернативным анализом фольклорных произведений. Обозначенный подход дает возможность свободно интерпретировать текст, позволяет избежать односторонности во взгляде на фольклор, ведет к более глубокому постижению художественной реальности и созданию такой истории фольклора, которая будет учитывать специфику женского взгляда на мир и искусство.

Таким образом, фольклористические гендерные исследования учитывают представления о биологических, психологических, социальных различиях мужчины и женщины, модели их поведения, черты характера, место в данной культуре, социальные роли и общественные статусы, но рассматриваются они через призму гендерной позиции фольклорного автора и персонажей, гендерных параметров художественного мира произведений и гендерную коннотацию художественных средств.

Библиографический список

1. Здравомыслова, Е. Гендерные стереотипы в дошкольной детской литературе: русские сказки / Е. Здравомыслова, Е. Герасимова, Н. Троян // Феминистский журнал «Преображение». – 1998. – № 6. – С. 65–78.
2. Ибрагимова, Л. К. Отражение гендерных отношений в таджикских народных сказках / Л. К. Ибрагимова: автореф. дис. … канд. филолог. наук: 10.01.09. – Душанбе, 2004. – 22 с.
3. Кавалёва, Р. Тры псіхатыпы залётніка ў беларускіх песнях пра каханне і гендэр / Р. Кавалёва // Фалькларыстычныя даследаванні. Кантэкст. Тыпалогія. Сувязі / пад рэд. Р. М. Кавалёвай, В. В. Прыемка. – Мінск, 2004. – С. 193–207.
4. Коновалова, С. А. Гендерная специфика выражения предикативных отношений в тексте русской народной волшебной сказки / С. А. Коновалова: автореф. дис. … канд. филолог. наук: 10.02.19. – М., 2005. – 22 с.
5. Мадлевская, Е. Героиня-воительница в эпических жанрах

русского фольклора / Е. Мадлевская: автореф. дис. канд. филолог. наук: 10.01.09 / – СПб., 2000. – 28 с.
6. Палукошка, В. Сацыяльна-псіхалагічныя асновы вобраза свекрыві-маці ў беларускіх сямейна-бытавых песнях / В. Палукошка // Фалькларыстычныя даследаванні. Кантэкст. Тыпалогія. Сувязі / пад рэд. Р. М. Кавалёвай, В. В. Прыемка. – Мінск, 2004. – С. 233–242.
7. Пушкарева Н. Л. Читаем сказки «сквозь гендерные очки» // Ребенок в современном мире. Открытое общество и детство / Пушкарева Н. Л.; отв. ред. К. В. Султанов. – СПб., 2000. – С. 164–178.
8. Сокаева Д. В. Образ женщины-волчицы (ус-бирæгъ) осетинской несказочной прозы в контексте фольклора индоевропейских народов // Известия СОИГСИ / Д. В. Сокаева; под ред. Ф. Х. Гутнова. – Владикавказ, 2007. – Вып. 1 (40). – С. 78–92.
9. Суковатая, В. А. Сатира как репрессия: гендерные политики в бытовом фольклоре (На материале восточнославянских сказок) / В. А. Суковатая // Общественные науки и современность / под ред. К. Э. Ступова. – М., 2000. – № 4. – С. 103–108.
10. Шамякина С. Сказочная категория красоты в свете данных современной науки // Фалькларыстычныя даследаванні. Кантэкст. Тыпалогія. Сувязі / С. Шамякина; пад рэд. Р. М. Кавалёвай, В. В. Прыемка. – Мінск, 2004. – С. 220–228.

ГЕНДЕРНЫЙ АРХЕТИП И ПРОБЛЕМА АВТОРА

А. Ю. Большакова
Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН, г. Москва, Россия

Summary. The article is aimed at regarding the theory of archetype in the contemporary feminism and gender studies. The article characterizes development of “the idea of archetype” in the world philosophical thought. The emphasis is laid at the feminist concepts

of “Women archetype” and its artistic individualization in the modern women’s prose.

Keywords: archetype, gender, feminism, feminine and masculine, women’s myth-making, women’s prose, literary (cultural) unconsciousness.

Пришедший к нам из платонической традиции[1] – и получивший новое рождение в трудах К. Г. Юнга – термин «архетип» занял прочные позиции в современной науке (философии, социологии, психологии, культурологии, филологии, гендерных исследованиях и феминистской критике, и пр.), хотя значение его претерпело много изменений. Как отмечает М. Элиаде и другие исследователи, есть кардинальное различие между смыслом этого слова в трудах древних платоников, Блаженного Августина и – Юнга и его последователей: «В настоящее время это слово благодаря Юнгу приобрело совершенно иное значение» [17. С. 30]; «Там и у Юнга совпадает лишь звуковая оболочка термина, но не его смысл» [15. С. 116]. Безусловно, для раскрытия сути данного различия необходим экскурс в предысторию становления «идеи архетипа» от античности до наших дней, что является предметом отдельного исследования. Пока же обозначим общие контуры проблемы: *что же такое «архетип»* – особенно в *гендерном* аспекте?

Если «эйдосы» у Платона и «архетипы» у платоников подразумевали некие трансцендентные образцы вещей материального мира, а «архетипы» в августиновском смысле – «образцы для подражания» и «парадигмы» (точка зрения, актуальная и в XX в. [17. С. 30]), то теория Юнга обращена к «архетипам»[2] как к содержаниям или элементам «коллектив-

[1] С. Аверинцев, напоминая об этом, отмечает характерность такого словоупотребления у христианского платоника V в., писавшего под именем Дионисия Ареопагита [1. С. 125], а также, добавлю, характерно для Филона Александрийского, Иренея Лионского и др.

[2] Впервые термин употреблен Юнгом в 1919 г. в статье «Инстинкт и бессознательное».

ного бессознательного, являющегося своеобразной копилкой наиболее ценного и глубинного человеческого опыта» и реализующегося в художественном творчестве посредством «первоначальных образов» [12. С. 194].

Истоки теории архетипа следует искать и в исследованиях первобытного мышления – в первую очередь, у Дж. Фрэзера («Золотая ветвь»), рассматривавшего ритуал как ключевую архетипическую модель[3], К. Леви-Стросса, выдвинувшего термин-понятие «арматура» в качестве инвариантного элемента для определения структурного статуса мифа в совокупности его свойств [13. С. 10, 110], Э. Тайлора («Первобытная культура»), Л. Леви-Брюля. Эти и другие представители мифологической школы усматривали исконное единство человечества в общем типе мышления, сохранившемся в современности через архаичные модели, видоизмененные историческим опытом, но оставшиеся исходными константами мировоззрения. Миф в их представлениях уравнивался с архетипом, и эта установка оказалась весьма стойкой, определив понимание архетипа вплоть до наших дней. Отсюда – достижения и недостатки теории архетипа в XX в. – начале XXI в.: и открываемые ею перспективы в области конкретного анализа, и ее теоретико-методологическая самозамкнутость «в саду мифологем».

Претерпевая ныне взлет, теория архетипа встала перед нередкой в таких случаях дилеммой. Да, на рубеже веков, в ситуации утраты мировоззренческих универсалий и поиска базовых констант для преодоления кризисности национального (и общечеловеческого) самосознания, усилилось внимание к проблеме архетипа в самых разных сферах знаний. Нахлынувший приток работ на данную тему, применение понятия в самых неожиданных ракурсах стали вызывать, однако, всё большую затемненность, размытость содержания «модного» термина, нередко представленного в тогах зага-

[3] Ср. определение его последователя М. Элиаде: «Любой ритуал имеет свою сакральную модель, архетип...» [17. С. 45].

дочной «непознаваемости», доступности лишь на интуитивном уровне, и т. п.

На самом деле «архетип» вовсе не абстрактная непознаваемая величина – исконно знание о нем антропоцентрично и направлено, в своем пределе, на восстановление сугубо человеческой идентичности, что особенно важно в периоды тотальной глобализации, т. е. подавления общим частного, индивидуального (будь то национальная личность или отдельный индивид). *Гендерная*[4] идентичность и задача ее сохранения, восстановления не составляет здесь исключения – тем более, что со времен Юнга, выделившего бинарный архетип *«Анима/Анимус», Женское и Мужское* начала входят в ряд основных архетипов коллективного (культурного) бессознательного и составляют особый разряд *гендерных архетипов*. К примеру, в художественной литературе и науке о ней, которая изучает архетип как *«сквозную модель»*, обладающую *неизменным,* «твердым» ядром-матрицей на сущностном уровне и – *вариативностью* проявлений в творчестве разных писателей разных времен[5].

Можно назвать следующие *бинарные архетипы*: *нуминозные* – Божественное и Дьявольское начала; *философские* – Время и Вечность, *социоисторические* – Раскол (Война, Революция, Катастрофа и пр.) и Мир; Деревня и Город; *возрастные* – Детство и Мудрая старость (Отцы и Дети); ***гендерные – Мужское и Женское начала*** (Женщина-Мать, Дева, Вечная Женственность, Женщина-Дьявол и пр.). Другой пласт составляют *сюжетно-ситуативные* архетипические модели: Преступление и Наказание (Возмездие); Преображение (Поднятая целина; Воскресение); Воля – Неволя; Бегство и Вечное возвращение («рай утраченный – рай возвращен-

[4] Под «гендером» автор понимает не просто врожденное женское или мужское начало, но и его «конструирование» на личностном уровне в процессе социализации индивида, определяющее его отношения с окружающим миром и обществом. См. об этом: [5. С. 161].

[5] См. об этом шире в: [4. С. 284–319].

ный»). В особую сферу следует выделить *натурфилософские (природные)* архетипы, из которых главным для русской ментальности, очевидно, является Земля (Мать, Родина)[6]: в сопряжении с о*нтологической* парадигмой Смерть – Возрождение[7], исконно обусловленной земледельческими, аграрными (сезонными, родовыми) циклами.

Закономерно, что изучение архетипов занимает особую нишу в феминистской теории, развивающейся в междисциплинарном поле – между психологией, литературоведением, культурологией, социологией и др. Направление это весьма продуктивно, о чем свидетельствует и выпуск многочисленных работ по феминистской теории архетипа [см., к примеру: 20; 21], и популярность таких книг, как «Бегущая с волками: Женский архетип в мифах и сказаниях» Клариссы Пинколы Эстес, и распространенность юнговской гендерной дихотомии «Анима/Анимус», давшей основания для исследований «*Женского архетипа*» в феминистской критике и за ее пределами.

Одну из причин устойчивого внимания феминистской теории к проблеме архетипа, очевидно, составляет давно назревшая необходимость в пересмотре (точнее, дополнении и развитии) основных положений Юнга. Эта установка, к примеру, прослеживается в современной «Энциклопедии феминистской теории литературы», где признание юнговой теории архетипа сочетается с ревизией его концепции Анимы/Анимуса как «генетически запрограммированных абсолютов». Феминистская литературная теория скорее склонна рассматривать гендерные архетипы как «подвижные культурные конструкты» и признает за «женской прозой» право вносить свою лепту в развитие новых архетипов [22. С. 23]. Среди других шагов по пересмотру положений Юнга в феминистской теории литературы – более расширительное

---

[6] Архетип с явно выраженным *Женским* началом.

[7] Онтологические смыслы и образы в своей универсальности присущи всем указанным линиям, потому, в противоречие обычной практике, я не выделяю их в специальный разряд.

толкование соотношения «архетип» и «миф»: в частности, перенос внимания на «женское мифотворчество» (women's myth-making).

Международный коллективный труд «Феминистская теория архетипа», посвященный (это оговорено в его подзаголовке) ревизии учения Юнга с междисциплинарных позиций, отмечает внимание ученого к женскому началу в культуре и в личности. Тем не менее, с точки зрения феминизма Юнг не учел весь спектр различий между *гендерными противоположностями*, рассматривая *мужское и женское начала* скорее в качестве зеркальных отражений друг друга. Необходимо большее проникновение в *женское бессознательное*, отличающееся специфической образной системой, своеобычными сновидческими фантазиями и грезами. «Мы должны изучать особенности женского воображения, фантазии, мечтаний, чувств и мыслей», – заявляют создатели труда Э. Лаутер и К. Руппрехт в теоретическом введении в проблему.

«Теория архетипа предоставляет феминизму большие возможности для исследования женской образности и особенностей социальной, экономической или политической деятельности: возможности оценить все исторические разновидности женского жизнетворчества, а не только доминирующие в современной культуре... Нам необходима теория, которая бы позволила всерьез исследовать образцы женской мысли и образной системы, не преувеличивая, конечно, их значения. В такого рода теории «архетип» рассматривается не как неподвижный образ, но как процесс,.. ведущий к (пере) формированию образов, появляющихся в результате некоего повторяющегося опыта» [20. С. 15–16].

Такая теория включает в себя, с опорой на междисциплинарное изучение проблемы, выработку собственно концепции архетипа, а также применение методов и идей предшественников без усвоения их идеологии; пересмотр соотношения образа и реальности, бессознательного и материального миров.

В целом феминистская критика ориентируется на более динамичное понимание архетипа: на первый план выходит его *порождающая функция.* С классификационной точки зрения феминистская теория выделяет три основные категории архетипических образов: архетипы Матери, Независимой Женщины и Анимы. Значение данного направления состоит еще и в том, что оно апеллирует к такой базовой основе, как «априорное женское знание», глубоко укорененное в коллективном бессознательном, но подавляемое и в мужском мире, и внутри собственно женского «Я» [20. С. 128].

Именно реабилитации и возвращению «*гендерного подавляемого*» посвящены известные книги Э. Пратт и К. П. Эстес. В монографии «Архетипические образцы в женской литературе» Пратт ставит целью выявление архетипических образов, символов, нарративных моделей, которые бы отличались от стереотипов своей комплексной изменчивостью, способностью к вариативности в процессе восприятия.

«Архетипические модели, обнаруживающие себя в женской прозе, задают сигналы утраченной, казалось бы, женской традиции, вступая в конфликт с культурными нормами. Такое видение архетипов как потенциально *оппозиционных* величин во многом обуславливает привлекательность архетипических исключений для феминистской критики» [21. С. 4].

Сходным образом в монографии К. П. Эстес «Женский архетип» словно бы занесен в «красную книгу» культуры. Предмет ее исследования – архетип «*Первозданная Женщина*»[8], который, в своем сопряжении с концептом Первозданной Природы, отстаивает восстановление утраченного цивилизацией первородства, реабилитацию вытесненных природных инстинктов, естественных норм и т. п. В этом смысле работы данного направления по своему пафосу и

[8] В оригинале – *Wild Woman*. В примечаниях к книге русский редактор подчеркивает, что, «как следует из концепции архетипа, это не только и не столько Дикая, сколько Первая, Первозданная, не искалеченная природой Женщина» (18. С. 15).

мировоззренческим установкам смыкаются с исследованиями первобытной культуры в трудах Фрэзера, Тайлора, Леви-Стросса и др., также отстаивавших приоритет естественных норм и мироощущения.

«Первозданная Природа и Первозданная Женщина – два вида, которым угрожает полное исчезновение. На протяжении длительного времени женская инстинктивная природа подвергалась гонению, грабежу и злоупотреблениям. Подобно любой дикой природе, она всегда страдала от неразумного обращения... В ходе истории духовные земли Первозданной Женщины опустошались и выжигались, ее убежища сносились бульдозерами, а естественные циклы превращались в искусственные ритмы ради ублажения других» [18. С. 15].

В отечественной теории архетипа подобное направление дало о себе знать (в сублимированном варианте) во втором выпуске в 2000 г. культурологического альманаха «Архетип» [2], посвященного *образу Женщины* в культуре. В итоге, участники сборника выделяют три основных женских типа в культуре (литературе): Женщина-Мать (мать-природа и земная женщина), Женщина-Демон (олицетворение пороков и соблазнов, ведущих человека к гибели) и Женщина-Дева (носительница светлого, идеального небесного начала). К «архетипу Девы» в русской литературе исследователи относят Бедную Лизу у Карамзина, Татьяну Ларину у Пушкина, Бэлу и княжну Мэри у Лермонтова, «тургеневских девушек», Наташу Ростову у Л. Толстого, Ларису Огудалову у Островского, Мисюсь у Чехова и др. [6. С. 30–33]. Тем не менее всё это вновь поднимает «старую» проблему автора и героя в литературе – развернутую теперь уже в «новом» гендерном аспекте...

В 1927 г. академик В. Виноградов писал: образ автора «сквозит в художественном произведении всегда. В ткани слов, в приемах изображения... Это не лицо “реального” житейского Толстого, Достоевского, Гоголя. Это – своеобразный “актерский” лик писателя» [8. С. 311]. Нередко процитиро-

ванное толкуют совершенно превратно: будто бы Виноградов отрицал связь творения и творца. Не знаю, чему удивляться – то ли дремучей безграмотности авторов подобных заявлений, то ли их глупости? Конечно же, фотография не есть отображенный ею объект. Но фотография запечатлевает черты объекта. Виноградов говорил (и это подтверждается многими другими его высказываниями), что образ автора – всегда образ писателя, выступающего в произведении под различными стилевыми масками: как самого себя, так и героев, в которых он, подобно актеру, перевоплощается. Главная идея произведения есть идея (образ – от гр. представление, понятие; видеть), обнаруживающая себя на пересечении различных стилистических плоскостей. Иными словами, образ автора – это центр, фокус, в котором сходятся все художественные средства, используемые реальной биографической личностью. Но поскольку автор-мужчина и автор-женщина отличаются друг от друга, постольку, при всей схожести (или несхожести) их лексики, используемых художественных средств и приемов, последние несут в себе разное психологическое, эмоциональное содержание, разные (усвоенные на уровнях коллективного и индивидуального бессознательного) модели мира. В этом смысле и «мужская проза», и «женская проза» существуют. И спор о различии *Женского и Мужского начал в литературе* – прежде всего спор о различии не только гендерных архетипов, но и образов автора.

Современная *«женская проза»* раскрывает женские «странности» как особенности собственной модели мира – отличного от мужского, но и равновеликого ему. Так, героини повести Светланы Василенко «Дурочка» и рассказа Веры Галактионовой «Зеркало» – странные, некрасивые, отличные от окружающего мира, отторженные им сироты. «Ты – дочь врага народа, – с ненавистью говорит директор детского дома немой Ганне в «Дурочке». – Ты – обезьяна, ты мразь, ты животное» [7. С. 18]. И та, видя себя остриженной под «ноль», с выбритым на голове крестом, разбивает зеркало. Однако ис-

чезновение его в скорбном детстве героини означает лишь стадию переходности. В финальном претворении солярного мифа рождающая солнце Ганна (она же Надька) словно б отражается в небе, возносясь на него и перерождаясь вместе с ним:

«Оно рождалось на наших глазах на краю земли и неба, огромное красное солнце, все испачканное в Надькиной крови. Надька рожала солнце. Оно поднималось и поднималось и вдруг, просияв, показало себя все. Солнце было совсем другое, чем прежде. Это было новое солнце. Солнце лежало в небе, словно младенец в пеленках, и глядело на новый простирающийся над ним мир. И я вдруг понял, что войны не будет, что сегодня Надька спасла нас, что не будет ядерного удара, ракет... Смерти не будет!..» [7. С. 126].

В рассказе В. Галактионовой зеркало не разбивается, и девочка, в глазах деревенских женщин некрасивая, с радостью смотрится в «тяжелое зеркало», исполненное колдовских чар женского преображения, кажется, в это старое зеркало смотрелась и девочка из пронзительной «Оды русскому огороду» В. Астафьева, углядывая в глубинах его некий иной, колдовской свой лик:

«В недвижной глубине зеркала плавают звезды, клешнястые жуки, паутина по углам клубится, похожая на траву, прихваченную инеем. Оттуда, из бездонных глубин зеркала, из растений, белых и недвижных, надвигается и смотрит на девочку другая девочка, лобастая, худющая, с широким ярким ртом, расширенными, слегка выпученными глазами» [3. С. 476].

Мнится, в этом «другом» измерении таится еще не выраженное, свернутое в кокон детскости грядущее женское... Образы недовоплощенности – в ликах ли странных «дурочек», не выросших еще, неоформленных, создают своеобразные ряды взаимоотражений. А женское начало, еще внеположное такой недовоплощенности, растворяется в преображенном мире, слагаясь из отдельных его частиц, существ, творений...

В галактионовском «Зеркале» также появляется деревенская немая – Лиза-дурочка. «Едва различимая в солнечном мареве», она поражает воображение героини, словно василенковская Ганна – окружающих.

«Женщина шла совсем необыкновенная. Девочка заволновалась, покраснела – а она шла чудной плавной походкой, словно сквозь воду, и медное сияние шло от её ослепительно-красных волос, едва прикрытых черной кружевной шалью. Совсем близко проплыло ее лицо, бледное, длинное, с остановившимся расплывшимся взглядом. И жаркий воздух не всколыхнулся. Девочка сморщилась от сильного волнения. Она привстала на цыпочки, моргая часто и восторженно, и жалко вытянула шею – она смотрела вслед женщине... И девочка научилась смотреть на серые жерди, на кур, на спутанную травку-муравку, *а видеть совсем другое*: женщина возникала снова, едва различимая в солнечном мареве. Она возникала» [9. С. 454–455].

Так формируется в повествовании «двойной» взгляд, позволяющий реконструировать – сквозь бытовую, обыденную изнанку вещей – скрытые, подлинные их смыслы и образы.

Отторжение аномалии оборачивается первооткрытием нормы. На первый план выходит *эстетическое переживание*, исполненное идеальных устремлений (не)женщины: «Она *красивая... – переживая*, сказала девочка». А это утверждение встречается смехом и уверениями в обратном: «Страшнее нее, наверное, и на свете нету!» [9. С. 456]. Однако мотив зеркала несет в себе и поверку эстетической нормы через ее множественные отражения, отрицание и утверждение. И этой множественности противопоставлено единое, общее: образ *Женщины* как *чуда жизнетворчества*, утверждающего себя наперекор, вопреки. Глядя на себя – беззубую, белобрысую, невзрачную, – девочка не воспринимает эти внешние признаки как сферу отторжения. Главное здесь – *отражение* в ней самой женского начала, прочувствованного ею в облике прекрасной незнакомки с «чудной плавной походкой» и огнен-

ными волосами. «Она думала про некрасивую Лизу-дурочку – и про себя, такую же некрасивую, как сама необыкновенная Лиза, и радостно моргала, и тихонько смеялась от восторга» [Там же].

Вот так, через субъектные сферы своих героинь, утверждает себя женское «Я» автора. Автор идентифицирует себя через то, что мыслит о себе самом, но – обладая «интерсубъективностью» (Э. Гуссерль) – и через сознание Другого, Другой. Автор-«субъект (предстает. – *А. Б.*) как интенциональный полюс, как носитель намерения, которому принадлежит область значений» [17. С. 11]. В первую очередь, это авторское «Я», вступающее в отношения с собственным (в «женской прозе», естественно, женским) ego, которое «в своей изначальной отрешенности от всего “внешнего” обладает неисчерпаемым богатством интенционального видения» [11. С. 152].

Образ автора несет в себе (само)раскрытие женского «Я» в конкретности его *эстетических переживаний*, вбирающих в свою сферу стремление к любви, воспоминания о встречах, поступках, чувства единения или, наоборот, соперничества с героинями, рефлексию о взаимоотношениях с противоположным полом, заботу о детях и, наконец, представления о женщине и женственности – в реальности и в идеале. Так авторское «ego cogito» (я мыслю) воплощает себя в «открыто-бесконечном многообразии отдельных конкретных переживаний» [11. С. 103].

Вот здесь-то – на архетипическом уровне культурного, эстетического бессознательного – и проявляется *нерв* современной русской «женской прозы»: ее *стремление к восстановлению женской идентичности, к обретению женственности*, во многом утраченной в военные и последующие исторические периоды. В определенной мере это – проблема теории и практики гендерных архетипов. Ведь для того, чтоб выделить сущностные моменты и особенности, разделяющие «женскую» и «мужскую» прозу, – т. е. чтобы докопаться до реального положения вещей и правомерности самого

их разделения, – необходима теоретико-методологическая база, которая позволила бы обозначить *типологические, повторяющиеся* в произведениях и авторов-женщин, и авторов-мужчин черты.

Скорее всего, наблюдающееся сейчас гендерное снижение – к примеру, в «русском постмодернизме...без постмодерности» [14. С. 59], а на самом деле китче[9], – связано с отказом от гуманистического вектора литературы – пафоса человечности. В этом плане феминистская теория, легализовавшая в творческом самосознании «Первозданную Женщину», Женское начало (со всеми вытекающими отсюда социопсихологическими последствиями), образовала своеобразную оппозицию расчеловечиванию человека, выступив на защиту женской природы, подавляемой техногенной мужской цивилизацией.

Итак, нынешний всплеск интереса к проблеме архетипа (в т. ч. гендерного), во многом вызванный кризисом идентичности (национальной, культурной, гендерной и пр.), направляет нас на путь ее восстановления. В задачи человеческого самопознания, культурной самоидентификации тогда входит «поиск себя» как обретение некоей точки опоры – на глубинные, базовые архетипы коллективного бессознательного, коренящиеся в устойчивых протообразцах, первичных моделях развития. Таких, как *«Первозданная Женщина»*...

---

[9] Общая тенденция такого ценностного снижения к китчу в российской жизни точно подмечена Светланой Бойм, прочерчивающей линию перехода к «быту» как пошлости, к искусству как адаптации китчевых форм, к культуре как массовой «культурности». Сходные метаморфозы претерпевает вынесенный в заглавие ее книги концепт «общие места». В главе «Археология общих мест: от топоса до китча» Бойм конкретизирует эту линию снижения – от античного искусства памяти, запечатленной в образах знакомых мест, до нынешнего вместилища «идеологической» памяти (убогих коммунальных квартир и прочего – наследия советских времен) [19].

Библиографический список

1. Аверинцев, С. С. «Аналитическая психология» К. Г. Юнга и закономерности творческой фантазии / С. С. Аверинцев // Вопросы литературы. – 1970. – № 3. – С. 112–143.
2. Архетип: культурологический альманах. – Шадринск, 2000. – Вып. 2.
3. Астафьев, В. П. Ода русскому огороду / В. П. Астафьев // Собр. соч.: в 4 т. – М., 1979. – Т. 1.
4. Большакова, А. Ю. Архетип в теоретической мысли XX века // Теоретико-литературные итоги XX века / А. Ю. Большакова. – М., 2003. – Т. 2. Художественный текст и контекст культуры. – С. 284–319.
5. Большакова, А. Ю. Гендер // Литературная энциклопедия терминов и понятий / А. Ю. Большакова; под ред. А. Н. Николюкина. – М., 2001. – С. 162.
6. Борисов, С. А. Дева как архетипический образ русской литературы // Художественная индивидуальность писателя и литературный процесс XX . / С. А. Борисов. – Омск, 1995. – С. 30–33.
7. Василенко, С. В. Дурочка / С. В. Василенко. – М., 2000.
8. Виноградов, В. В. О языке художественной прозы / В. В. Виноградов. – М., 1980.
9. Галактионова В. Г. Крылатый дом / В. В. Виноградов. – М., 2003.
10. Греймас, А. К истории интерпретации мифологического нарратива // Зарубежные исследования по семиотике фольклора: сборник статей / А. Греймас; сост. Е. М. Мелетинский, С. Ю. Неклюдов. – М., 1985. – С. 109–144.
11. Гуссерль, Э. Картезианские размышления / Э. Гуссерль. – СПб., 1998.
12. Козлов, А. С. Архетип / А. С. Козлов // Современное зарубежное литературоведение (страны Западной Европы и США): концепции, школы, термины: энциклопедический справочник. – М., 1996. – С. 194–195.
13. Леви-Стросс, К. Структура мифов / К. Леви-Стросс // Вопросы философии. – 1970. – № 7. – С. 152–164.
14. Липовецкий, М. Н. Конец постмодернизма? / М. Н. Липовецкий // Литературная учеба. – 2002. – № 3.

15. Михалкович, В. М. Вариативность инвариантов / В. М. Михалкович // Экранное искусство и литература: современный этап. – М., 1994.
16. Эстес, К. П. Бегущая с волками. Женский архетип в мифах и сказаниях / К. П. Эстес. – Киев, 2000.
17. Рикер, П. Конфликт интерпретаций: Очерки о герменевтике / П. Рикер. – М., 1995.
18. Элиаде, М. Космос и история / М. Элиаде. – М., 1987.
19. Boym, S. Common Places: Mythologies of Everyday Life in Russia. Cambridge, Mass / S. Boym. – L., 1994.
20. Feminist Archetypal Theory: Interdisciplinary Re-Visions of Jungian Thought. Ed. E. Lanter and C. Sch. Rupprecht. – Knoxville, 1985.
21. Pratt, A. Archetypal Patterns in Women's Fiction / A. Pratt. – Bloomington, 1981.
22. Rigsby, R. Archetypal Criticism / R. Rigsby // Encyclopedia of Feminist Literary Theory. Ed. E. Kowaleski-Wallace. – N.-Y. and L., 1997. – P. 23–24.

СПЕЦИФИКА ПОНИМАНИЯ ЖЕНСКОГО САМОСОЗНАНИЯ В ФИЛОСОФИИ П. Е. АСТАФЬЕВА: СОВРЕМЕННОЕ ПРОЧТЕНИЕ

О. Н. Сальникова
Белгородский государственный университет,
г. Белгород, Россия

Summary. The Article is devoted to the analysis of influence of modern society on development of women's consciousness: on example of creation of P.E. Astafiev. Most in detail the specific of understanding of Astafev of the personal consciousness, originality of Russian consciousness and maintainance of his unique lines, is in-process examined in the conditions of globalization. Importance of ideological legacy of philosopher is underlined in the modern decision of problem of development Russian consciousness.

Keywords: consciousness, consciousness, presentation, activity, will.

Женский вопрос по праву считался жизненно важным во все времена, поскольку затрагивал естественные особенности, призвание и назначение целой половины человеческого рода. Актуальность исследования женского самосознания сегодня обусловлена глобальными социокультурными и экономическими изменениями, которые повлияли на складывание иного, отличного от традиционного образа женщины. Каким образом отклонение от принятых в обществе гендерных стереотипов может повлиять на дальнейшее развитие основного социального института – семьи? Ответ на данный вопрос можно найти, если обратиться к творчеству П. Е. Астафьева о психологическом мире женщины и его особенностях.

В своих трудах он сумел выделить отличия мужского и женского самосознания и подчеркнуть именно те черты женского сознания, которые сейчас всё чаще выходят на передний план и исследуются в связи с изменениями в обществе роли семьи и женщины. Специфику понимания женского самосознания Астафьевым определяет та последовательность, с которой он исследует самосознание: начиная с коренных физиологических особенностей, философ далее связывает их с психической жизнью женщины, постепенно раскрывая отличия женской воли, чувств и мышления. Не приспособленный к задачам механического воздействия, женский организм совершеннее мужского в других отношениях, гораздо более важных для существа, на которое возложена задача поддержать существование рода.

Особое место, по его мнению, в жизни женщины занимают обычаи и нравы, которые оказывают существенное влияние на её самосознание. За ней издавна признают значение блюстительницы нравов и видят в этом естественно-консервативном отношении женщины к окружающему строю и порядку жизни особенность её исторического, культурного назначения. С «женственностью» философ связывает большие надежды на исцеление всех коренных недугов современного общества и человека. Исходя из психологической клас-

сификации Астафьева можно сделать вывод о том, что роли участия мужчины и женщины в ходе исторического развития человечества выглядят следующим образом: мужчина вырабатывает руководящие историческим ходом идеи, женщина проводит их в жизнь, закрепляя в обычаях, влияние которых постоянно и охватывает все стороны человеческой жизни, потому носит воспитательный характер. Данное распределение ролей мужчины и женщины соответственно влияет на мужское и женское самосознание.

Основой решения вопроса о развитии самосознания женщины следует признать убеждение Астафьева в том, что женщина должна лишь следовать тому предназначению, которым её наградила природа, и тогда в обществе изменится очень многое: начнутся оздоровительные процессы в области морали и нравов, семейное воспитание возымеет своё действие и излечатся социальные болезни общества. Более того, это даст возможность женщине осознавать себя, свои стремления и поступки, свои мысли, способности, своё отношение к окружающему миру совершенно по-другому. Развитое самосознание женщины будет помогать ей жить полноценной, полнокровной жизнью.

Сегодня в связи с актуальностью гендерных исследований в современной науке, изменением незыблемости конструктов фемининности и маскулинности, следует вновь обратиться к идеям мыслителя об особенностях женского самосознания. «Гендерный» взгляд на женщину имеет не только положительные черты, выражающиеся в расширении её социальных ролей. В образе женщины теряют свою связь понятия «женщина-мать», основным достоинством становится красота тела, вытесняется духовное содержание личности. В то же время рядом с образом женщины нет не только старости, но и образа ребенка. Все эти изменения пагубно сказываются на развитии социального института семьи в первую очередь. В связи с этим нельзя не согласиться с тем, о чем писал Астафьев: «Когда сама естественная представительни-

ца и хранительница рода возмущается против этого своего призвания, то не указывает ли это на «начало конца», на то, что и род уже устал и утратил силу жить дольше?! И такое пессимистическое заключение не было бы совершенно произвольным, если бы, по счастью, значение самого факта возмущения не ослаблялось тем обстоятельством, что оно искусственное, что агитация исходит не от женщины» [1. С. 262]. Поскольку на постиндустриальном этапе развития российской цивилизации прежний образ женщины разрушен, а новой позитивной трансформации этого важнейшего для культуры архетипа не произошло, хочется обратить внимание современников на путь решения проблемы, предложенный Астафьевым: женщина в силу своих физиологических особенностей, должна, прежде всего, следовать своему естественному предназначению.

Библиографический список

1. Астафьев, П. Е. Психологический мир женщины, его особенности, превосходство и недостатки / П. Е. Астафьев // Философия нации и единство мировоззрения. – М.: Москва, 2000.– 262 с.

ГЕНДЕРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В ВОСПРИЯТИИ «СВОБОДЫ» И «НЕСВОБОДЫ»

В. И. Атагунов
Институт педагогики и психологии профессионального образования РАО, г. Казань, Россия

Summary. This article reflects the research results to find out the social representations structure of “freedom” and “not freedom” of men-students and women- students and the level of emotional experience of their own real and desired freedom. The research data may

be of interest to psychology and pedagogics and also to the psychology of social cognition.

Keywords: social representations of “freedom”, the level of real freedom perception, the level of desireable freedom perception, spiritual freedom, social freedom, infantile freedom, freedom as power, complete freedom, unfreedom.

Свобода как одна из ключевых ценностей человека и человечества являлась предметом изучения многих ученых. Однако социальные представления о «свободе» и особенности ее субъективного восприятия в рамках гендерных различий почти не изучены. Результаты, отраженные в данной статье, на взгляд автора, могут способствовать устранению этого пробела.

В нашем исследовании приняло участие 716 респондентов, из которых 409 человек женского и 307 мужского пола. В качестве респондентов выступали студенты профессиональных учебных заведений (ССУЗ и ВУЗ) различных профилей республик Татарстан и Башкортостан: медицинского, технического, социально-экономического и гуманитарного. Средний возраст наших респондентов составил 19,2 лет. В качестве основного диагностического инструментария исследования выступала авторская полупроективная методика «Социальные представления о «свободе» и «несвободе». Испытуемым предлагалось из представленного списка персонажей (киногерои, исторические деятели, литературные персонажи и т. д.) выбрать не более трех, которые, на их взгляд, являются самыми «свободными» и обосновать свой выбор несколькими словами. После этого респондентам надо было разместить выбранные персонажи на шкале «абсолютная свобода – абсолютная несвобода». Далее респондентам предлагалось из другого списка персонажей выбрать 3 самых, на их взгляд, «несвободных», и проделать с ними аналогичную процедуру. Третьим этапом работы с данной методикой, было размещение меток на шкале, которые бы обозначали их

реальный уровень восприятия свободы («Я-реальное») и желаемый («Я-идеальное»).

Результаты исследования. Анализ восприятия собственной свободы (реальной свободы) нашими респондентами показал, что средние показатели располагаются чуть выше середины шкалы, а желаемая свобода (идеальной свободы) находится на уровне 1/5 вниз от точки наивысшей свободы. В таблице № 1 отражены результаты восприятия собственной реальной и желаемой свободы в зависимости от гендерных различий респондентов с учетом того, что мы исходили из того, что шкала «абсолютная свобода – абсолютная несвобода» в нашей методике составляет 100 условных метрических единиц.

Таблица 1

Сравнительный анализ средних значений уровней восприятия собственной реальной и желаемой свободы студентов в зависимости от их гендерных различий

Пол респондентов	**Уровень реальной свободы («Яр»)**	**Уровень желаемой свободы («Яи»)**	**Уровень разницы между реальной и желаемой свободы («S»)**
Мужчины	56,5	85,0	28,5
Женщины	55,9	82,0	26,1
Коэф. значимости отличий (t-критерий Стьюдента)	0,7442	**0,0081**	**0,0521**

Из представленных результатов видно, что у женской половины выборки уровень восприятия желаемой свободы меньше, чем у мужской. Возможно, это обусловлено тем, что, при одинаковой степени свободы, мужчинам, в отличие от женщин, для удовлетворения собственных потребностей и достижения поставленных целей необходимо больше самостоятельности и независимости в действиях и поступках. Кроме того, груз социальной ответственности на мужчинах лежит больше, чем на женщинах, даже в период их молодости, что и может отражаться на степени притязаний собственной свободы.

Далее перейдем к описанию результатов исследования, отражающих особенности структуры социальных представлений о «свободе» женщин и мужчин. Проведя контент-анализ обоснований выбора респондентов того или иного персонажа в качестве «свободного», мы выделили несколько типов представлений о «свободе» (см. табл. 2). Стоит сразу отметить, что 43,5 % мужчин и 40,9 % женщин имеют одновременно несколько трактовок категории «свобода» (полимодальный аспект). Как правило, в данных ответах присутствовали одновременно «социальные», «духовные» трактовки «свободы», а также трактовки изучаемой категории «как власти и могущества». Этот факт свидетельствует о сложности самого феномена «свободы» и структуре его представлений у современных молодых людей.

Следует акцентировать внимание, что в некоторых ответах респондентов обеих групп прослеживается политическая и негативная (свобода как зло, анархия и хаос) интерпретация свободы, однако мы не можем их выделить в отдельную группу, так как они не являются доминирующими в представлениях отдельных представителей выборки.

Таблица 2

Аспекты представлений «свободы» двух выборок (% от общего числа каждой выборки и ранг)

Аспекты свободы	Мужчины		Женщины	
	%	Ранг	%	Ранг
Духовная (духовная сила, стремление к саморазвитию, творческие способности)	19,9	**2**	24,2	**2**
Как могущество (сила и власть, материальная обеспеченность)	13,9	**4**	17,0	**3**
Социальная (независимость в социальных отношениях)	15,1	**3**	13,7	**4**
Инфантильная (отсутствие ответственности за свои действия)	4,9	**5**	3,2	**5**
Абсолютная (отсутствие ограничений в физическом пространстве)	2,8	**6**	1,0	**6**
Полимодальная (одновременно содержит несколько аспектов свободы)	43,5	**1**	40,9	**1**

Анализируя представленные результаты в зависимости от половых особенностей выборки можно отметить, что для девушек понятие «свобода» обладает более духовной смысловой нагрузкой, чем для юношей. Это может быть обусловлено особенностями в различии социализации мужчин и женщин. Мужчины, в силу социальной роли, являются «добытчиками», поэтому их ментальность более прагматична и материальна. Этот же фактор, на наш взгляд, объясняет небольшое различие в результатах восприятия «свободы» как власти и могущества. Социальный статус женщины в современном обществе, несмотря на положительную тенденцию к изменениям, до сих пор не позволяет им наравне с мужчи-

нами находится на одном уровне власти, могущества и материальной обеспеченности. Следствием этого в содержании представлений о свободе у лиц данного пола более четко прослеживается стремление к свободе как власти и могуществу.

Далее перейдем к описанию результатов исследования, отражающих особенности структуры социальных представлений о «несвободе» женщин и мужчин. Проведя контент-анализ обоснований выбора респондентов того или иного персонажа в качестве «несвободного», мы выделили несколько типов представлений о «несвободе» (см. табл. 3). Стоит также сразу отметить, что 34,2 % мужчин и 45,0 % женщин имеют одновременно несколько трактовок категории «несвобода» (полимодальный аспект). Несмотря на это отличие, обе выборки по представлениям о «несвободе» более однородны по сравнению с представлениями о «свободе».

Таблица 3

Аспекты представлений «несвободы» двух выборок (% от общего числа каждой выборки и ранг)

Аспекты несвободы	**Мужчины**		**Женщины**	
	%	Ранг	%	Ранг
Зависимость (от психоактивных веществ, социально-психологическая зависимость от других людей)	33,6	**2**	28,8	**2**
Физическое ограничение (в пространстве)	13,7	**4**	13,4	**3**
Подчинение (ролевое и статусное)	15,5	**3**	10,3	**4**
Ответственность (за свои действия или бездействия, ролевая и статусная)	2,1	**5**	1,7	**5**
Политическая несвобода	0,9	**6**	0,8	**6**

Полимодальная несвобода (одновременно содержит несколько аспектов несвободы)	34,2	**1**	45,0	**1**

Из представленных результатов следует выделить, что для юношей понятие «несвобода» имеет более выраженный смысл, чем для девушек. Количество респондентов мужского пола, у которых доминирует полимодальный аспект свободы, заметно меньше, чем у респондентов женского пола. Это происходит из-за того, что смысловая нагрузка искомого понятия имеет более выраженную направленность, которая заключается в явном доминировании ограниченного числа аспектов «несвободы».

Из представленных в таблице данных можно отметить, что юноши чаще девушек под несвободой понимают зависимость. Этот факт легко объясняется тем, что для мужского пола вопрос зависимости от ПАВ (психоактивные вещества) более актуален, они чаще курят и употребляют спиртные напитки.

Также из полученных результатов видно, что для юношей более остро стоит вопрос о подчинении в социальном окружении. Это объясняется особенностью воспитания и социализацией мужчин. Мальчиков принято воспитывать сильными, самодостаточными людьми. Однако социальная реальность такова, что в межличностном общении часто необходимо подчиняться воли другого человека, поэтому мужской пол на это реагирует более фрустрационной реакцией, чем женский.

Подводя итог результатам проведенного исследования, резюмируем, что гендерные различия влияют не только на структуру социальных представлений о «свободе» и «несвободе», но и обусловливают степень свободы у современных молодых людей.

ЛЮБОВЬ КАК ОСНОВА ГЕНДЕРНЫХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ В КУЛЬТУРЕ ДРЕВНЕГО МИРА

О. А. Отраднова
Астраханский государственный университет,
г. Астрахань, Россия

Summary. The problem of love as bases gender relations actual in modern culture as west, so and in Russia. This article is dedicated to analysis of love of ancient world and its premisses in culture of the ancient world for the reason discovery essential features, remaining unchangeable and today that directly influences upon gender behavior and relations.

Keywords: gender, relations, love, culture, ancient world.

Любовь изначально была основой гендерных взаимоотношений в обществе. Период ее возникновения невозможно определить с большой долей точности. Мы придерживаемся подхода, согласно которому, любовь возникает параллельно с началом цивилизации, появление которой антропологи связывают с отказом от инцеста. Проблема любви как основы гендерных взаимоотношений в современной культуре имеет большую степень актуальности как на Западе, так и в России. Она становится предметом целого ряда новых научных знаний, возникших в конце XX века, таких как гендерология, феминология, соционика и др.

Целью данной статьи является анализ любви и ее предпосылок как основы гендерных взаимоотношений в культуре древнего мира для выявления ее сущностных характеристик, остающихся неизменными в любой период истории человечества, включая и современность, оказывая влияние на гендерное поведение и взаимоотношения.

Само появление любви, на наш взгляд, связано с поиском оснований бытия человеком, его стремлением обрести смысл существования как самого себя, так и всего мира. Первые по-

пытки объяснения всего сущего на земле дают человеку с одной стороны, любовь как одно из природных оснований жизни, например, трансформации Хаоса в Космос, порождения Родом Вселенной, формирования и продолжения рода человеческого, а с другой – как внутреннее, духовное основание бытия, проявляющееся в обретении смысла жизни, ценности человеческого существования, а также способности на самопожертвование ради Другого и альтруизм. Таким образом, любовь изначально имеет дуальную природу, состоящую из сферы физического, где любовь есть природная сила, дающая человеку жизнь, и сферы метафизического, где любовь представляет собой духовную энергию, обретение которой и составляет смысл жизни человека и его счастье. Таким образом, сочетание физического и метафизического является имманентным противоречием любви, ее сущностной антиномией.

С психическим усложнением человека, а также с каждой новой ступенью его этического, эстетического и нравственного развития любовь приобретала все более сложные характеристики и порождала новые формы антиномий любви и их теоретическое обоснование (этот процесс не закончен и ныне, так как не закончено и становление самого человека).

Первые представления о любви, зафиксированные в источниках, дошедших до современности, восходят к шумеро-аккадскому эпосу, где Инана – Иштар – богиня плотской любви, культ ее связан с половым актом как стимулом плодородия, отправляющимся жрицами богини – гетерами. «Даже Иштар-Инана, одна из самых излюбленных и могущественных богинь, в честь которой – не в пример другим богиням – давали имена не только девочкам, но и мальчикам, в пределах небесного «города», или «общины» богов несла функцию жрицы-блудницы» [3. С. 196]. Чувствительная и импульсивная, Иштар представляла собой противоречивое объединение крайних полюсов человеческих эмоций: от любви и благосклонности до ненависти и злобы, благодаря чему другой божественной функцией Иштар была распря и рознь. В ак-

кадской поэме о Гильгамеше, сложенной в XXIII–XXI веках до н. э., Иштар, предлагая Гильгамешу свою любовь, хочет стать его супругой, на что Гильгамеш указывает ей на все ее прегрешенья:

«Какого супруга ты любила вечно,
Какую славу тебе возносят?
Давай перечислю, с кем ты блудила!...»[9. С. 187–188].

Любовь в шумеро-аккадский период тождественна акту близости, имеющему священное значение для народа, роль такой любви высока, поскольку она возвышает человека над животным – в эпосе, благодаря наслаждению, испытанному от блудницы, герой Энкиду, ранее живший среди зверей «стал […] умнее, разуменьем глубже», однако супружеские отношения в этой культуре являются священными и их нарушения жестоко караются: «замуж девушка, выдавалась так рано, а супружеская неверность каралась так жестоко,…»[3. С. 197], пишет исследователь древнейшей культуры И. М. Дьяконов. Таким образом, любовь шумеро-аккадской цивилизации предстает в двух ипостасях: с одной стороны, это культ сексуального наслаждения, а с другой – супружеская верность и материнство.

Древнеегипетская культура, подобно шумеро-аккадской, сохраняет связь любви с актом плодородия. Хатхор – богиня любви, веселья представляет собой радость от сексуальных утех, культ этой богини – наиболее ранний в египетской цивилизации. Этой любви так же, как и в шумерской религии, противопоставляется супружеская, священная любовь, связанная с именами богов Осириса и Исиды. В мифах, посвященных этим богам, любовь предстает как созидающее начало, дающее жизнь. Супружеская любовь описана также в любовной лирике Древнего Египта:

«Любимая мужем супруга, влекущая, сладостная любовью,
С чарующими устами и приятной речью.
Все, что исходило из ее губ, было подобно творению Истины»…[7. С. 95]

Таким образом, любовь в Древнем Египте, как и в других древних цивилизациях представляет собой антиномию между любовью – телесным наслаждением и супружеской, преданной любовью, связанной также с продолжением рода, где, для одних целей служат блудницы и гетеры, не имеющие права рожать детей, а для других – женщины – матери и верные спутницы мужа [3. С. 428].

Первым источником знаний о любви в Древней Греции являются мифы, в которых любовь имеет два значения, с одной стороны – это космопланетарная сила, дающая жизнь природе и человеку и управляющая ей, благодаря любви Космос рождается из Хаоса, а богине любви Афродите подвластен и человек и все другие боги. С другой стороны любовь имеет индивидуальное значение, она представляет собой чувство, наполняющее душу эмоциями и переживаниями. В свою очередь, любовь как индивидуальное чувство, подобно любви в других древних цивилизациях, имеет два противоречивых начала, это любовь – вожделение, стремление к телесному соитию и любовь - идеал верности и преданности. В древнегреческом эпосе представлены и эти антиномичные стороны индивидуальной любви. Любовь как стремление к телесному единству прослеживается в повествовании Овидия «Метаморфозы» о Зевсе и Ио, где, несмотря на бегство Ио, Зевс ее задержал и «стыд девичий похитил» [5].

Богата древнегреческая мифология и примерами любви преданной, стремящейся к бесконечности, преодолевающей любые препятствия, даже смерть. Таким примером вечной любви является миф об Орфее и Эвридике, где Орфей даже после ее смерти оставался верен любимой и своим путешествием в Аид утверждал вечность любви [5].

Таким образом, уже античность периода мифологии располагает знаниями об антиномичной природе индивидуальной любви, сочетающей в себе любовь к телу, вожделеющую любовь, основанную на бессознательном, безличном влечении к индивиду и любовь духовную, личную, наделяющую

смыслом существование человека, помогающую преодолеть человеческое одиночество и обрести миг единения, делая партнеров уникальными и незаменимыми друг для друга.

Классический период античности, уходя в сферу этической философии, углубляет мысль о любви как индивидуальном чувстве, сочетающем в себе вожделеющее и духовно-преобразующее начала. Наибольшее обоснование индивидуальная любовь получает у Платона – в диалоге «Пир». Философ берет во внимание оба антиномичных начала: низменное, представляющее собой удовлетворение плотских желаний (Афродита Пандемос) и возвышенное, стремящееся к совершенствованию человека (Афродита Урания). О любви Афродиты пошлой Платон пишет, что этот Эрос «поистине пошл и способен на что угодно; это как раз та любовь, которой любят люди ничтожные [6. С. 90], о другой же автор пишет: «…любовь богини небесной…очень ценна и для государства, и для отдельного человека, поскольку требует от любящего и от любимого великой заботы о нравственном совершенстве» [6. С. 94]. Соответственно, истинная любовь, согласно Платону, есть стремление к вечному обладанию благом, цель ее – бессмертие, которое двойственно так же, как и сама природа любви: пошлая любовь стремится к бессмертию телесному с помощью продолжения рода, божественная любовь направлена на личностное бессмертие, т. е. знание, оставленное потомкам.

Исходя из того, что для античных философов первично было познание мира, а женщина в Древней Греции считалась неспособной к философским размышлениям (исключения составляли гетеры), союз с ней только отвлекал мужа от подобных занятий, в то время как союз двух мужей способствовал большей прогрессивности мышления, можно сделать вывод о том, что смысл, вкладываемый древними греками в понимание высшего вида любви – Афродита Урания наиболее близок к понятию дружба со всеми исходящими из этого понятия чувственными характеристиками, и свойственен,

скорее, для мужчин. Это доказывает и Аристотель, который приравнивает любовь к дружбе, он пишет об этом следующее: «…дружба в любви предпочтительнее чувственного влечения <…> Но если больше всего от дружбы, то дружба и есть цель любви. Следовательно, чувственное влечение или вообще не есть цель, или оно есть ради дружбы» [1. С. 247]. Такое понимание любви характерно и для Демосфена, который воспринимал женщину лишь как источник развлечений и чувственных переживаний: «гетер мы заводим ради наслаждения, наложниц – ради ежедневных телесных потребностей, тогда как жен мы берем ради того, чтобы иметь от них законных детей…» [2. С. 310], т. е. любовь в ее пошлом проявлении, Афродита Пандемос, связывает мужчину с женщиной и обнаруживает все его плотские потребности, в то время как любовь дружеская, Афродита Урания, стремясь к личностному прогрессу, объединяет мужчину с мужчиной, выявляя его интеллектуальное богатство.

Таким образом, античная классика дает теоретическое обоснование антиномичной природе любви, рассматривая несколько различных ступеней ее участия в жизни человека: личностное преобразование, удовлетворение телесных побуждений и продолжение рода. Философские теории любви получают свое преломление и в других формах культуры Древней Греции.

Понимание любви как смысла жизни, стремления к личностному единству проявляется в древнегреческой трагедии. «Антигона» Софокла дает представление об индивидуальной любви в ее личностном наполнении, это пример преданной любви, которая и составляет суть существования любящего Антигону Гемона, воспринимающего казнь своей возлюбленной как потерю смысла жизни и убивающего себя:

«…Тогда, во гневе
Сам на себя, всем телом он на меч
Налег – и в бок всадил до половины.
Еще в сознанье, деву обнял он

И, задыхаясь, ток последний крови
На бледные ланиты пролил ей» [8, с. 111].

Мать Гемона, Евридика, живущая любовью к сыну и связывающая с ним все свои радости и надежды на будущее, не в силах смириться с потерей, также умерщвляет себя.

«Она сама себе пронзила сердце,
О сына горестной судьбе узнав» [8. С. 114].

Отец Гемона, Креонт, приказавший казнить Антигону, осознает всю ничтожность своего существования без любимых им жены и сына, потерянных по его вине, не видит другого выхода, как покончить со своей жизнью:

«Уведите вы прочь безумца, меня!
Я убил тебя, сын, и тебя, жена!
И нельзя никуда обратить мне взор:
Все, что было в руках, в стороне лежит…»[8. С. 114].

Таким образом, любовь в древнегреческой трагедии приобретает настолько большое значение, что завладевает рассудком человека, подчиняя его эмоциям, переживаниям, т. е. метафизическая сторона любви представляет ее как высшее благо для человека, к обретению которого он стремится всю жизнь, и потеря любимого человека равнозначна утрате ценности жизни.

Наибольшее внимание к чувственной любви, отношение к ней как одной из высших ценностей проявилось в новом жанре позднеантичной литературы – любовной прозе, возникшей в I – II вв. н. э., самым ярким примером которой может послужить повесть «Дафнис и Хлоя» Лонга, объединяющая приключенческий сюжет с любовной лирикой. В произведении Эрот предстает как наиболее могущественный Бог: «Такова его мощь, что и Зевсу с ним не сравняться. Царит он над стихиями, царит над светилами, царит над такими же, как сам он, богами,…» [4. С. 188], любовь же представляется как телесное томление, страсть, влечение, приносящее муки: «Страдают влюбленные – и мы страдаем. Забывают о пище – мы уж давно о ней забыли; не могут спать – это и

нам сейчас терпеть приходится. Кажется им, что горят, – и нас пожирает пламя. Хотят друг друга видеть, – потому-то и мы молимся, чтобы поскорее день наступил. Пожалуй, это и есть любовь;…» [4. С. 188–189], излечение от любви возможно лишь в телесной близости: «Нет от Эрота лекарства ни в питье, ни в еде, ни в заговорах, разве только одно – поцелуи, объятья, да еще – нагими телами друг к другу прижавшись, лежать» [4. С. 188], что свидетельствует о воспевании и физической природы любви, ее идеализации в лирике Древней Греции.

Упадок культуры, утрата моральных ценностей, характерные для позднего эллинизма несомненно отразились и на феномене любви, который не получает в этот период дальнейшего развития в сколько-нибудь значительных теоретических или художественных произведениях.

Таким образом, любовь в культуре Древних цивилизаций формируется как «теогоническая» энергия, а также как индивидуальное человеческое чувство. Первые попытки определения сущности любви приводят к осознанию ее антиномичности, как сочетании двух противоречивых составляющих, одно из которых, физическое, рождается из природы человека и представляет собой телесное вожделение, а другое, метафизическое, порождено стремлением человека к обретению смысла жизни, бегством от одиночества и является духовным единством, неразрывным союзом двух личностей.

Библиографический список

1. Аристотель. Первая аналитика // Аристотель Собр. соч.: в 4 т. –Т. 2 – М.: Мысль, 1978
2. Демосфен Речь против Неэры // Демосфен. Речи: – В 3 т. – М.: Памятники исторической мысли, 1994. – Т. 2.
3. Дьяконов, И. М. Люди города Ура. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990.
4. Лонг. Дафнис и Хлоя / Литература Античного мира. – М.: Художественная литература, 1969

5. Овидий, Н. П. Метаморфозы // Н. П. Овидий. – М.: Художественная литература, 1977.
6. Платон. Пир / пер. С. Апта / Платон. Собр. соч.: В 4 т. / под обш. ред. А. Лосева, В. Асмуса, А. Тахо-Годи – М.: Мысль, 1993. – Т. 2.
7. Поэзия Древнего Египта / Поэзия и проза Древнего Востока. – М.: Художественная литература, 1973.
8. Софокл. Антигона / Античная драма / пер. с др. греч. и лат. – М.: Художественная литература, 1970.
9. Эпос о Гильгамеше // Поэзия и проза Древнего Востока / под общ. ред. И. Брагинского. – М.: Художественная литература, 1973.

МОРАЛЬНО-НРАВСТВЕННАЯ ОЦЕНКА ЛИЦ СРЕДСТВАМИ КАТЕГОРИИ ГЕНДЕРА В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В. П. Пылайкина
Уральский государственный педагогический университет, г. Екатеринбург, Россия

Summary. Semantic analysis of modern English nouns denoting humans reveals that they display social attitude to men and women. In many cases they also help to identify the social status of people. Further study exposes that such nouns contain negative evaluative connotations to the degree of being highly derogatory.

Keywords: semantic analysis, social attitude, status, negative connotations, derogatory.

Лингвосоциокультурная категория гендера возникла и сформировалась на основе грамматической категории рода в английском языке. Периоды исторического развития языка можно рассматривать как этапы её становления. Изменение парадигмы полоролевых стереотипов привело к стиранию ряда проявлений, которые категория гендера имела на ранних этапах развития английского языка. В современном языке се-

мантический анализ наименований лиц в меньшей степени выявляет их положение в жизни общества. Категория гендера продолжает отражать взаимоотношения лиц с обществом и их индивидуальные характеристики.

Грамматическая функция родовых различий для обозначения биологического пола людей практически утрачена. Формальные показатели принадлежности лица к определенному полу (суффиксы женского рода, основы женского и мужского рода) превратились в способ выражения отношения к этому лицу. Основным материалом исследования послужили наименования лиц мужского и женского пола, извлеченные методом сплошной выборки из *современного словаря английского языка под редакцией Лонгмана* 2001 г. [1], *словаря Макмиллана* 2002 г.[2].

Суффиксальные образования и сложные существительные женского рода выходят из употребления, сохраняющиеся наименования игнорируются носителями языка. Гендерно маркированные существительные выявляют несерьезное или презрительное отношение к женщине. Сохраняются гендерные асимметрии. Лица мужского пола, как правило, занимают более высокое положение по сравнению с лицами женского пола: ***manager*** ‘управляющий’ – ***manageress*** ‘женщина, которая владеет небольшим магазином’.

Многие сложные слова с элементами *he-* и *she-* приобрели **негативные, уничижительные коннотации**, поскольку они используются как **показатели нарушения стереотипов**, приписываемых тому или иному полу. Местоимение *she* присоединяется к существительному, которое обычно обозначает лицо мужского пола: *she-apostle*, *she-bishop*, *she-captain*. Местоимение *she*, используемое для обозначения мужчин, указывает на то, что они **женоподобны** или бесхарактерны: *she-king, she-he*. *Lady* в качестве первого элемента сложного слова содержит указание на **женщину в необычной для нее роли** или **неудачливую женщину**: *lady-bullfighter, lady-president*.

Принадлежность к полу, закрепленная в семантике слова, окончательно превратилась в средство выражения морально-нравственной оценки людей. Основной вид оценки – отрицательная. В результате рассмотрения степени негативной оценки, содержащейся в наименованиях лиц мужского и женского пола в современном английском языке, можно выделить группы слов, в которых такая оценка выражает крайнюю степень неприятия.

Наибольшее количество унизительных, презрительных терминов содержит группа наименований **женщины, торгующей своим телом** (*skank, ho, whore, scrubber* и др.), и примыкающая к ней группа обозначений **сексуально привлекательной женщины** (*crumpet, piece* и др.). У мужчин равной по степени неприятия обществом является группа обозначений **мужчин нетрадиционной сексуальной ориентации** (*bender, cottager*).

Проституция и сексуальная привлекательность лиц женского пола, равно как и гомосексуальные наклонности лиц мужского пола – важнейшие семантические области, в которых происходит постоянное образование сленгизмов. Факт наличия этих групп существительных в жаргонной лексике свидетельствует о том, что лица, которые обозначены данными наименованиями, являются постоянным объектом нападок, оскорблений, шуток, непристойностей. Отношение общества проявляется достаточно определенно и характеризуется как крайне негативное.

Резко отрицательно оценивается **принадлежность** как **к женскому** (*skirt, filly, bird, chick*)**,** так **и к мужскому полу** (*bastard, bleeder, codger*). Как оскорбительная зафиксирована в словарях группа отрицательно коннотированных **обращений** к лицам женского (*baby*, *girlie*, *sweetheart*) и мужского пола (*matey, sirrah*, *Mack*).

В равной степени обидными являются несколько обозначений лиц обоего пола, не отличающихся умственными способностями. У женщин помету «оскорбительное» имеют

обозначения женщины по качествам характера, женщины, не следящей за своей внешностью, женщины, которая не вышла замуж. Женщины нетрадиционной сексуальной ориентации обозначены, как и мужчины, резко отрицательными терминами, но их меньше, чем существительных мужского рода.

Оскорбительная оценка содержится в наименованиях обоих полов. Если сопоставить оскорбительные обозначения мужского и женского рода, то обнаруживается, что женщины представлены бóльшим количеством семантических групп, чем мужчины. В семантических группах с одинаковым значением количество наименований женского рода превышает количество наименований мужского рода.

Библиографический список

1. Longman dictionary of contemporary English (third edition with new words supplement). – Pearson Education Limited, 2001.
2. Macmillan English dictionary for advanced learners. – Oxford: Bloomsbury Publishing Plc., Macmillan Publishers Limited, 2002.

ОСОБЕННОСТИ ГЕНДЕРНЫХ ПРОЯВЛЕНИЙ У БОЛЬНЫХ С ОЧАГОВЫМИ ПОРАЖЕНИЯМИ НЕДОМИНАНТНОГО ПОЛУШАРИЯ МОЗГА

О. И. Шабетник
Бюджетное учреждение Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Окружная клиническая больница «Травматологический центр»» г. Сургут, Россия

Summary. Some researches of emotional sphere of the patients who suffered from cerebrovascular accident in a subdominant hemisphere of a brain are carried out. The original result obtained testifying the fact there

is some kind of dependence of emotional conditions which patients of the given category have from their gender. So, the majority of patients-men show negative attitude towards external objects, phenomena, events, whereas women, according to the made supervision, are inclined to euphoria attitude to such situations as described here.

Keyword: emotional sphere of the patients; cerebrovascular accident in a subdominant hemisphere; negative and negative.

Нарушения эмоций в клинике локальных поражений головного мозга известны с давних пор. Описания эмоциональных нарушений можно найти среди публикаций, посвященных особенностям психики больных с поражением лобных долей мозга. Этого вопроса касались А. С. Шмарьян, Б. В. Зейгарник, А. Р. Лурия, Б. И. Белый и др. [1, 7, 10, 11, 12, 16]. Нарушения эмоций при поражении лобных долей мозга описывается как эмоциональное безразличие, благодушие, эйфория или даже эмоциональный паралич. Эти эмоциональные нарушения у больных сочетаются с личностными изменениями в виде проявлений некритичности, исчезновения чувства ответственности, нарушения системы отношений и т. д.

В последние года психиатры и невропатологи все большее внимание уделяют анализу эмоциональных нарушений с точки зрения межполушарной асимметрии мозга. Согласно литературным данным, эмоциональные нарушения при поражении правого полушария выражены ярче, чем при поражении левого полушария. При поражении правого полушария чаще отмечается лабильность эмоциональных реакций, неспособность к эмоциональному контролю. По данным Т. А. Доброхотовой и Н. Н. Брагиной [3] при поражении правой височной доли наблюдаются либо чрезмерные по силе аффекты, либо резкое снижение аффективного тонуса. При правосторонних поражениях, наряду с эмоциональными пароксизмами, значительно чаще встречаются и вегетативные нарушения. При поражении височной доли левого полушария нередко возникает тревожно-фобическая депрессия. Б. И. Белый [1], изучавший межполушарные различия в измене-

ниях психических процессов при поражении лобных долей мозга, отмечает, что больные с поражением левого полушария лобных долей обычно отличаются общей заторможенностью, вялостью, пассивностью, депрессивным состоянием, подавленностью. При поражении же правой лобной доли чаще возникали состояния благодушия, эйфории, беспечности, отсутствие переживания своей болезни. По данным Н. Г. Катаевой, Н. А. Корнетова, А. Ю. Левиной [8]: выявляется «…клинический полиморфизм депрессии в зависимости от локализации инсульта. При поражении левой гемисферы ведущим проявлением депрессии у большинства больных (89,7 %) был тревожно-тоскливый аффект. Чаще, чем при других локализациях инсульта, наблюдались утрата интересов и способности получать удовольствие, идеи виновности, сниженная самооценка, поздняя инсомния, сниженный аппетит. При правополушарной локализации процесса ведущим аффектом выступают тревога и тоска. Тревожный аффект сочетался с фобическими симптомами, где превалировали страх повторного инсульта, беспокойство за свое будущее и близких людей». И далее «Обнаружены гендерные различия тяжести депрессии и неврологического дефицита: у мужчин при полушарных поражениях выявлены более тяжелые депрессивные нарушения, которые связаны с более выраженным неврологическим дефицитом». А. Б. Данилов [5] пишет: «Если взглянуть на анатомические особенности – во время речи у мужчины активировано только левое полушарие, в то время как у женщин – оба. Такая анатомическая особенность имеет клиническое значение. Известно, что афазии встречаются у мужчин в 3 раза чаще, чем у женщин. Вероятно, это связано с тем, что у женщин при поражении левого полушария сохраняется компенсаторная возможность правого полушария». По данным Т. А. Доброхотовой и Н. Н. Брагиной [3], поражения лобных областей мозга приводят к обеднению эмоций, появлению «эмоционального безразличия», «эмоционального паралича» или эйфории в сочетании с грубыми изменениями

всех психических процессов и личности больного (некритичность, исчезновение чувства ответственности, нарушение системы отношений). При поражении правого полушария эмоциональные нарушения выражены ярче, чем при поражении левого полушария, отмечается лабильность эмоциональных реакций, неспособность к эмоциональному контролю. При поражении левого полушария характерны депрессивные состояния в виде приступов тревоги, беспокойства, страха. Е. Д. Хомская [14, 15] говорит о существовании двух различных симптомов нарушения эмоций при поражении правой и левой долей, которые складываются из признаков нарушения эмоций по знаку, интенсивности и самооценки.

По данным А. Ю. Егорова в настоящее время существуют четыре основные гипотезы, которые касаются специализации правого и левого полушарий мозга в формировании эмоциональной сферы человека:

1. Два полушария мозга ответственны за формирование разных (отрицательных и положительных) эмоциональных состояний. Механизмы отрицательных переживаний находятся в правом, а положительных – в левом.
2. Всё эмоциональное состояние, настроение человека как более или менее стабильная установка чувств, соотношений отрицательных и положительных переживаний определяется активностью структур главным образом левого полушария.
3. Всё эмоциональное состояние человека формируется при ведущей роли функционирования правого полушария.
4. В формировании эмоционального состояния участвуют оба полушария. Эмоциональные переживания определяются главным образом активностью структур левого полушария. Эмоциональная экспрессия в моторной (выразительность собственных эмоций) и сенсорной (опознание эмоциональной окраски пове-

дения других людей) частях обеспечивается главным образом структурами правого полушария [6].

На базе Центра патологии речи и нейрореабилитации Окружной Больницы «Травматологический центр» г. Сургута проводилось исследование эмоциональной сферы у больных, перенесших инсульт в недоминантном полушарии. Было обследовано 54 пациента (19 женщин и 35 мужчин, средний возраст – 51,5 лет). Геморрагический инсульт отмечался у – 29,6 %, ишемический – 70,4 %. Со всеми пациентами установление речевого контакта не вызывало затруднений. Работа выполнялась в русле концепции А. Р. Лурия о системной динамической локализации высших психических функций с применением принципа синдромного анализа [11]. Нейропсихологическое обследование больных проводилось с использованием классических проб, разработанных А. Р. Лурия [9, 10]. При определении состояния эмоциональной сферы пациентов [2, 4, 13] использовались следующие пробы:

- Реакция на неудачу.
- Восприятие эмоционального тона сюжетной картины.
- Восприятие эмоционального тона серии сюжетных картин Х. Бидструпа.
- Восприятие эмоционального тона рассказов.

При выполнении проб **«реакция на неудачу»** (рис. 1) выявились следующие качества:

1. У мужчин:

- Досада – у 5 человек;
- Раздражение – у 12 человек;
- Безразличие – у 11 человек;
- Негативизм – у 2 человек;
- Слезы, удивление, депрессивность, игнорирование и импульсивность проявили по 1 человеку.

2. У женщин:

- Безразличие – у 11 человек;

- Удивление – у 8 человек;
- Беспомощность – у 2 человек;
- Импульсивность – у 2 человек;
- Испуг проявился – у 1 человека.

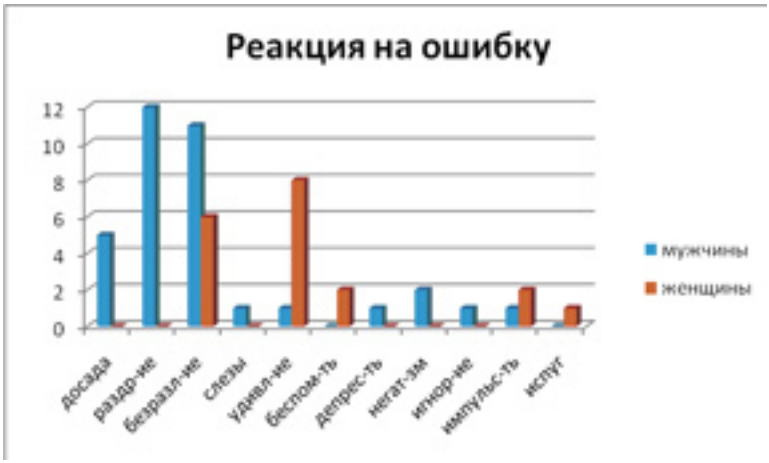


Рис. 1. Реакция на ошибку

Проба **«Рассказ по сюжетной картинке»** (рис. 2) показал следующие результаты:

1. У мужчин:

- Раздражение – у 3 человек;
- Агрессивность –у 8 человек;
- Безразличие – у 12 человек;
- Негативизм – у 10 человек;
- Импульсивность выявилась – у 2 человек.

2. У женщин:

- Безразличие проявили 5 человек;
- Эйфоричность – 11 человек;
- Беспомощность, депрессивность и вязкость по 1 человеку.

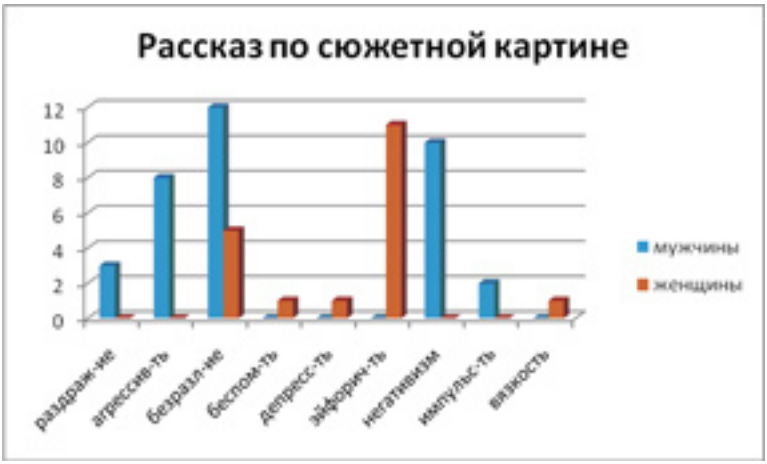


Рис. 2. Рассказ по сюжетной картине

При выполнении пробы **«Пересказ прочитанного текста»** (рис. 3), выявились следующие результаты:

1. У мужчин:

- Раздражение проявили 3 человека;
- Агрессивность – 8 человек.

Приведем пример пересказа текста «Курица и золотые яйца»: Больной Печ-ин (30 лет; ЦВБ. Последствия ОНМК по геморрагическому типу с формированием внутримозговой гематомы правой теменной доли, САК (09.2003 г). Умеренно выраженный левосторонний гемипарез до грубого в кисти. Сосудистая эпилепсия с генерализованными судорожными приступами): *«У одного Чекатило были куры. Он их разводил. И одна вдруг снесла ему золотое яйцо. Он решил еще добыть золота и убил ее большущим топором. Было очень много крови, целое море, все залито кровью. А золота больше не было, и он покончил жизнь самоубийством. Хэппи энд и все счастливы»* («У одного хозяина была курица, которая несла золотые яйца. Хозяин думал, что у неё внутри большой ком золота и убил её. А внутри у неё ничего не было, она

была такая же, как все курицы»).

Как видно из данного примера, больной использует негативно окрашенные речевые обороты. Смакует агрессивные проявления героя рассказа, очевидно, проецируя таким образом свои желания.

- Безразличие – 13 человек;
- Негативизм – 8 человек;
- Импульсивность проявили 3 человека.

2. У женщин:

- Безразличие – у 7 человек;
- Эйфоричность выявилась у 12 человек.

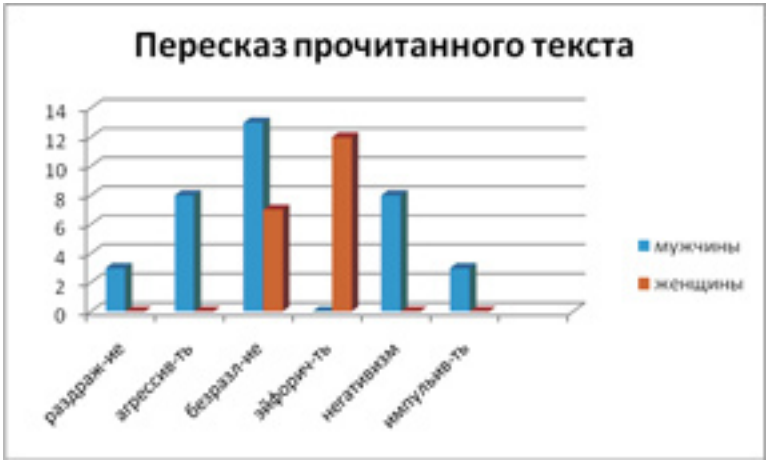


Рис. 3. Пересказ прочитанного текста

При выполнении пробы **«Составление рассказа по серии картинок Х. Бидструпа»** [7] (рис. 5) нами были получены следующие результаты:

1. Мужчины проявили следующие эмоции:

- Раздражение – 6 человек;
- Агрессивность – 9 человек;

- Безразличие – 12 человек;
- Негативизм – 4 человека.

Пример: Больной К-ин (39 лет; ОНМК по ишемическому типу в БПСМА (от 05.11.05г.). Умеренно выраженный левосторонний гемипарез до выраженного в руке. Соп. д-з: Ревматическая болезнь сердца. Вторичный вялотекущий эндокардит АК. Аортальный порок (стеноз и недостаточность), субкомпенсация, НК-2 (3-ФК). Тромбоэмболия сосудов головного мозга (рис. 4).

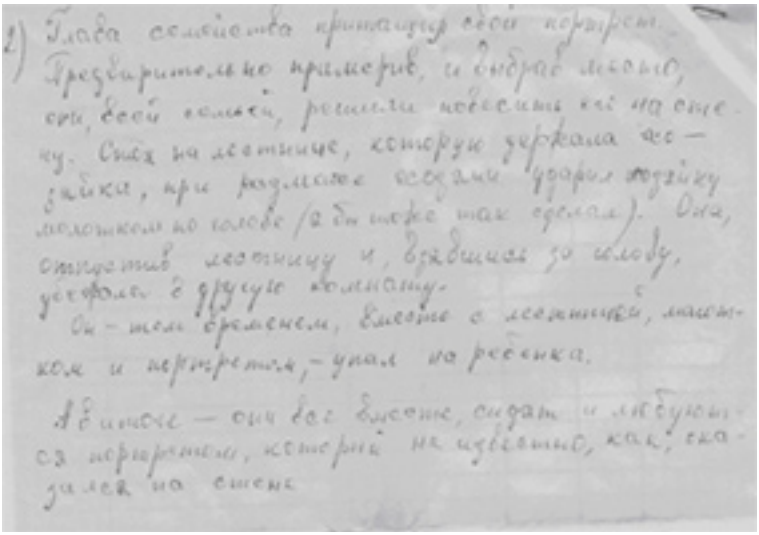

2) Глава семейства принадлежит свой портрет. Предварительно примерив, и выбрав место, он, всей семьей, решили повесить его на стенку. Стоя на лестнице, которую держала жена-дайка, при размахе всё-таки ударил подайку молотком по голове (я бы тоже так сделал). Она, отпустив лестницу и, держась за голову, убежала в другую комнату.
Он – тем временем, вместе с лестницей, молотком и портретом, – упал на ребенка.
А в итоге – они все вместе, сидят и любуются портретом, который не известно, как, оказался на стене

Рис 4. Рассказ больного

Уже при первом просмотре серии картинок Х. Бидструпа «Портрет», больной выразил своё недовольство: «Что вы мне всякую ерунду тут даёте!».

Негативное отношение сохранилось и при письменном составлении рассказа. Так, описывая нечаянный удар молотком хозяина по голове своей жены, больной выразил своё отношение словами: «Я бы тоже так сделал».

- Беспомощность, депрессивность, дурашливость и вязкость выявили по 1 человеку.

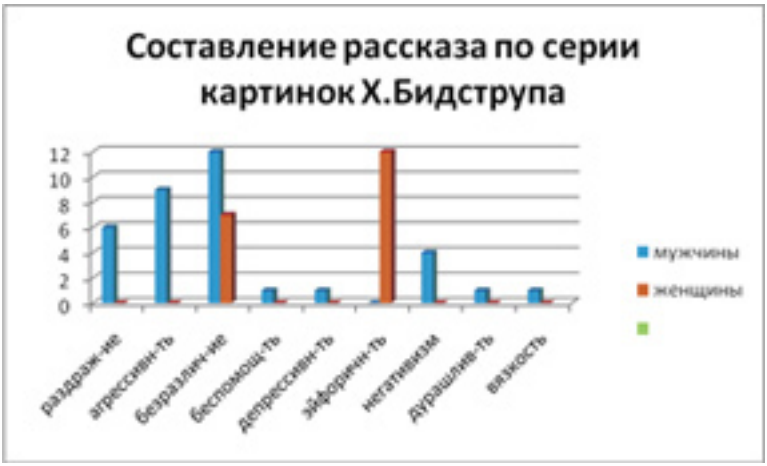


Рис. 5. Составление рассказа по серии картинок Х. Бидструпа

Таким образом, наш эксперимент выявил некую закономерность в проявлении эмоций у больных, перенесших инсульт в недоминантном полушарии мозга. Подавляющее большинство пациентов-мужчин данной категории проявляют склонность к негативному отношению к внешним объектам, явлениям, событиям. Однако женщины с очаговыми поражениями правого полушария мозга склонны к эйфоричному состоянию в отношении аналогичных ситуаций. Это дает нам основание постулировать наличие гендерных особенностей эмоциональной сферы больных, перенесших инсульт в недоминантном полушарии.

Безусловно, представленное исследование требует дальнейшего продолжения и серьезных методических доработок. Однако оно в некоторой степени позволяет приблизиться к пониманию некоторых закономерностей эмоционального со-

стояния больных, имеющих очаговые поражения в недоминантном полушарии мозга.

Библиографический список

1. Белый, Б. И. Особенности переработки информации в правом и левом полушариях мозга человека / Б. И. Белый // Журнал невропатологии и психиатрии. – Т. 82. – № 7. – 1982.
2. Бизюк, А. П. Компендиум методов нейропсихологического исследования / А. П. Бизюк. – СПб.: Речь, 2005.
3. Брагина, Н. Н. Функциональная асимметрия человека / Н. Н. Брагина, Т. А. Доброхотова. – М., 1988.
4. Вассерман, Л. И. Методы нейропсихологической диагностики / Л. И. Вассерман, С. А. Дорофеева, Я. А. Меерсон. – СПб.: Стройлеспечать, 1997.
5. Данилов, А. Б. Пол и гендер в неврологии / А. Б. Данилов // Медицина пола и гендера – IV ежегодная конференция «Вейновские чтения», 2008г.
6. Егоров, А. Ю. Функциональная специализация полушарий мозга человека / А. Ю. Егоров. – СПб.: Институт специальной педагогики и психологии, 2000.
7. Зейгарник, Б. В. Патопсихология / Б. В. Зейгарник. – М.: МГУ, 1986.
8. Катаева, Н. Г. Клиника и реабилитация постинсультной депрессии / Н. Г. Катаева, Н. А. Корнетов, А. Ю. Левина – Томск: Сибирский государственный медицинский университет // Бюллетень сибирской медицины, 2009.
9. Лурия, А. Р. Травматическая афазия / А. Р. Лурия. – М., 1947.
10. Лурия, А. Р. Мозг человека и психические процессы / А. Р. Лурия.. – М.: АПН РСФСР, 1963.
11. Лурия, А. Р. Основы нейропсихологии / А. Р. Лурия. – М., 1973.
12. Репина, Н. В. Основы клинической психологии / Н. В. Репина, Д. В. Воронцов, И. И. Юматова. – М.: Институт психотерапии и клинической психологии, 2000.
13. Румова, Г. А. Я вновь читаю и говорю / Г. А. Румова. – М.: Гном и Д, 2003.

14. Хомская, Е. Д. Нейропсихология / Е. Д. Хомская. – М.: МГУ, 1981.
15. Хомская, Е. Д. Мозг и эмоции / Е. Д. Хомская. – М.: МГУ, 1992.
16. Шмарьян, А. С. Мозговая патология и психиатрия / А. С. Шмарьян. – М., 1949.

КАТЕГОРИИ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ И СОЦИАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ КАК ПРЕДМЕТ НАУЧНОГО АНАЛИЗА В ГЕНДЕРНОЙ ПРАКТИКЕ

М. Нуриева
Бакинский государственный университет, г. Баку, Азербайджан

Summary. The basic directions of researches in the field of socialization of the person for today are, in essence, all spheres of ability to live of the person in concrete refraction. Numerous techniques and experimental receptions which help as with an everyday life of people, for formation of necessary personal and professional characteristics, and in прогностических the researches based on workings out of global scenarios of development of a human society are developed.

Keywords: social development, the person, socialization, gender practice.

Социальное развитие – важное условие для социализации личности. Проблема личности в своем классическом виде представлена, как известно, трудами З. Фрейда, К. Юнга, А. Адлера, а также их оппонента К. Роджерса. Имеется также группа авторов, известных своими трудами по различным аспектам социально-психологического развития личности, это Б. Скиннер, Г. Олпорт, А. Маслоу, Э. Фромм и А. Бандура. Кроме того, известны еще несколько авторов, которые по своей популярности занимают промежуточное положение, это Р. Кеттелл и Дж. Келли, а также Э. Эриксон, Л. Бинсвангер, М. Босс и У. Шелдон. Известны своими разработками по

проблемам личности Дж. Доллард, Н. Миллер, Г. Салливан, Г. Мюррей, Дж. Роттер, К. Хорни, Г. Айзенк и Дж. Уолп, а также К. Левин, Р. Мэй, У. Мишел, и др.

Как подчеркивают исследователи, в сегодняшней теоретической психологии личности ведущее положение занимает методология социального конструкционизма, рассматривающая любую теорию, да и любое понятие не столько как отображение объекта описания, сколько как конструкцию, выстраиваемую в процессе работы с ним в определенном социальном контексте и этим контекстом обусловленную. Это означает, что в центре внимания исследователей всегда находится методологическая проблема социального развития. Именно анализ условий социального развития является основой качественного рассмотрения любой проблемы формирования личности.

Терминологические проблемы имеются в каждой науке, составляя ее категориально-исследовательскую базу, категории изменчивы, носят исторический характер, связаны с парадигмами науки и меняются по мере революционного продвижения науки по пути человеческого познания. Проблема социального развития была актуальна для всех поколений исследователей, начиная с Гиппократа и Аристотеля. Например, недавние исследования, связанные с теорией личности, создали традицию клинического наблюдения (Шарко (Charcot, J.), Жане (Janet, P.), Фрейд (Freud, S.), Юнг (Jung, C.G.), Мак-Даугалл (McDougall, W.), и др.).

Имеется линия гештальтистской традиции и экспериментальной психологии в целом. Представители этих направлений несколько различались по выбору материала и источников его пополнения, т. е. могли использовать достижения естественных наук, но могли и ссылаться на базу экспериментальных исследований, создавать собственные реконструкции. В целом, как правильно отмечают исследователи, историческая связь между теорией личности и практикой прослеживается на

протяжении всего развития психологии и составляет важное отличие этого типа теорий от ряда других.

В исследовании проблемы социального развития следует отметить большую роль Л. С. Выготского, его идея о ближайшей зоне развития основана на необходимости учета биологических и социальных факторов в поведении человека. Биологические факторы – это фундаментальные, независимые от социальных аспектов человеческого развития условия существования личности. Основную же задачу воспитания ребенка он видел в целесообразно спланированной организации личной деятельности ребенка.

Поведение человека, как известно, отражает в себе усвоенные им в процессе жизнедеятельности нормы и социальные ценности. Социальное развитие в данном случае понимается предельно широко, как социальные условия развития человеческого рода вообще. В этом случае здесь следует иметь в виду эпохи, периоды цивилизации, культуры, истории вообще. Более же конкретно, если брать личностное развитие человека, то здесь важно понятие конкретной социальной среды, о которой говорил С. Л. Выготский, и которая является предметом исследования психологической науки. В данном случае толчком к новым направлениям в исследовании проблем социализации личности были новые экспериментальные исследования и открытия в области медицины вообще и физиологии, в частности, а также отказ от «зашоренности» подхода различными излишне теоретизированными и идеологизированными учениями о личностном развитии, в частности, конвенционального мышления, т. е. некоторых аспектов рационального подхода.

Сегодня в центре внимания оказываются проблемы, связанные с выживанием человека и личности. Это охрана окружающей среды, разрешение глобальных проблем, в том числе связанных с сохранением мира на Земле. Важным блоком проблем, подлежащих решению, является выработка методов и правил более цивилизованного диалога между Востоком и

Западом, между процессом глобализации и регионализации, между культурами и традиционными политическими системами народов мира.

Основными направлениями исследований в области социализации личности на сегодняшний день являются, по существу, все сферы жизнедеятельности человека в конкретном преломлении. Разработаны многочисленные методики и экспериментальные приемы, которые помогают как в повседневной жизни людей для формирования необходимых личностных и профессиональных характеристик, так и в прогностических исследованиях, основанных на разработках глобальных сценариев развития человеческого общества.

Библиографический список

1. Фейдимен, Дж. Личность и личностный рост / Дж. Фейдимен, Р. Фрейгер. – М., 1992.
1. Выготский, С. Л. Развитие высших психических функций / С. Л. Выготский. – М., 1960.
2. Мельников, В. М. Введение в экспериментальную психологию личности / В. М. Мельников, Л. Т. Ямпольский. – М., 1985.

СЕКСУАЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ МОЛОДЕЖИ КАК ФАКТОР ГЕНДЕРНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ

Л. Б. Шнейдер, Е. И. Чекмарёва
Московский городской психолого-педагогический университет, г. Москва, Россия

Summary. Authors, on the basis of the received empirical data argue, that the boundary of indicators of sexual activity, as a factor in sexual socialization, among young men and young women is blurring. Young women are becoming more masculine, partially while maintaining

femininity. Also detected dissonance: premature gender identity among men in the background of the diffuse gender identity among women.

Keywords: sexual activity, gender identity, premature and diffuse gender identity, moratorium, masculinity, femininity.

Сегодня можно говорить о повышении сексуальной активности молодежи, что сопровождается снижением возраста первого сексуального опыта, увеличением числа сексуальных партнеров за определенный период времени, распространение добрачных связей, огромного количества сексуальных порталов и т. п. Всё это сказывается и на общей сексуальной культуре молодежи. Бесспорно, сексуальная активность и тем более её влияние на гендерную социализацию должны изучаться, так как это темы, касающиеся всех и каждого. От успешности усвоения гендерных норм, существующих в данной культуре и обществе в определенный период времени, зависит сексуальная активность, психическое здоровье личности.

Гендерная или половая идентичность – это сложная интегративная личностная структура, благодаря которой происходит осознание человеком принадлежности к определенному полу и выстраивание им в соответствии с этим своего поведения.

Сексуальная активность – это вид деятельности, направленный на получение эротического, сексуального наслаждения; а также и на улучшение социально-психологического состояния, обозначаемого как «счастье», повышение качества жизни человека.

Нами была разработана диагностическая программа эмпирического исследования, основу которой составили: методика изучения гендерной идентичности (Л. Б. Шнейдер), методика оценки сексуального профиля (по О. Ф. Потемкиной), методика «Диагностика полимотивационных тенденций в «Я-концепции» личности» (С. М. Петрова).

Цель исследования: выявить зависимость влияния различных аспектов сексуальной активности молодежи на процесс их гендерной социализации.

Мы *предположили*, что граница показателей сексуальной активности между юношами и девушками в современной России как фактор половой социализации размывается. А также, что в условиях современного российского общества гендерная идентичность юношей и девушек будет десинхронизирована. Базовые феминные качества у девушек и мускулинные у мужчин; мотивационная потребность в коммуникации будут сохранять лидирующие позиции в гендерной социализации личности.

Объем выборки: 40 человек (20 девушек и 20 юношей в возрасте 19–25 лет).

По результатам, полученным с помощью методики изучения гендерной идентичности, можно сделать вывод, что как девушки (средний показатель выраженности гендерной идентичности – 1,47), так и юноши (средний показатель – 1,05) находятся в состоянии диффузной гендерной идентичности. Наиболее выраженной и у юношей, и у девушек является состояние преждевременной и диффузной идентичности, наивысший средний показатель выявлен по состоянию моратория.

В исследуемой выборке прослеживается отсутствие каких-либо показателей относительно достигнутой позитивной и псевдопозитивной гендерной идентичности у представителей обоих полов. Также выявлен небольшой и примерно одинаковый процент юношей и девушек по показателю «мораторий» (13,3 %). А вот распределение результатов по шкалам «преждевременная идентичность» и «диффузная идентичность» сильно разнятся. Наблюдается большое число юношей с показателями преждевременной гендерной идентичности (66,7 %), в то время как по девушкам этот показатель составляет всего 6,7 %. Преждевременная идентичность характеризуется тем, что молодые люди, хотя и не пережи-

вали кризис гендерной идентичности, но уже обрели определенный набор ценностей, убеждений, целей относительно своей половой принадлежности. Преждевременная идентичность отличается от достигнутой тем, что сформировалась она рано, и не на основе самостоятельного поиска и самокатегоризации, а главным образом посредством стереотипных идентификаций со значимыми людьми.

Среди девушек наблюдается большое число тех, кто отнесен по результатам исследования, к диффузному уровню гендерной идентичности (80 % девушек против 20 % у мужчин). Диффузная идентичность указывает на непрочность установок, ценностей, убеждений в гендрных вопросах и на пассивную позицию человека в формировании их. При отсутствии четкого осознания своей гендерной идентичности люди могут переживать ряд негативных состояний (пессимизм, апатию, тоску, ненаправленную злобу, отчуждение, тревогу, чувство беспомощности и безнадежности). Возможно, это связано с образом жизни в стиле «унисекс», образовательными и профессиональными требованиями (не сильно отличающимися от тех, которые предъявляются мужской части населения), предъявляемыми к девушкам в современном обществе.

Исходя из результатов, полученных по *методике «Диагностика полимотивационных тенденций в «Я-концепции» личности»,* рассмотрим основные мотивационные направления молодежи. Сначала исключим те мотивационные сферы, которые для современной молодежи являются малозначимыми. К ним отнесем следующие тенденции: эгоцентрические мотивации (по 7 % девушек и юношей); мотивации избегания неприятностей (7 % у девушек и 13 % у юношей); мотивация индивидуализации (также 7 % у девушек и 13 % у юношей); пугнистическая мотивация, т. е. нацеленность на борьбу с жизненными сложностями (20 % у девушек и 13 % у юношей); мотивация на превосходства во всех сферах (7 % у девушек и 13 % у юношей), на достижения и самоопреде-

ления (20 % у девушек и 27 % у юношей); оптимистическая мотивация (27 % у девушек и 20 % у юношей) и гедонистическая мотивация (13 % у девушек и 27 % у юношей). Данные мотивационные тенденции, несомненно, присутствуют в жизни молодежи, но, исходя из результатов исследования, они не являются значимыми.

Общим является направленность мотивационной сферы современной молодежи (по 53 % у юношей и девушек) на потребность в общении, в дружбе (взаимодействие, коммуникация); позитивное отношение к окружающим людям (по 47 % соответственно).

Доминантные линии мужской мотивационной сферы являются – познавательные и нравственные мотивации (60 % и 53 % юношей соответственно) и чуть слабее – материальная (47 % юношей), альтруистическая (также 47 %), нормативная и трудовая (по 33 %) мотивации. Доминантная линия женской мотивационной сферы проявляется в направленности на труд, ориентацию на выполнение поставленной задачи через преодоление трудностей (53 % девушек); и чуть менее (по 33 % соответственно) выражены альтруистическая, нравственная, познавательная и материальная мотивация.

Однако в приведенных количественных показателях не указана полярность выборов мотивационных сфер (положительная или отрицательная тенденция). Для более глубокого анализа попробуем учесть доминантные мотивационные сферы, степень выраженности потребности. Это позволяет выявить более подробную картину мотивационных тенденций изучаемой молодежи.

С учетом положительной выраженности констатируем абсолютное (100 %) преобладание у обоих полов значимости материальной стороны жизни как ориентации на благополучие; потребности в общении, взаимодействии, коммуникации; позитивном отношении к людям. Показатели познавательной мотивации преобладают в женской части выборки (на это указывают 75 % девушек), в мужской – эта тенден-

ция обнаружена лишь у 67 % испытуемых, 33 % юношей демонстрируют потребность в осуществлении легких познавательных усилий. Альтруистическая мотивация приоритетна у юношей (100 %), а у девушек (также 100 %) наблюдается обратная тенденция: результаты указывают на ориентацию на себя, даже порой в ущерб другим. Нравственная мотивация практически в одинаковой степени (37,5 % у юношей и 40 % у девушек) показывает положительную направленность. Стоит отметить, что по данной шкале преобладает обратная тенденция (62,5 % у юношей и 60 % у девушек), что отражает ориентацию индивида не на соблюдение нравственных норм, а, наоборот, характеризует отсутствие у него желания жить по правде, по совести, по справедливости. Трудовая мотивация достаточно велика у всей выборки (у 60% юношей и 75 % девушек). Но и обратная тенденция также имеет место быть (40 % и 25 % соответственно).

Далее, опираясь на результаты, полученные с помощью *методики оценки сексуального профиля*, проанализируем особенности сексуальной активности и поведения, характерные для каждого из полов. Рассмотрим особенности сексуальности юношей: у большинства из них высокие показатели наблюдаются по шкалам смелости и решительности, нежности, ответственности и ревности. А такие качества, как корысть, щепетильность, жертвенность, фемининность и нежелательность служебных контактов для большинства юношей имеют низкий либо средний показатель.

Перейдем к описанию женских особенностей поведения: высокий уровень показателей выраженности поведения большинство девушек (60% и более) имеют по таким шкалам как: экспрессивность, избирательность, смелость, решительность, ответственность. Показатель по шкале корысти у большинства девушек (как и юношей) низкий. Но в отличие от юношей у большинства девушек выявился и низкий показатель по шкале гиперсексуальности и ревности. По остальным шкалам у девушек – средние результаты.

Чтобы лучше разобраться в многообразии сексуальной активности и поведения молодежи, подробно рассмотрим те качества, которые наиболее ярко выражены у наших испытуемых. Потребность быть любимым, а не любить самому больше выражена у девушек (60 %), в то время как 60 % юношей предпочитают в первую очередь любить самому, а уж потом быть любимым. Также у девушек прослеживается большая удовлетворенность сексуальной жизнью, чем у юношей (60 % против 27 % у юношей). А вот на проблему длительных перерывов в сексуальных отношениях указывают 87 % юношей и только 20 % девушек. Относительно смены пола, притворного высказывания чувств и переживания сильных страданий от неразделённой любви юноши и девушки высказывались одинаково отрицательно; такие особенности сексуального поведения им наименее свойственны. При расставании с сексуальным партнером юноши (80 %) переживают разлуку сильнее, чем девушки (47 %). В то же время для большинства девушек верность является наивысшей ценностью (87 %), юноши по этому пункту разделились практически пополам (для 53 % из них верность наивысшая ценность, а для 47 % – нет). Также следует отметить, что признание гетеросексуальных контактов как нормы свойственно больше юношам (73 %), чем девушкам (53 %). А вот способность получать удовольствие от секса присутствует у большей части опрошенных как юношей (73 %), так и девушек (87 %).

Таким образом, исходя из полученных результатов, у большинства юношей наблюдается преждевременная гендерная идентичность, а у девушек – диффузная. Диффузная гендерная идентичность у девушек, скорее всего, является результатом влияния современной культуры, направленной на равенство полов и стирание резких границ между ними.

Относительно доминантных линий мотивационной направленности, определяющих поведенческие проявления среди юношей, – познавательные и нравственные мотивационные тенденции, среди девушек – ориентация на выпол-

нение поставленной задачи через преодоление трудностей. Но при этом сохраняются стереотипные мотивационные направления у девушек (альтруистическая, нравственная), и у юношей (трудовая). Позитивное настроение, доброжелательность к окружающим, потребность в коммуникации, общении являются общими и доминантными для обоих полов. Среди юношей наблюдается большое соответствие качеств и манер поведения гендерным стандартам (смелость, решительность, ответственность и ревность, нещепетильность, нежелание идти на жертвы, низкий показатель фемининности). Маркеры сексуального поведения девушек демонстрируют в одинаковой степени показатели, типичные как для женщин (экспрессивность, избирательность), так и для мужчин (смелость, решительность). Получение удовольствия от секса (активная сексуальная жизнь), отсутствие желания сменить пол, и терпимое отношение к гомосексуальным связям является общим в картине сексуального профиля обоих полов. Большинство девушек продолжает считать верность наивысшей ценностью, в чем расходится с юношами того же возраста. Тем не менее, по результатам исследования сильно и долго переживают расставания значительно большее число юношей, чем девушек.

Итак, проведенное исследование подтвердило изначальную гипотезу о том, что граница показателей сексуальной активности между молодыми людьми и девушками в современной России как фактора половой социализации размывается. Девушки приобретают всё больше мускулинных свойств, частично сохраняя при этом фемининные. Предположения о диссосансе преждевременной гендерной идентичности у мужчин на фоне диффузной женской и о сохранности доминантной мотивационной потребности в общении (у обоих полов) подтвердились.

ДИНАМИКА СУБЪЕКТИВНЫХ ВЗГЛЯДОВ НА СОБСТВЕННУЮ ЖИЗНЬ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН В ПЕРИОД ВЗРОСЛОСТИ

Э. С. Саруханян
Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Summary. In this article you can find some information about the comparative analysis among the groups of men and women of an adult age; such as the analysis of their psychological age, the analysis of their self-actualization and the analysis of their presumable life interval. These parameters are divided into five years segments and are regarded in their evolution during the whole period of lifetime. The results of this investigation may become useful in the optimization of psychological help for men and women and in the programming of their lifetime.

Keywords: psychological age, self-actualization, presumable life interval.

В современном мире, где возможности развития отдельного человека стали больше зависеть от его усилий, актуальность приобретает мнение человека о самом себе, его субъективный взгляд на собственную жизнь. Аутопсихологическая компетентность современного человека выражается в его умении привести в соответствие свои психические, физические, социальные и экономические возможности, а также соответствовать своему возрасту и, опираясь на уже реализованное в жизни, иметь оптимальные ожидания от будущего.

В период взрослости люди пытаются преуспеть в самых разных направлениях жизни. Они проходят новые стадии развития вместе с взрослеющими детьми, меняются статус и формы взаимодействия со старшими членами семьи, происходят изменения в их общесоциальном положении и в сфере профессиональной деятельности [3].

С помощью метода каузометрического опроса, разработонного А. А. Кроником и Р. А. Ахмеровым, методики «Оце-

нивание пятилетних интервалов» (ОПИ), формирования списка и датирования событий, было проведено исследование с участием 95 мужчин и женщин. Это позволило рассчитать показатели психологического возраста, ожидаемой продолжительности жизни, индекс реализованности испытуемых мужчин и женщин в динамике и в сравнении.

Б. Г. Ананьев первым отметил, что возраст человека является конвергенцией биологического, исторического и психологического времени [1]. Хронологический возраст является мерой хронологического прошлого, а психологический возраст – мера психологического прошлого. Это интегральный показатель отношения человека к времени своей жизни (А. А. Кроник и Е. И. Головаха) [2].

Незначительное отличие психологического возраста отличается от хронологического, свидетельствует о гибком стиле познания мира, о соразмеренности притязания и возможностей. Значительное отклонение психологического возраста – на 10–15 лет – является симптомом жизненного кризиса нереализованности или бесперспективности.

Психологический возраст всех испытуемых оказался несколько выше, чем хронологический, в среднем на три года старше своего хронологического возраста.

Выявлены гендерные различия. Средний психологический возраст у мужчин составляет 42 года, при среднем хронологическом возрасте 39 лет, т. е. они на 3 года старше своего хронологического возраста.

Средний психологический возраст у женщин составляет 43,6 года, т. е. на 3,6 года больше хронологического. Они психологически старше своего хронологического возраста на 3,6 года.

График психологического возраста наглядно показывает его динамику у мужчин и женщин в период взрослости. Если в начале взрослости, в период **от 26 до 30 лет**, показатели психологического возраста у них близки (женщины 30,9; мужчины – 30,1) то, в дальнейшем они намного расходятся.

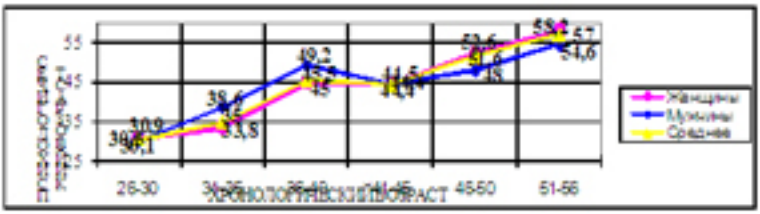


Рис. 1. Психологический возраст в динамике

В период от **31 года до 35 лет** разница в психологическом возрасте между мужчинами и женщинами составляет почти 5 лет. Мужчины в этот период психологически старше своих сверстниц.

В следующем пятилетии (**36–40лет**) они также оказались старше своих сверстниц, с соотношением 49,2 года / 45 лет.

К **41–45**-летнему возрасту выявлена максимальная близость психологических возрастов мужчин и женщин (44,5 – женщины, 44,4) мужчины. И те, и другие близки к своим хронологическим возрастам.

После 45 лет (период **от 46 до 50 лет**) наблюдается резкий скачок вверх психологического возраста женщин. Это на 8 лет больше, чем в предыдущее пятилетие, и на 5 лет больше, чем их реальный хронологический возраст. Данный факт можно объяснить и физическим старением женщины, так как женщины сильнее реагируют на физические и физиологические изменения своего организма, социального положения и условий, в которых она живет. В этот список также можно включить и заботу о двух поколениях близких людей – детях и стареющих родителях.

В последнем пятилетии периода взрослости, в **51–55 лет**, женщины снова оказываются старше своих сверстников. Они почти на пять лет (4,9 года) старше своего хронологического возраста, и на 2,2 года психологического возраста мужчин, которые, в свою очередь, старше своего хронологи-

ческого возраста на 1,4 года. Но, на этот раз резкий скачок психологического возраста наблюдается у мужчин, они в этот период психологически старше, чем в предыдущий период – на 12,5 лет. Это можно объяснить тем же упадкам сил, что у женщин в предыдущий и данный период: физическим увяданием и новыми социальными задачами, навалившимися на их плечи.

Если сравнить показатели, отражающие динамику психологического возраста, то можно увидеть, что до 45 лет мужчины психологически старше своего хронологического возраста, по сравнению со всей выборкой, а после 45 лет они моложе этого же самого среднего показателя.

Расхождения в психологическом и хронологическом возрастах на разных этапах периода взрослости у мужчин и женщин имеют разную степень выраженности. Начиная с первого пятилетнего периода взрослой жизни (26–30 лет) и до 40–45-летнего возраста, мужчины по психологическому возрасту старше женщин. Дальше у них начинаются спады в психологическом возрасте, а у женщин – возрастания. Лишь в последнем пятилетии (50–55 лет) у мужчин проявляется психологическая зрелость, способность принимать жизнь такой, какая она есть. Так, в возрасте от 36 до 40 лет у мужчин психологический возраст достигает 49,2 лет, что на 11,2 года больше чем собственный средний хронологический возраст и на 4,2 года больше, чем психологический возраст у женщин.

Женщины, в свою очередь, старше своего среднего хронологического возраста на 7 лет. Можно сделать вывод о том, что данное пятилетие (36–40 лет) в картине всего взрослого периода жизни имеет особую критичность в плане кризиса бесперспективности и у мужчин, и у женщин. Следующее большое расхождение в психологических возрастах мужчин и женщин относительно хронологического возраста приходится на 45–50-летний возраст. Женщины в этот период старше своего хронологического возраста на 5 лет (на 2 года

меньше предыдущей критической отметки – 7 лет), а мужчины психологически моложе на 4,5 года. Это свидетельствует о меньшей психологической зрелости и нереализованности 45–50-летних мужчин.

Чем больше удельный вес прошлого в картине жизни человека, тем выше показатель его реализованности.

В нашем исследовании средний показатель реализованности – 0,6 (выше среднего), при хронологическом возрасте 40 лет и психологическом – 43 года. При этом, средний индекс реализованности всех респондентов был равен средним показателям реализованности мужчин и женщин. Высокие показатели индекса реализованности коррелируют с таким видом деформации субъективной картины жизни, как кризис бесперспективности.

Динамика чувства реализованности респондентов идет в сторону возрастания с каждым пятилетием, но у женщин и мужчин она не синхронна. Синхронность присутствует только в первых двух пятилетиях (26–30 и 31–36 лет). В 36–40 лет и 46–50 лет показатели чувства реализованности у женщин выше, чем у мужчин, а в периоды 41–45лет и 51–55 лет – у мужчин. Лишь в периоды от 41 до 45 лет и от 46 до 50 лет показатель реализованности остается на одном и том же уровне – 0,65.

Ожидаемая продолжительность жизни (ОПЖ) является важной характеристикой субъктивной картины жизни человека. Низкая субъективная оценка ОПЖ отражает текущее неблагополучие, обеспокоенность состоянием своего здоровья.

В нашем исследовании ОПЖ у женщин на 4,2 года больше, чем у мужчин. Средняя ОПЖ у женщин – 78,2, у мужчин – 74 года, а всей выборки составляет – 77 лет.

На протяжении всей взрослости, наиболее близки по показателю к объективной продолжительности жизни люди 41–45-летнего возраста.

Пики ОПЖ – 82 года – приходятся на 2 периода: 36–40 лет и 51–56 лет. Это средняя оценка всех респондентов. Показатели мужской и женской выборок сильно расходятся, хотя общая

тенденция сохраняется, за исключением первого периода, где диаграммы расходятся в противоположные стороны.

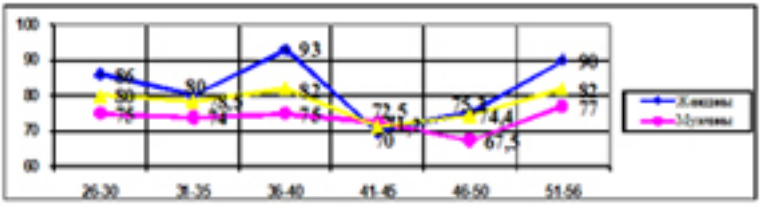


Рис. 2. Динамика ожидаемой продолжительности жизни

Максимальное расхождение в субъективных ожиданиях продолжительности жизни мужчин и женщин наблюдается в последнем пятилетии взрослости (на 22,5 года). Женщины надеются прожить до 90 лет, а мужчины – до 67,5.

На протяжении всей жизни, кроме 41–45-летнего периода, у женщин ОПЖ больше, чем у мужчин, что близко к реальности. Но, у всех респондентов ОПЖ больше, чем объективная реальная продолжительность жизни в нашей стране (мужчины – 64 года, а женщины – 72 года). Такие результаты могут свидетельствовать об относительном благополучии участников исследования и о возрастающих возможностях сохранения здоровья.

Вместе с тем люди в период взрослости в среднем психологически немного старше своего хронологического возраста, что свидетельствует о некоторой неясности видения перспектив своего будущего и некоторых затруднениях в планировании жизни.

Библиографический список

1. Ананьев, Б. Г. Человек как предмет познания / Б. Г. Ананьев. – Л.: изд. Ленинградского университета, 1968.

2. Головаха, Е. И. Психологическое время личности / Е. И. Головаха, А. А. Кроник. – Киев: Наукова думка, 1984.
3. Крайг, Г. Психология развития / Г. Крайг. – СПб.: Питер, 2000.

ФАКТОРЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ САМОРЕАЛИЗАЦИИ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН В РОССИИ

Т. В. Михалкина
Академия МНЭПУ, г. Пенза, Россия

Summary. The author tells about the various factors influencing professional self-realization of men and women. Female career is usually complicated by such circumstances, as gender stereotypes, lower payment, discrimination on work, etc.

Keywords: professional self-realization, career, gender stereotypes.

В последние годы все более усиливается внимание как отечественных, так и зарубежных психологов к вопросам профессиональной самореализации и карьеры мужчин и женщин, а также к вопросам влияния разнообразных факторов на данные процессы.

Это связано с тем, что в современном обществе профессиональная карьера и творческая самореализация становятся все более значимыми в жизни людей, а социальные отношения становятся все более интенсивными и разнообразными.

В последние десятилетия во всем мире происходят большие изменения в полоролевых отношениях, меняются гендерные стереотипы, все большее число женщин принимает участие в управлении в экономической, управленческой и политической сферах.

В России при переходе к рыночной экономике доступ женщин к сфере управления и принятия решений в различ-

ных сферах государственного управления также возрос, однако этот процесс происходит не так интенсивно, как в других экономически развитых странах.

Такая ситуация обусловлена сложившимся общим положением женщин на рынке труда в нашей стране к концу 1980 – началу 1990-х гг., которое можно охарактеризовать следующим образом:

- более низкая по сравнению с мужчинами квалификация;
- более низкая по сравнению с мужчинами оплата труда;
- ограниченный набор профессий;
- специфически отраслевое распределение;
- горизонтальная профессиональная мобильность, т. е. без повышения в должности и квалификации;
- тяжелые и вредные условия труда;
- более высокий уровень безработицы среди женщин (по разным данным – от 61 до 75 %);
- отчуждение женщин от участия в высших политических и управленческих структурах;
- воспроизводство традиционного общественного сознания и массовой психологии, настроенных против профессионально и социально активной роли женщин [7. С. 78].

Немногочисленные исследования, проведенные в нашей стране, все же помогают, хотя и фрагментарно, представить и сравнить положение женщин и мужчин в менеджменте и предпринимательстве в России.

Профессиональный профиль женского предпринимательства в основном традиционен: легкая промышленность, ремесла и промыслы, консультативная и учебная деятельность, народная медицина, косметологические услуги и пр. Однако, по мнению многих экспертов, предпринимательство женщин носит пока элитарный характер.

Социологические исследования показывают, что большинство женщин предпочитает трудиться за гарантирован-

ную заработную плату в государственном секторе, однако, более трети среди них хотели бы перейти из государственного сектора экономики в кооперативы, малые и совместные предприятия, заняться индивидуальной трудовой деятельностью. При этом почти 15 % женщин хотели бы создать свое дело, организовать свое предприятие [11. С. 36].

Однако созданию собственного дела, по мнению женщин, им мешают следующие причины:

- отсутствие правовых гарантий и несовершенство системы законодательства;
- нестабильная экономическая обстановка в стране;
- большая уязвимость перед рэкетом, отсутствие безопасности;
- заниженная самооценка.

Таким образом, существует немало факторов, препятствующих более полной профессиональной самореализации женщин.

На основании анализа существующей литературы факторы, препятствующие профессиональной самореализации женщин и мужчин в России, можно разделить на две группы: внутренние факторы и внешние.

К внешним относятся факторы окружающей среды – экономические, социальные, образовательные и политические [6. С. 340].

Так, влияние факторов окружающей социальной среды на профессиональную самореализацию женщин характеризуется тремя особенностями. Во-первых, считается, что женщины не так ценны и не так компетентны, как мужчины («женщины не могут»). Во-вторых, не принято, чтобы женщины делали традиционную «мужскую» карьеру, в традиционных для мужчин профессиональных сферах (т. е. «женщины не должны»). В-третьих, даже если женщины компетентны и действительно развивают свою карьеру в нетрадиционной сфере, они могут не получить соответствующего вознаграж-

дения, более того, могут быть даже «наказаны» (например, отсутствием детей и семьи, разводом, одиночеством).

Эти скрытые и явные барьеры становятся для женщин препятствием к выбору, освоению и развитию карьеры женщин в нетрадиционных профессиональных сферах, к которым относятся менеджмент в экономике и политике на разных уровнях, предпринимательство.

Сложившиеся в нашей стране социальные, экономические и политические условия являются важными факторами, оказывающими влияние и на результаты профессиональной деятельности мужчин.

К таким факторам следует отнести:

- сложные социально-экономические условия, сложившиеся в связи с установлением рыночных отношений в стране;
- наличие множества стрессовых ситуаций в профессиональной деятельности;
- высокая конкуренция среди мужчин в профессиональной и деловой сферах;
- высокие требования к деловым и личностным качествам мужчин со стороны общества;
- необходимость поддерживать установившиеся стереотипы в отношении мужчин как «сильного пола»;
- общественные установки на мужчин как социально успешных субъектов [8. С. 64].

Кроме того, существуют внешние подфакторы, оказывающие значительное влияние на профессиональную самореализацию как мужчин, так и женщин. Это – профессиональная дискриминация, полоролевая социализация и институциональный сексизм.

В большей степени эти факторы влияют на профессиональную самореализацию женщин.

Казалось бы, в России женщины наравне с мужчинами включены в производственный оплачиваемый труд и приобрели нетрадиционные для женщин профессии, но если

проанализировать статистику, то окажется, что они заняты в сфере низкооплачиваемого, полотипизированного труда – в низшем и среднем звене здравоохранения, образования, культуры, легкой промышленности. Даже для элементарного продвижения по службе от женщины требуются, по сравнению с мужчиной, более высокая квалификация и уровень знаний.

Несмотря на то, что дискриминация по признаку пола в сфере занятости запрещена Конституцией и законами Российской Федерации, подобная практика и явно и скрыто существует. Более того, за годы перестройки она усилилась [3. С. 59].

Дискриминация в профессиональной сфере является превалирующим и серьезным стрессором в жизни женщин. Структура профессиональных институтов часто базируется на ценностях соревновательности и агрессивности, на нормах жизни мужчин (отсутствие в их карьере проблем с детьми, больными и престарелыми родственниками) и мифе о мужчине как «добытчике» и основном содержателе семьи, хотя большая часть семей в России возглавляется и материально поддерживается женщинами. Эти ориентированные на мужчин нормы ставят дополнительные проблемы для женщин на рабочих местах.

Профессиональная дискриминация является институциональной формой сексизма. Она проявляется различными способами: это и оценка работы, и дифференциация условий труда, и темпы и условия продвижения, и зарплата, и явления сексуального приставания на работе, и возраст выхода на пенсию, и условия работы по найму.

Сексуальные приставания на работе, как наиболее исследованная форма институционального сексизма, включают в себя «нежелательные сексуальные предложения, требования или клевету, требования сексуальных отношений, сексуально оскорбительные слова, нежелательные для женщины жесты и замечания, прикосновения, письма, звонки, реальное сексуальное нападение и изнасилование. Исследования

сексуальных приставаний на работе отличаются по степени выявления распространенности этих инцидентов: от 40 до 90 % инцидентов у работающих женщин» [5. С. 53].

Эти явления поддерживают традиционные культурные предостережения для женщин и сохраняют угрозу для тех женщин, которые отклоняются от данных норм.

Рассмотренные подфакторы – профессиональная дискриминация, полоролевая социализация и институциональный сексизм оказывают определенное влияние и на профессиональную самореализацию мужчин.

Черты и поведение, стереотипно приписываемые исключительно мужчинам, – компетентность, логическое мышление, инициативное поведение – заставляют работодателей и менеджеров по кадрам рассматривать мужчин более подходящими для тех профессий, где требуются лидерство, профессиональные и технические навыки. Стереотипные черты, приписываемые женщинам, например заботливость, нежность, ассоциируются с обслуживанием и заботой, т. е. с кругом низко-статусных и низкооплачиваемых профессий. К. Фоксли констатирует, что «женщины социально настраиваются на подготовку самих себя первоначально быть матерями и женами, и если их работа находится вне дома, то предпочитается выбор карьеры, который является продолжением их домашней роли» [1. С. 230].

Стереотипные представления о соответствующих ролях мужчин и женщин в профессиональной сфере также включают и следующие «положения»:

1) женщины не решают экономических проблем;
2) женщины не работают из-за экономической нужды;
3) женщины чаще меняют место работы, чем мужчины;
4) женщины слишком эмоциональны для некоторого рода работ и ответственности;
5) женщины не могут стать хорошими начальниками;
6) женщины более склонны к монотонной исполнительской работе;

7) мужчины более коммуникабельны и ориентированы на решение проблем;
8) мужчины менее эмоциональны и поэтому более продуктивны и креативны;
9) мужчины более способны, предрасположены к руководству и лидерству [4. С. 79].

Степень веры в данные мифы со стороны работодателя определяет его отношение к женщинам и мужчинам в профессиональном аспекте. Эти представления и мифы формально и неформально включены во множество профессиональных структур занятости, например в полоролевую типизацию профессий.

Полоролевая типизация профессий связана с мнением о существовании «соответствующих» профессий для мужчин и женщин. Половая типизация профессий проявляется в существовании:

- полотипизированных ярлыков (половая типичность профессий милиционера, стюардессы, офицера, няни, учительницы);
- неравного распределения мужчин и женщин среди профессий;
- неравной экономической компенсации, получаемой мужчинами и женщинами (например, исключение из пенсионного стажа времени по уходу за ребенком) [10. С. 29].

Существует также огромное количество внутренних (психологических) факторов, оказывающих влияние на профессиональную самореализацию женщин и мужчин.

Это: приписывание (атрибуции), мотивация достижений, замещение достижений, страх неудачи, отсутствие самоуважения, низкая самооценка, низкий уровень принятия решения (рискогенность), боязнь успеха.

Приписывание (атрибуции). Мужчины приписывают свой успех личным способностям, в то время как женщины – удаче или усилиям. Женщины чаще относят свой успех к влиянию

внешних источников, а неудачу – внутренних, что вносит свой вклад в формирование низкого самоуважения и избегания некоторых ситуаций, ориентированных на достижения.

Большинство исследований по мотивации достижений было проведено на испытуемых мужчинах. На этом основана теория мотиваций Д. Мак-Клеланда, согласно которой мотивация достижений является приобретенной и зависит от ситуации. Следующим шагом на пути изучения мотивации достижений стала концепция Дж. Аткинсона и Н. Фитера о существовании двух основных мотивов: потребности в успехе и боязни неудачи. Мотивация достижений будет высокой, если боязнь неудачи ниже, чем потребность в успехе. Только в более поздних работах по мотивации достижений стали уделять внимание карьере женщин. Согласно современным представлениям, женщины иначе мотивированы на достижения, чем мужчины; мужчины и женщины мотивированы разными потребностями.

Для женщин потребность в аффилиации (эмоциональном принятии) важнее, чем потребность в достижениях; мотивации достижений у мужчин и женщин реализуются в разных видах деятельности.

Страх неудачи – ожидание невозможности достижения какой-либо цели – важный внутренний фактор, влияющий на профессиональную самореализацию. Если человек (мужчина или женщина) переживают страх неудачи, они более вероятно не смогут достичь цели. Мужчины и женщины могут испытывать страх неудачи одинаково сильно, но мужчины более уверенны и получают больше поддержки, поэтому страх неудачи имеет более негативное влияние на женщин.

Страх неудачи коррелирует с отсутствием самоуважения, низкой самооценкой, низким принятием риска (рискогенностью) и боязнью успеха. Последний фактор – ключевой в гендерных различиях в мотивации мужчин и женщин, персональная черта, которая развивается с детства и связана с развитием полоролевой идентичности. Женщины, ожидающие

негативных последствий своих успехов в нетрадиционной для себя сфере достижений, расценивая их как весьма вероятные, в связи с этим переживают боязнь успеха. Например, высококомпетентные женщины чаще не пользуются расположением ни мужчин, ни женщин, так как опровергают существующие гендерные стереотипы. Л. Иен и Д. Деппер рассматривают боязнь успеха как страх неудачи «быть успешной в карьере, но неуспешной в отношениях» [12. С. 21–39].

Следующим внутренним фактором, оказывающим влияние на профессиональную самореализацию, являются замещающие достижения.

Некоторые люди находят личное удовлетворение в отношениях с человеком, достигающим успехов, и идентифицируют себя с ним. В исследованиях замужних женщин обнаружено, что женщины, ориентированные на замещающие достижения, имеют слабые перспективы для продолжения своего образования и чаще ведут себя в соответствии с традиционными гендерными стереотипами [9. С. 528].

Самоуважение и самооценка также влияют на профессиональную самореализацию мужчин и женщин. У мужчин существует некоторая тенденция преувеличивать свои способности, в то время как у женщин – их недооценивать.

Таким образом, «гендерные установки и представления российских женщин и мужчин, сформированные под влиянием рассмотренных внешних и внутренних факторов, являются закономерной реакцией на предыдущую государственную политику всеобщей занятости в общественном производстве» [2. С. 48].

Пытаясь объяснить свою вовлеченность в профессиональный мир только финансовыми причинами, страдая от чувства вины за свои амбиции на работе, российские женщины не осознают реальную конкуренцию в профессиональной сфере и конфликтность в частных отношениях с мужчинами. Все это является препятствием для реконструирования гендерной политики и усиливает отчуждение между полами.

Библиографический список

1. Берн, Ш. Гендерная психология / Ш. Берн. – СПб.: Питер, 2000. – С. 203.
2. Бодрова, В. В. Работа или семья: что важнее для современной женщины / В. В. Бодрова // Материалы Первой российской летней школы по женским и гендерным исследования «Валдай-96». – М., 1997. – 293 с.
3. Клименкова, Т. А. Женщина как феномен культуры (взгляд из России) / Т. А. Клименкова. – М.: Аспкт-пресс, 1997. – 159 с.
4. Кобзева, Е. Проблемы занятости женщин при переходе к рынку / Е. Кобзева. – Набережные челны, 1995. – 189 с.
5. Литвак, М. Е. Секс в семье и на работе / М. Е. Литвак. – Ростов-на Дону: Феникс, 2001. – 208 с.
6. Психология менеджмента: учебник для вузов / под ред. Т. С. Никифорова. – 2-е изд., доп. и перераб. – СПб: Питер, 2004. – 639 с.
7. Раковская, А. О. Особенности становления профессиональной карьеры женщин / А. О. Раковская // Гендерные аспекты социальной трансформации. – М., 1998. – 187 с.
8. Рогачева, М. И. Составляющая успеха руководителя и организации / Управление персоналом / М. И. Рогачева. – 2004. – № 9. – С. 64.
9. Социальная психология / Ш. Тейлор, Л. Пипло, Д. Спирс. – 10-е изд. – СПб.: Питер, 2004. – 767 с., ил.
10. Щедрина, Е. В. Психология бизнеса: гендерный аспект // Вопросы психологии / Е. В. Щедрина. – 2005. – № 5. – С. 27–39.
11. Яновский, Н. Г. Женщина и общество: социально-политический аспект / Н. Г. Яновский // Социологические исследования. – 1998. – № 5. – С. 32-39.
12. Yoen, L. Fear of failure / L. Yoen, D. Depper // Women and therapy. – 1987. – Vol. 6. – P. 21–32.

ГЕНДЕРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЖЕНЩИН, УЧАСТВУЮЩИХ В ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СФЕРЕ ОБЩЕСТВА

Ф. Ибрагими
Бакинский государственный университет, г. Баку, Азербайджан

Summary. Women, unite efforts on change of existing conditions of social development, conduct certain work at level of groups and collectives, making joint decisions. One of sites of activity of women on elimination of a gender disbalance, is formation. The carried out researches show that there is a necessity of reforming of an education system: it is based on a number of the contradictions which have developed between requirements of the country in shots of experts and possibilities of this system in their maintenance.

The analysis of gender aspect of reform of formation assumes revealing of how these contradictions are reflected in formation of the social status of young men and girls, on achievement of a social equality of floors.

Keywords: world development, problems of female work and formation, gender aspect of formation.

Мировое развитие – само по себе достаточно сложный процесс, затрагивающий национальные, региональные, групповые и индивидуальные интересы, и потому изучать его следует с различных сторон, в том числе с точки зрения экономического, культурного, политического, социального аспектов развития. Указанный процесс обновляется с изменением соответствующих условий, развивается в определенном направлении. Все участники данного процесса на основе приобретенных знаний и информации стремятся улучшить условия жизни, повысить его уровень. Исследователи отмечают такие особенности современного развития, как наличие определенных закономерностей, влияние исторических традиций, устремленность в будущее, незавершенность, потребность в ресурсах и т. д.

Процесс этого развития проявляет себя в различных формах. Человечество должно стремиться к тому, чтобы в успешном развитии социальных отношений активно участвовали все члены общества, в том числе женщины. Рассмотрим эту проблему более подробно. Разумеется, налицо большой прогресс в укреплении социального статуса женщины, и в этом смысле можно говорить об укреплении ее позиций. Исследования показали, что в странах с высоким уровнем жизни и развитыми демократическими традициями уровень участия женщин в общественной жизни достаточно высок. Ясно, что без использования женского потенциала в культурной, экономической и политической жизни невозможно гармоническое развитие отдельных сторон социальной жизни, также невозможно обеспечить высокий социально-экономический уровень развития.

Указанная проблема должна решаться на фоне имеющихся социально-исторических условий развития гендерных отношений в обществе. Известно, что длительное время (а в определенных странах и социальных кругах – и до сих пор) задачи женщины со стороны общества ограничивались лишь семейными ролями матери, жены и хранительницы очага. Начиная со второй половины XIX века женщины принимают все более активное участие в различных сферах общественной деятельности, вместе с тем здесь имеется огромный потенциал, еще не использованный в должной мере. Сегодня женщины ведут активную борьбу за социальное равенство, за преодоление фактов дискриминации на рабочих местах, в том числе связанных с выдвижением на должности по служебной лестнице, с насилием в их отношении.

В ряде стран, где появилась возможность создать более лучшие отношения для работающих женщин, проводится работа по улучшению экономического положения женщин, для чего создаются специальные социальные программы по охране женского здоровья, прав в целом и т. д. Следует отметить заслуги неправительственных организаций, которые

по всему миру занимаются всеми проблемами, которые в той или иной степени затрагивают интересы женщин. Их работа носит более конкретный характер.

На сегодняшний день существенным направлением государственной социальной политики является стремление проявить больше гуманизма в отношении к женщине, что должно проявиться в стремлении к преодолению несправедливости к женщинам в той или иной сфере деятельности, реализовать на практике записанное в правовых документах положение о социальном равенстве женщин и мужчин.

Обеспечение базовых потребностей женщин, так же, как и мужчин, является существенным правом, которое записано в основном Законе любой страны. Каждый индивид имеет право на реализацию своих возможностей и способностей. Это должна знать и помнить каждая женщина, стремящаяся к самовыражению и ответственному поведению в любой жизненной ситуации, как в семье, так и общественной жизни.

Люди всегда вели и теперь ведут борьбу за изменение существующих устоев и порядка в лучшую сторону, за предоставленную возможность принимать решения. Женщины также ведут поиск средств и путей по устранению препятствий на своем жизненном пути с тем, чтобы иметь успех или сделать прорыв в какой-либо свой жизненный этап.

Женщины объединяют усилия по изменению существующих условий общественного развития, ведут определенную работу на уровне групп и коллективов, принимая совместные решения. Одним из участков деятельности женщин по устранению гендерного дисбаланса является образование. Проведенные исследования показывают, что имеется необходимость реформирования системы образования: она основана на ряде противоречий, сложившихся между потребностями страны в кадрах специалистов и возможностями этой системы в их обеспечении.

Анализ гендерного аспекта реформы образования предполагает выявление того, как отражаются эти противоречия на формировании социального статуса юношей и девушек, на достижении социального равенства полов. В частности, особенно актуальными видятся мониторинг и последующая разработка следующих проблем:

- коррекция планов приема по тем или иным специальностям, по тем или иным учебным заведениям;
- формирование новых социальных, профессиональных и ценностных ориентаций у учащейся молодежи;
- обеспечение свободы выбора будущей профессии, характеры практической деятельности;
- формирование демократической гуманистической культуры общения между преподавателями и учащимися;
- обеспечение высокого уровня творческих контактов образовательных учреждений с производственными коллективами, научными учреждениями, органами прессы, общественными организациями;
- механизм селекции, который обеспечивает передачу собственности, власти, культуры детям из привилегированных классов; перехода из одной социальной группы как по вертикали, так и по горизонтали;
- условия для продолжения образования, трудоустройства и переквалификации, осуществления непрерывного образования;
- роль образования в развитии тех или иных личностных качеств, актуальных для современной цивилизации;
- поиск новых образовательных моделей, отвечающих требованиям современности.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ГЕНДЕРНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ СЕМЬЕ

М. А. Бутаева
Дагестанский государственный университет,
г. Махачкала, Россия

Summary. In the article it is told about changes in family hierarchy and family roles which are observed last decades.

Keywords: gender, traditional family, family-marriage attitudes, family-role statuses, gender stereotypes.

В настоящее время семья, как на Западе, так и в России, переживает сложные трансформационные процессы. Формирование в развитых странах в последние десятилетия новых, в основе своей эгалитарных межполовых взаимоотношений обусловило появление качественно отличных от ранее существовавших ситуаций во всей брачно-семейной системе.

На протяжении длительного времени исторического развития общества в мировом масштабе семья имела патриархально-авторитарный характер у различных народов мира и, соответственно, многие черты, характерные для данного типа традиционной семьи, были присущи и различным народам, среди которых: четкое ролевое распределение в семье между супругами и детьми при доминирующей роли мужчины (отца, мужа, старшего брата); экономическая зависимость жены и детей от мужа – главы семьи; двойной стандарт в отношении женщин; подчинение ее сексуальности репродуктивным функциям и отрицание ее как таковой у женщины; неприемлемость в общественном сознании развода и нетипичных форм семейно-брачных отношений и т. д. То есть традиционная семья – это семья, которая по своему типу, характеру семейных отношений и семейного поведения соответствовала нормам и правилам семейного поведения, принятым в обществе как на формальном, так и на неформальном уровне. По этой причине традиционная семья в

каждом обществе имела и имеет свой специфический облик. По мере развития и усложнения социальной жизни, на рубеже XIX и XX столетий, в момент разразившегося общего кризиса европейской культуры, стали очевидными признаки кризисного состояния семьи. Семья перестает быть основным способом включения молодого поколения в культурную традицию. Серьезной трансформации подверглись семейные ценности практически во всех брачно-семейных сферах.

Для российской семьи последних двух десятилетий, как и для всего общества, переход в новое качество жизни происходил скачкообразно, она неожиданно столкнулась с совершенно иными социально-экономическими и социокультурными условиями, оказавшись под воздействием ряда сопряженных друг с другом процессов, затронувших все общество в целом. Преодоление возникшего в связи с этим разрыва между традиционным сознанием и реальным бытием требовало кардинальных изменений мировоззрения как на уровне общества, так и в рамках малых групп, особенно, семьи.

Фундаментом этих перемен являются радикальные сдвиги в ролевых и статусных позициях мужчины и женщины как системообразующих начал институтов брака и семьи. С одной стороны, усиление неформального начала семейно-брачных отношений, а также универсализация гендерных ролей приводит к потере устойчивости браков, к масштабному падению уровня брачности и рождаемости. Главным субъектом такого общества становится не семья, а индивид, личность. С другой стороны, отказ от строго нормативного общественного регулирования семейной жизни людей предоставил возможность устанавливать гибкие, подвижные, удовлетворяющие интересы представителей обоих полов гендерные границы, смоделировать разнообразные семейно-ролевые конструкты с позиции гендерных взаимоотношений.

Наиболее масштабное влияние на семью имеет возросшая эмансипация индивидов, особенно женщин, (названная Бердяевым «кризисом родового начала»), и обострение про-

блем, связанных с кризисом институтов традиционной семейной культуры, проявляющихся в трансформации гендерных ролей в семье и формировании эгалитарных отношений; изменении репродуктивных установок семьи, связанных с изменением роли женщины в семье и обществе и ее эмансипацией; снижении стабильности семьи и прочности семейных уз вследствие появления возможности выбора различных семейных стратегий и многократного поиска семейного счастья; многообразии типов семейного поведения и организации семьи.

Распространившиеся сегодня взгляды на взаимоотношения мужчины и женщины в браке, распределение семейных обязанностей, дифференциация труда в публичной и частной сферах позиционируются как добровольный социальный контракт равноправных агентов. Сложность в том, что подобный социальный контракт основывается на сложившихся традиционных представлениях о содержании половых ролей, подкрепленных убеждениями в «природном» предназначении полов. Именно сомнение в социокультурной и исторической неизменности в положении мужчин и женщин, вызвало к жизни необходимость в новом понятии, которое бы раскрывало природу пола не столько с биологических позиций, сколько с социокультурных. Этим можно объяснить введение в поле научного дискурса категории «гендер».

Ученые, исследующие процессы социальной трансформации в России, верно отмечают значимость семьи как центра формирования гендерных отношений [2. С. 10]. Посредством семьи транслируются следующим поколениям представления о женственности и мужественности, гендерные стереотипы и нормы, определяющие поведение мужчин и женщин.

В настоящее время, к сожалению, в отечественной научной публицистике число гендерных исследований несколько сократилось. Как справедливо замечает Н. М. Римашевская, в отличие от Запада в России не было периода массового усвоения гендерного сознания в силу фактического отсутствия граж-

данского общества. Более того, имел место определенный шаг назад, произошедший в первой половине 1990-х гг., названный периодом «ренессанса патриархатности» [5. С. 65].

Проблема «выбора» каждой семьей способа ролевого взаимодействия из сложного набора норм и правил, которые сейчас сосуществуют в нашем обществе, является одной из наиболее важных. Семейные роли образуют достаточно сложный комплекс взаимодействующих и взаимоопределяющих друг друга социальных ролей. В условиях наличия разнообразных норм и образцов ролевого поведения, становление ролевой структуры семьи как социокультурного феномена, адаптация супругов друг к другу, выработка стиля семейной жизни тесно переплетаются с межличностными отношениями супругов и их социальными установками.

Проблема выбора, принятия семьей того или иного ролевого образца неотделима от формирования отношения членов семьи к этому образцу, к своей роли в семье и к выполнению ролей другими членами семьи.

В современных условиях, складывается тенденция к возрастанию автономности супругов, так как интересы каждого из них разнообразнее семейных, и круг значимого общения выходит за рамки супружества.

Наиболее значительные перемены произошли в социальных ролях и в самой системе жизненных ориентиров современной женщины. На первом месте все очевиднее ценности самореализации, индивидуальной успешности, социальной престижности, тогда как традиционные фамилистические установки на семью и детей как главные ориентиры жизни женщины постепенно, но устойчиво отходят на второй план и все более архаизируются. Кроме того, нельзя не отметить и такие новые характеристики брачного портрета женщины, как наличие у нее, как правило, серьезного и разнообразного сексуального опыта.

Не менее глубокими выглядят изменения и в ролестатусных характеристиках другого пола – мужчин. Важнейшее из

них – утрата современным мужчиной традиционной монополии на брачном рынке, в частности социального, приоритета на выбор партнера, – очевидное следствие уже общепризнанной тенденции гендерной эгалитаризации в семейных отношениях. Из бесспорного субъекта брачного выбора мужчина трансформируется в одного из возможных партнеров по брачному рынку, что, конечно, является существенным социальным сдвигом в гендерной структуре семейно-брачных отношений.

Еще одну серьезную культурную трансформацию, причем пока еще малоосознаваемую исследовательской мыслью, отмечает Е. Ф. Молевич [4], который видит в ее основе – растущую инфантилизацию (в другой терминологии – «кризис мужской идентичности») молодых и не очень молодых мужчин, наблюдаемое снижение их «самости» – самостоятельности в образе жизни, самообеспечиваемости, самоответственности и инициативности в поведении и т. д.

Последствия этих изменений в социальном статусе для взаимоотношений полов в семейно-брачной сфере неоднозначны. С одной стороны, они определили тенденцию все большего ослабления официальных брачно-семейных связей. Об этом свидетельствуют такие явления, как: стабильное снижение числа заключаемых браков, повсеместно растущий в последние годы средний возраст вступления в первый брак [3], возросшие темпы роста внебрачной рождаемости; высокий уровень разводимости: сейчас распадается примерно каждая вторая брачная пара, причем приоритет в инициировании этого распада – в 60–80 % случаев – за женщинами [7], усиливающаяся популярность незарегистрированных «свободных» браков, характерная не только для молодежи, но и людей старших возрастов.

С другой стороны, отмеченные выше существенные сдвиги в социальном положении полов определили становление в XXI в. нового гендерного качества самих брачно-семейных отношений. Произошла глубокая институциональ-

ная перестройка всей системы брачно-семейных отношений, связанная, преимущественно, с «гендерной революцией», в ходе которой на смену традиционному патриархальному браку с приоритетной ролью мужа приходит все более выраженная эгалитарная форма брака с очевидным и реальным равноправием супругов. При переходе к супружеской семье (постсовременной) все труднее определить «главу семьи». Индивидуализация мужчин (расширение избирательности, рост интегральной ответственности и автономии от социальных общностей) и распространение этих качеств на женщин, на общем фоне экономической и гражданской эмансипации. Это находит свое отражение и в условии обязательного взаимосогласия в брачном выборе, и в растущей унификации полоролевых статусов, в равноценности вклада в материальную состоятельность семьи и, как следствие – в нивелировании традиционно высокого мужского статуса «главы семьи».

Отмеченное выше приводит к автономизации и индивидуализации членов семьи. Подобные процессы на уровне семьи приводят к модернизации ее ценностной структуры, на лидирующие позиции выходит ценность супружеской автономии. «Автономия выражается в том, что интересы мужа и жены разнообразнее семейных, а потребности и круг общения каждого из супругов выходит за рамки брака. Их эмоциональные устремления регулируются не столько обычаями и традициями, сколько психофизиологическими особенностями, нравственными принципами и эстетическим идеалом» [1. С. 181]. «Современный, даже вполне социализированный человек, – автономен. В техногенном мире большинство людей не действуют по тотально заданным шаблонам, всегда остается место для вариаций и самостоятельных решений... Чем выше уровень цивилизационно-культурного развития общества, тем полнее член такого социума сознает себя как индивидуальность. Тем, в принципе, насущнее его потребность в обособлении» [1. С. 177–178].

Качественно изменившийся культурно-образовательный потенциал полов начинает играть все большую роль в формировании стабильного брака, причем с опорой на факторы культурной идентичности, взаимного интереса, духовной и психофизиологической совместимости.

Библиографический список

1. Голод, С. И. Семья и брак: историко-социологический анализ / С. И. Голод. – СПб.: ТОО ТК Петрополис, 1998.
2. Здравомыслова, О. М. Семья и общество: гендерное измерение российской трансформации / О. М. Здравомыслова. – М.: Едито-риал УРСС, 2003.
3. Келли, Г. Ф. Основы современной сексологии / Г. Ф. Келли. – СПб., 2000.
4. Молевич, Е. Ф. Гендерные сдвиги в современных брачно-семейных отношениях: смена парадигмы / Е. Ф. Молевич // Женщина в российском обществе. – 2002. – № 2–3. – С. 38–42.
5. Римашевская, Н. М. Реформирование социальной сферы в контексте гендерных отношений / Н. М. Римашевская // Гендер как инструмент познания и преобразования общества. – М.: РОО МЦГИ – ООО «Солтэкс», 2006. С. 58–69.
6. Розанов, В. В. Семейный вопрос в России: монография / В. В. Розанов. – СПб., 1993.
7. Семья на пороге третьего тысячелетия. – М., 1995.

К ВОПРОСУ СТАНОВЛЕНИЯ КОГНИТИВНОГО, ЭМОЦИОНАЛЬНОГО И ПОВЕДЕНЧЕСКОГО КОМПОНЕНТОВ ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ У ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

А. Е. Гаффарова
Педагогический институт СГУ им. Н.Г. Чернышевского, г. Саратов, Россия

Summary. The research is about studying 7-10 year old children`s gender identity. The results reflect the dynamics of sexual differentiation in the primary school age, specific of cognitive and emotional components of gender identity, caused by gender and age factors. Data obtained in the process of the research, can be used in lectures on personality psychology, gender psychology, experimental psychology.

Key words: psychology, experimental psychology, junior school age, gender identity.

Актуальность изучения психологических особенностей формирования гендерной идентичности в младшем школьном возрасте обусловлена особым положением ребёнка данного возраста в обществе (по сравнению с предыдущим возрастным периодом). Становясь школьником, ребёнок не только повышает свой социальный статус, но и берёт на себя новые обязательства. Окружение ожидает от него самостоятельности, активности, целеустремлённости, ответственности, определённых успехов в учебной деятельности. Успешная адаптация в новой социальной ситуации во многом зависит от активизации процесса сознательного усвоения норм поведения, прав и обязанностей, тех нормативных знаний и нравственных чувств, которые возникают у ребёнка под влиянием оценки со стороны взрослого. Ребёнок стремится к самоутверждению в ходе осуществления ролевого поведения.

По мнению Л. В. Штылевой, школа − это та социальная среда, где в полную силу обнаруживается практическое значение гендерных стереотипов, окончательно определяются ген-

дерные роли, отчётливо закрепляются паттерны взаимоотношений с противоположным полом [3. С. 39].

Ю. Е. Алёшина и А. С. Волович указывают в своих работах на то, что полоролевая социализация в современном виде приводит к парадоксальным результатам: мальчиков как бы толкают на пассивность или внесоциальную активность, девочек же, напротив, − на гиперактвность и доминантность. В то же время жить им предстоит в обществе, во многом ориентированном на традиционные полоролевые стандарты [1. С. 76].

Американский ученый Е. Маccoby [3. С. 28], изучавший проблему взаимоотношений между мальчиками и девочками в младшем школьном возрасте, указывает на наличие двух тенденций в общении: гендерной сегрегации (общение с представителями своего пола) и конвергенции полов (общение с представителями противоположного пола). Обе эти тенденции, по мнению автора, неравнозначны в различные возрастные периоды. Однако гендерная сегрегация в младшем школьном возрасте − более распространенное явление.

За внешними проявлениями половой сегрегации стоят принципиально важные для понимания психосексуальной дифференциации и половой социализации психологические закономерности. В. Е. Каган называет этот период «временем второй полоролевой примерки», в отличие от первой, происходившей в возрасте 2−6 лет. Это время расширения и углубления полоролевой типизации, переживаний и поведения [4. С. 123].

В нашем исследовании мы сосредоточили внимание на диагностике содержания когнитивного, эмоционального и поведенческого компонентов гендерной идентичности у младших школьников. В ходе исследования была выдвинута **гипотеза**, согласно которой развитие гендерной идентичности в младшем школьном возрасте обладает рядом специфических черт, обусловленных факторами пола, возраста и социальной ситуацией развития.

Практическая часть исследования проводилась на базе МОУ СОШ № 11 г. Саратова. В исследовательскую выборку были включены 84 ребёнка в возрасте от 7 до 10 лет. Группа была разделена на несколько подгрупп: дети в возрасте от 7 до 8 лет, от 8 до 9, от 9 до 10 (по 20 человек в каждой), и от 10 до 11 лет (24 человека). Число девочек и мальчиков одинаково в каждой подгруппе.

Психодиагностические методики:

1. *Детский опросник гендерной идентичности Д. Холла, Х. Халберштата.*
2. *Методика создания словесного портрета «настоящей девочки» и «настоящего мальчика»* использовалась для определения содержательной стороны когнитивного компонента гендерной идентичности младших школьников.
3. *Социометрия Дж. Морено.* С целью выяснения возрастных и полообусловленных особенностей процесса гендерной сегрегации детям были заданы стандартные вопросы, входящие в процедуру социометрии.
4. *Цветовой тест отношений М. Эткинда.* Проведение цветоассоциативного эксперимента позволило выяснить характер эмоционально окрашенных представлений, которые существуют у детей на неосознаваемом или малоосознаваемом уровне.
5. *Тест «Рисунок человека».* Полученная информация использовалась для суждения об особенностях самооценки и представлений о теле обследуемого.

Таким образом, обследование в целом давало возможность оценить и сопоставить когнитивные и эмоциональные аспекты восприятия полов, себя как представителя пола, а также выявить возрастные и полообусловленные особенности процесса гендерной сегрегации у младших школьников**.**

Анализ полученных данных показал следующее:

- у детей с усложнением социальной ситуации развития происходит увеличение числа вариантов гендерной идентичности;
- в подгруппе девочек преобладает фемининная адекватная гендерная идентичность;
- в подгруппе мальчиков преобладает фемининная неадекватная гендерная идентичность;
- портреты, созданные детьми, включают большое число прилагательных, которые нельзя строго отнести к маскулинным или фемининным;
- на содержание портретов оказывает влияние актуальная социальная ситуация развития;
- с увеличением возраста респондентов увеличивается гендерная специфичность портретов;
- портреты, созданные девочками, характеризуются более стройной структурой и большим количеством компонентов, чем портреты, созданные мальчиками;
- портреты, созданные мальчиками, характеризуются большей гендерной специфичностью;
- с возрастом, как у мальчиков, так и у девочек, происходит усиление процесса гендерной сегрегации во всех областях межличностного взаимодействия;
- эмоциональный компонент гендерной идентичности с возрастом имеет тенденцию к усложнению;
- у детей эмоциональное восприятие девочек позитивнее, чем мальчиков;
- эмоциональное самовосприятие у мальчиков во всех возрастных группах и в целом менее позитивно, чем у девочек;
- рисунки человека детей с фемининной неадекватной и недифференцированной гендерной идентичностью косвенно подтверждают их неблагополучие в сфере гендерной идентичности.

Обобщая полученные данные, мы приходим к заключению о необходимости поиска новых подходов при формировании личности ребёнка, способствующих его наиболее полному развитию как представителя определённого пола. Это обусловлено ведущей ролью половой идентичности в регуляции адаптационных процессов, связанных с трансформацией образа «Я» при освоении новых социальных ролей.

Библиографический список

1. Алёшина, Ю. Е. Проблема усвоения ролей мужчины и женщины / Ю. Е. Алешина, А. С. Волович // Вопросы психологии – 1991. – № 4. – С. 74–82.
2. Венгер, А. Л. Психологические рисуночные тесты: иллюстрированное руководство [Текст] / А. Л. Венгер. – М.: Владос Пресс, 2005. – 160 с.
3. Иванова, М. В. Психологические особенности формирования гендерной идентичности в младшем школьном возрасте / М. В. Иванова, О. В. Коваленко. – Иркутск, 2005. – 144 с.:
4. Каган, В. Е. Воспитателю о сексологии / В. Е. Каган. – М.: Педагогика, – 1991. – 256 с.
5. Ньюкомб, Н. Развитие личности ребенка / Н. Ньюкомб; пер. с англ. В. Белоусов; предисл. науч. ред. М. В. Осорина – СПб.: Питер, 2003. – 640 с.

ПОЛОРОЛЕВАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ФАКТОР НАПРАВЛЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ ПОДРОСТКА

Р. А. Юнусова
Гимназия № 1590, г. Москва, Россия

Summary. In the article they are examined the results of formation dynamics teenagers' sex-role identity in a group of risk, living in social-pedagogic institutions and teenagers, living in families, based on

integrative and differential methods of research. Sex-role identification characteristics of boys and girls of two groups are discovered.

Keywords: sex-role, integrative, differential, orientation of personality.

Вопрос проявления маскулинности и фемининности у современных представителей мужского и женского пола является актуальным в настоящее время и обсуждается во многих научных и популярных изданиях. Эта тема беспокоит и медиков, и психологов, и педагогов, и социологов. Необходимость нашего исследования была обусловлена тем, что формирование полоролевого самосознания в подростковом возрасте осложнено представлениями о психологических закономерностях и механизмах полоролевой идентичности современных подростков.

Известно, что полоролевая идентификация определена важностью осознания своей половой роли в процессе личностного становления человека в подростковом периоде. В свою очередь, В. В. Абраменкова (2000) отмечает, что половая социализация в современных условиях развития общества, осуществляемая взрослым сообществом, кардинально «дезориентирует ребёнка в плане формирования половой идентичности, ставя его в позицию выбора психологического пола даже в ситуации, когда его паспортный пол, определяемый при рождении, и отсутствие генетической патологии гарантируют однозначную полоролевую позицию и нормальную психосексуальную ориентацию в будущем» [1].

С точки зрения В. Э. Чудновского процесс формирования полоролевой идентичности тесно связан с направленностью личности, определяющей её смысложизненные ориентации, и его можно рассматривать как фактор направленности, обуславливающий формирование личности. Увеличение значимости этого фактора в подростковом возрасте существенно обуславливает формирование направленности личности, в частности полоролевой. Л. И. Божович рассматривала направленность как систему доминирующих мотивов, которая

структурирует личность, а Т. А. Араканцева, изучая типы полоролевой ориентации в сфере общения, подчеркивала значимость взаимосвязи этих двух составляющих [2]. Таким образом, можно считать, что полоролевая идентичность является значимым фактором становления направленности личности, что ярко выражено в подростковом возрасте [4].

Проведенное исследование показало, что процесс становления полоролевой идентичности, подчиняющийся закону дифференциации-интеграции, существенно обуславливает своеобразие проявления направленности личности у детей группы риска, проживающих в учреждениях социально-педагогического типа и воспитывающихся в семье, и через него можно воздействовать на формирование женственности у девочек и мужественности у мальчиков.

В ходе исследования перед нами стояла задача изучения динамики становления полоролевой идентичности у подростков 11–16 лет, проживающих в учреждениях социально-педагогического типа и в семьях. Мы предполагали, что у подростков, имеющих нарушения в представлениях о роли членов семьи, в связи с деструктивными семейными взаимоотношениями процесс полоролевой идентификации отличается от такового детей, живущих в семье. Когда полоролевая идентичность при отсутствии семьи и нарушениях роли каждого её члена формируется в искаженном виде, дети испытывают характерные сложности в становлении психологического пола. Для подростков проблемным становится осознанное отнесение себя к какому-либо полу, принятие соответствующего полу полоролевого поведения. Отсутствие образца, идеала в лице мамы и папы у этих детей (неблагополучные и неполные семьи) затрудняет процесс становления полоролевой идентичности, что в дальнейшем приводит к формированию инверсионного психологического пола у подростков, нарушению взаимоотношений в их будущих семьях, искажениям в процессе воспитания собственных детей и, как следствие, разрушению семей и социальному сиротству.

Процесс полоролевой идентификации можно рассматривать с позиций направленности личности, которая, по мнению С. Л. Рубинштейн, Л. И. Божович, включается в систему формирования доминирующих мотивов, определяющих поведение и поступки индивида. Мы предположили, что процесс полоролевой идентификации во многом обуславливается направленностью личности и по результатам нашего исследования получили, что своеобразие этой направленности выражается в скрытой маскулинности девочек и фемининности мальчиков.

Результаты исследования показали, что девочки, при всём своем внешнем желании быть мягкими, понимающими, уступчивыми, нежными и т. д. (эти качества выделяются ими в ходе диагностики и подтверждаются средними показателями при математической обработке), в повседневной жизни проявляют такие качества, как смелость, агрессивность, уверенность, решительность, воля, прямота, настойчивость, что в историческом контексте характерно для представителей мужского пола. Таким образом, можно констатировать наличие ярко выраженных маскулинных качеств у девочек в поведении и на подсознательном уровне. И ведь именно это подтверждают реальные «хроники» событий повседневной жизни, когда девочки проявляют устремления не к созданию семейного очага и рождению детей как прерогативе будущего, а к построению карьеры, зарабатыванию денег, материальному благополучию, наличию машины, самообеспечению и независимости, ведут себя подобно мальчикам (одежда, курение, потребление алкоголя, жесткость и жестокость по отношению друг к другу). Также о маскулинизации женского общества говорят характерные для мужчин сферы и виды деятельности, занимаемые женщинами, достижения в областях, не связанных с семьей. Дух соревновательности с мужчинами, вытеснение их и буквальное завоевание пространства, некогда принадлежавшего только мужчинам (руководящие должности, сфера бизнеса, вождение машин,

одежда), способствуют формированию направленности личности женщин к маскулинной полоролевой ориентации. В нашем исследовании девочки 15–16 лет из семьи связывают своё полоролевое поведение, демонстрируемое другим женщинам, по шкале маскулинности с притязанием на признание в них представительниц женского пола, и эти представления в них маскулинизированы, так как основная часть значимых корреляционных связей выявлена по шкале маскулинности. Выявленный уровень самооценки девочек этого возраста связан с признанием в них другими женщинами равных, уже взрослых, достаточно самостоятельных представительниц женского пола, которые очень часто показывают свою маскулинную сторону, дающую им уверенность в себе.

Невооруженным глазом видно, как изменяется в последние десятилетия положение современного мужчины, задавленного популяризирующимся раскрепощением женщины, активизирующим процессы, которые лишают мужчин их привилегированного статуса. «Чтобы иметь душевное спокойствие и авторитет в семье, мужчина должен обладать рядом тонких психологических свойств, которые никогда не входили в традиционный стереотип маскулинности – чуткостью, внимательностью, отзывчивостью и многими другими. Их недостаток болезненно сказывается на психике и здоровье мужчин. Равняясь на систему ценностей, принятых в обществе сверстников, мальчики-подростки старательно искореняют в себе эти якобы «женские» качества, а, став взрослыми не в состоянии выразить волнующие их переживания» [3].

Согласно результатам нашего исследования мальчики из семьи 13–14 лет связывают уровень притязаний с маскулинными представлениями о паттернах своего поведения, демонстрируемого другим представителям мужского пола (полоролевое поведение). Скорее всего, они хотят видеть своё поведение соответствующим мужским стереотипам и претендуют на маскулинность в своём поведении.

В 15–16 лет такая тенденция не отмечена ни в одной из групп юношей. Возможно, в этом возрасте они уже определились со своим притязанием на мужественность и соответствие мужским стереотипам. Но согласно результатам корреляционного анализа у мальчиков обеих групп в процессе полоролевой идентификации ведущей является шкала фемининности. Это может говорить о внутренней неосознанной фемининности юношей этого возраста, обусловленной превалированием женского окружения в процессе воспитания (дом, детский сад, школа, социально-педагогическое учреждение).

И сейчас необходимо понимать, что возложение воспитательных функций подрастающего поколения на женщин способствует формированию внутренней, неосознаваемой феминности мальчиков, которые хотят быть настоящими мужчинами, но не могут в силу своей внутренней слабости, неверия в себя и свои способности, так как модель мужского поведения и внутренний стержень мужественности не сформировались.

Таким образом, в исследовании показано, что процесс полоролевой идентификации, значимый в подростковом возрасте, является существенным фактором формирования направленности личности, а сформированная направленность во многом обуславливает особенности этого процесса. Изучение и раскрытие особенностей процесса полоролевой идентификации позволяют обоснованно подходить к формированию адекватной полоролевой идентичности у детей подросткового возраста, способствуют оказанию им квалифицированной психологической помощи и поддержки специалистов.

Библиографический список

1. Абраменкова, В. В. Половая дифференциация и сексуализация детства / В. В. Абраменкова // Мир психологии. – 2000. – № 1. – С. 111–118.

2. Араканцева, Т. А. Психологические особенности подростков с разным типом полоролевой ориентации: Дис. …канд. психол. наук: Спец. 19.00.07 / Т. А. Араканцева; МПУ. – М., 1999. – 195 с.
3. Обозов, Н. Н. Возрастная психология: юность и зрелость / Н. Н. Обозов. – Санкт-Петербург: «СаиВеда», 2000. – 136 с.
4. Чудновский, В. Э. Становление личности и проблема смысла жизни: Избранные труды / В. Э. Чудновский. – М.: Издательство Московского психолого-социального института; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2006. – 768 с.
5. Шульга, Т. И. Методика работы с детьми группы риска / Т. И. Шульга, В. Слот, Х. Спаниярд. – М.: Изд-во УРАО, 1999. – 104 с.

ВАРИАТИВНОСТЬ РАЗВИТИЯ ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЖЕНЩИН

Е. М. Звягинцева
Саратовская государственная академия права,
г. Саратов, Россия

Summary. This article addresses the problem of gender identity. Topical is the self-actualization and identity of women in politics. Address the issue of behaviors of women in politics.

Keywords: gender identity, masculinity, femininity, androghinia, gender conflict, self-actualization.

В сложном изменяющемся мире в эпоху глобализации и перемен человеку как никогда необходимо чувствовать себя спокойно и уверенно. Для этого ему необходимо утвердиться в своей личностной и профессиональной роли. Не последнее место в процессе самоутверждения занимает осознание человеком своей гендерной идентичности, под которой понимается процесс осознания и принятия определений мужественности и женственности, существующих в рамках той культуры, в которой рождается и вырастает человек [1. С. 71].

В современном обществе наблюдается немало людей с искаженным гендерным самосознанием, трансформируется значение мужественности и женственности как ценности, сопровождающееся феминизацией мужчин и маскулинизацией женщин [2. С. 187]. В связи с этим актуальным становится вопрос о формировании мужественности и женственности как ведущих качествах гендерной идентичности. Это важно, поскольку современный мир задает новые перспективы в реализации личности, способной быстро приспособиться к изменяющимся условиям и именно гендерная идентичность является адаптационным ресурсом, а ее нарушение является индикатором нарушений психического здоровья и адаптации вообще.

Формирование гендерной идентичности происходит под влиянием развития биологии, культуры общества, закономерностей половой дифференциации в ходе гендерной социализации.

Задача нашей работы состоит в анализе трансформации гендерной идентичности женщин и восприятия женщинами своей социальной роли.

Некоторые исследователи [3] склонны утверждать, что в настоящее время в культуре стираются, либо крайне размыты представления о качествах «настоящей женщины». С одной стороны, это приводит к увеличению «женских» качеств и дает возможность женщине выбирать, какой ей быть, оставаясь при этом самой собой. С другой стороны, наблюдается внутриличностный гендерный конфликт, гендерная неопределенность. Женщина испытывает экзистенциальный кризис в отношении своего предназначения, традиционная гендерная идентичность кардинально изменяется. Одним из проявлений этой проблемы является вопрос о так называемом «естественном предназначении женщины»[4. С. 51]. Все разнообразие существующих направлений и концепций можно выразить в двух основных подходах. Первый, называемый традиционным, рассматривает материнство с точки зрения природно-биологических по-

зиций и представляет материнство как единственную форму самореализации женщины, предназначенную ей от природы. Это ограничивает ее права на свободу выбора для самореализации. Иная позиция представлена в работах феминистов, где самореализация, личный успех связывается исключительно с профессиональными достижениями, карьерным ростом, социальным статусом, в то время как материнство противопоставляется самореализации женщины, рассматривается как «потеря себя» [5. С. 47], помеха к личностному развитию. В результате этих мнений происходит снижение ценности материнства и его девальвация.

В связи с этим можно выделить несколько вариантов модели гендерной идентичности женщин [6]: андрогинный женский; маскулинный женский; фемининный женский.

Маскулинный вариант рассматривается как совокупность «инструментальных» качеств личности и характеризуется наибольшей выраженностью таких свойств, как независимость, напористость, властность, склонность защищать свои взгляды, честолюбие, способность к лидерству, склонность к риску, вера в себя, самодостаточность. В обыденном сознании данные качества ассоциируются с мужчинами. С фемининным вариантом связывают «экспрессивные» характеристики личности: скромность, исполнительность, конформность, преданность, способность к состраданию, эмпатия, склонность к кооперации. Маскулинные и фемининные свойства в значительной мере обусловлены социальным контекстом при формировании и развитии и имеют, скорее, социокультурную детерминацию. Андрогинному варианту гендерной идентичности примерно в равной степени присущи и маскулинные и фемининные качества.

Такая вариативность позволяет предположить, что динамические характеристики гендерной идентичности женщины обусловлены сложным процессом взаимодействия биологического и социокультурного влияния с ценностными ориентациями и жизненными смыслами, направленными на

удовлетворение базовых потребностей личности (стремление к внутренней согласованности, самоактуализации) вне зависимости от пола.

Следовательно, являясь одной из структур самосознания личности, гендерная идентичность играет определяющую роль в процессах самореализации женщин в политике.

Библиографический список

1. Клецина, И. С. Психология гендерных отношений: Теория и практика / И. С. Клецина. – СПб, 2004.
2. Овчарова, О. Г. Гендерная асимметрия и политика / О. Г. Овчарова. – Саратов, 2007.
3. Соколова, Е. Т. К обоснованию клиникопсихологического изучения расстройства гендерной идентичности / Е. Т. Соколова, Н. С. Бурлакова, Ф. Лэонтиу. Режим доступа: http:// www.hr-portal.ru/article/k-obosnovaniyu
4. Айвазова, С. Г. Гендерное равенство в контексте прав человека / С. Г. Айвазова. – М., 2001.
5. Чекалина, А. А. Самореализация и гендерная идентичность человека / А. А. Чекалина // Сб. науч. труд. КГУ. – Краснодар, 2005.
6. Дмитриева, Н. В. Типология формирования и классификация видов постмодернистской гендерной идентичности / Н. В. Дмитриева. Режим доступа: http:// www.ibac.info

ИЗУЧЕНИЕ ВЗАИМОСВЯЗИ ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И РЕАКЦИИ СУПРУГОВ НА КОНФЛИКТ

И. А. Манюрова
Академия МНЭПУ, г. Пенза, Россия

Summary. The article is devoted to results of research of interrelation of gender identity of spouses and their behaviour in the conflict.

Keywords: gender identity, conflict, family.

В психологии традиционно значительная часть исследований посвящена изучению семьи и внутрисупружеских отношений. В настоящее время современные психологи уделяют особое внимание проблеме гендерной идентичности супругов, так как неадекватная половая идентичность неблагоприятно сказывается на межличностных супружеских взаимоотношениях, что, в свою очередь, отражается на воспитании детей и их гармоничном развитии.

На наш взгляд, изучение реакций супругов на конфликт является необходимым и очень важным. Неверная реакция, возникшая на проблему, может привести к нарастанию конфликта и ухудшению взаимоотношений между супругами, что впоследствии может стать причиной разрушения семьи. Поэтому мы считаем необходимым исследовать реакции супругов с разной гендерной идентичностью на конфликт, с целью разработки рекомендаций по сохранению взаимоотношений между супругами.

Понятие гендерная идентичность означает отождествление себя с определенным полом, отношение к себе как к представителю определенного пола, освоение соответствующих ему форм поведения и формирование личностных характеристик. В связи с гендерной идентичностью у человека возникает и целостное представление о себе [1].

Гендерная идентичность – базовая структура социальной идентичности, которая характеризует человека (индивида) с точки зрения его принадлежности к мужской или женской группе. Гендерная идентичность связана с нашим представлением о своем поле – чувствуем ли мы себя в действительности мужчиной или женщиной.

Целью нашей работы является изучение гендерной идентичности и реакций супругов на конфликт.

Мы предполагаем, что у супругов с разной гендерной идентичностью реакции на конфликт будут отличаться.

Для изучения гендерной идентичности и реакций супругов на конфликт мы использовали следующие методики:

1) опросник Сандры Бэм;
2) опросник «Реакции супругов на конфликт» А. С. Кочаряна.

Исследование проводилось в г. Кузнецке Пензенской области. В исследовании приняли участие 20 семейных пар. Возраст супругов составил 22–50 лет.

Для изучения степени выраженности маскулинных и фемининных характеристик обоих супругов использовался опросник С. Бэм (таб. 1).

Таблица 1

Результаты исследования по опроснику Сандры Бэм (средние значения)

Испытуемые	Маскулинность	Фемининность	Основной индекс IS
Мужчины	12,5	8	-0,52
Женщины	5,9	13,6	0,89

Проведенный анализ по t-критерию Стьюдента показал, что различия по выраженным характеристикам между группами испытуемых являются значимыми и достоверными.

Маскулинность – $t_{эм}$ = 2,9, при $t_{кр}$ = 2,712 ($p \geq 0{,}01$).

Фемининность – $t_{эм}$ = 3,2, при $t_{кр}$ = 2,712 ($p \geq 0{,}01$).

По результатам исследования мы видим, что степень выраженности маскулинных характеристик выше у мужчин, чем у женщин. Это говорит о том, что у мужчин преобладают такие характеристики, как сила, аналитические способности, мужественность, склонность к риску, властность и т. д.

Степень выраженности фемининных характеристик выше у женщин, чем у мужчин. Это говорит о том, что у женщин преобладают женственность, умение уступать, нежность, умение сочувствовать, забота о людях и т. д.

Как мы видим по данным таблицы, у женщин и у мужчин присутствуют характеристики личности, не свойственные им. Это говорит о том, что и у женщин и у мужчин присутствует такое качество личности, как андрогиния, т. е. сочетание традиционно женских и мужских черт. Об этом нам свидетельствует полученный индекс IS. Мы предполагаем, что наличие андрогинных характеристик личности у мужчин и женщин связано с изменяющимися условиями жизни, которые диктуют свои правила и заставляют приспосабливаться к ним.

Как мы видим из таблицы, индекс у мужчин равен -0,52, у женщин – 0,89. Полученная величина индекса заключается в пределах от -1 до +1, что говорит о том, что присутствуют андрогинные характеристики, как у мужчин, так и у женщин. Наличие андрогинных характеристик у мужчин и женщин говорит об их способности изменять свое поведение в зависимости от ситуации, т. е. лучше адаптироваться в социуме. Андрогиния помогает формированию устойчивости к стрессам, способствует достижению успехов в различных сферах жизнедеятельности.

Для изучения защитных моделей супругов и их структуры нами был использован опросник «Реакции супругов на конфликт» А. С. Кочаряна [2] (таб. 2).

Таблица 2

Результаты исследования по опроснику «Реакции супругов на конфликт» (средние значения)

Испытуемые	Шкалы						
	НУ	Д	ПМ	ДМ	А	СТ	Ф
Мужчины	7,5	4,4	8	7	9	3	4
Женщины	8	8	6,8	8,4	7	4,2	4

Условные обозначения:

НУ – неконструктивные установки на брак,

Д – депрессия,

ПМ – протективные механизмы,

ДМ – дефензивные механизмы,

А – агрессия,

СТ – соматизация тревоги,

Ф – фиксация на психотравме.

Проведенный анализ по t-критерию Стьюдента показал, что существуют статистически значимые различия между группами по такой шкале, как «депрессия» ($t_{эм}$ = 2,06, при $p \leq 0,05$ и $p \leq 0,01$).

Статистически значимые различия, полученные по шкале «депрессия», говорят о том, что для женщин более свойственен, чем для мужчин, данный тип индивидуально-специфической защиты. То есть мы можем говорить о том, что женщины чаще, чем мужчины, уходят в себя, проявляют слабость, сниженный интерес к происходящему, безразличие к сложившейся ситуации, могут таким образом притормозить свои сильные эмоциональные всплески. Мы можем предположить, что данный тип защитных реакций больше свойственен женщинам, так как они более эмоциональны, чем мужчины.

По остальным шкалам значимых различий обнаружено не было, поэтому мы можем считать, что полученные результаты являются одинаково равными.

По шкале «неконструктивные установки на брак» мужчины набрали 7,5 баллов, а женщины – 8 баллов, что соответствует средним показателям. Это говорит о том, что диагностируются такие виды установок брачных партнеров, которые дезинтегрируют семейную структуру, препятствуют хорошему благоприятному состоянию в супружеских отношениях. В качестве таких неконструктивных установок могут быть

пессимизм, когда супруги замечают только негативные моменты брака, а позитивные стороны игнорируют, фатализм, когда супруги отказываются менять что-то потому что, как они считают, изменить уже ничего невозможно и т. д.

По шкале «протективных механизмов» мужчины получили 8 баллов, женщины – 6,8 баллов, что соответствует средним показателям. Это говорит о том, что в супружеских отношениях присутствуют такие типы защит, которые они используют при нежелании получать какую-то негативную информацию. В качестве таких защитных механизмов выступают вытеснение из сознания негативных событий («обычно я пытаюсь не думать о конфликте с женой, стараюсь не замечать ее»), отрицание информации, неприятной для супругов («мне часто говорят, что я неправильно понимаю своего супруга»).

По шкале «дефензивные механизмы» мужчины получили 7 баллов, женщины – 8,4 баллов, что соответствует средним значениям. Это говорит о том, что супруги используют такие виды защиты, при которых психотравмирующая информация допускается в сознание за счет ее искажения в свою пользу. В качестве таких механизмов защиты могут выступать рационализация («Вообще я не плохой человек, но жена не достойна хорошего отношения к себе»), интеллектуализация («меня многое интересует, я человек любознательный»).

По шкале «агрессия» мужчины получили 9 баллов, женщины – 7 баллов, что относится к средним значениям. Это говорит о том, что реакция супругов на конфликт может быть агрессивной и включает в себя физическую («порой я могу причинить душевную и физическую боль») и вербальную («временами мне так и хочется выругаться») агрессию.

По шкале «соматизация тревоги» мужчины набрали 3 балла, женщины – 4,2 балла, что соответствует низким значениям. Это говорит о том, что у обоих супругов в качестве реакции на конфликт достаточно редко бывают соматические

заболевания, т. е. они не используют головную боль или другие физические заболевания в качестве причины при возникновении конфликта.

По шкале «фиксация на психотравме» мужчины и женщины набрали одинаковое количество баллов, равное 4, что соответствует низким значениям. Это говорит о том, что у обоих супругов в качестве реакции на конфликт достаточно редко возникают воспоминания о причиненной ранее психотравме. В качестве примера может быть такое высказывание: «я могла бы простить обиду, нанесенную моим мужем, но не забыть ее».

Таким образом, у женщин более свойственной реакцией на конфликт, является уход от конфликта, снижение интереса или вовсе безразличие. И у мужчин и у женщин реакцией на конфликт является проявление основных механизмов защиты: отрицание, вытеснение, рационализация и интеллектуализация.

Таким образом, наша гипотеза о том, что у супругов с разной гендерной идентичностью реакции на конфликт будут отличаться, частично подтвердилась.

Библиографический список

1. Бендас, Т. В. Гендерная психология: учебное пособие / Т. В. Бендас. – СПб.: Питер, 2007. – 431с.
2. Лидерс, А. Г. Психологическое обследование семьи / А. Г. Лидерс. – М.: «Академия», 2006. – 432 с.

ГЕНДЕРНАЯ СТРАТЕГИЯ КАК ФАКТОР ДЕМОКРАТИЗАЦИИ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

Л. П. Окулова
Чайковский государственный институт физической культуры, г. Чайковский, Пермский край, Россия

Summary. Research of gender strategy and education system democratization.

Keywords: gender, gender analysis, gender approach, gender democracy.

Отправной точкой гендерной проблематики в образовании является восприятие учащимися, лицами с различными интересами, предварительным опытом, различными жизненными ситуациями, дальнейшей стратегии обучения, его сильных и слабых сторон. Гендерная теория с учетом Болонского процесса должна учитывать данные различия в плане содержания, методов обучения, дидактики. Поскольку практика показала, что существуют различия не только между мужчинами и женщинами, но и внутри этих групп, следовательно, не может быть никаких жестких правил гендерной теории, которая должна вписываться в любую ситуацию образования. Гендерное различие в социуме приводит к типичным отличиям интересов женщин и мужчин. При обучении это находит отражение в предлагаемых и избираемых областях исследования, а также при выборе примеров в обучении, в разработке учебных материалов, ответов преподавателя на конкретные вопросы обучаемых, с целью избежать явной или неявной оценки и сравнения мужчины и женщины. Все это показывает актуальность контента гендерной теории для работы, учебы и повседневной жизни и мониторинга различия точек зрения, которые должны структурировать категорию «гендер». Данный процесс включает междисциплинарные проекты, включающие различные методы и процессы обу-

чения, в том числе в виде монообразования в качестве элемента совместной образовательной деятельности мальчиков и девочек, особенно в высокоразвитой гендерной сегрегации. Совместные методы обучения лиц противоположного пола позволяют последовательно отследить происходящие положительные изменения в области коммуникации, взаимодействия при общении, поведении, предложений поддержки в обучении и повышения уверенности в собственных силах. Это позволяет избежать открытой или скрытой дискриминации по признаку пола в процессе обучения. Процесс демократизации гендерных отношений в области образования может легко согласовываться с текущей коммерциализацией государственного сектора [1].

Таким образом, гендерное образование окажется жизнеспособным и устойчивым в условиях реформы системы образования. Будет создано гендерное равенство шансов и рисков от слияния университетов в системе высшего образования.

Гендерные исследования в пяти различных областях деятельности и проведение гендерного анализа могут быть использованы в качестве инструмента по организационному развитию и консультированию в области образования: в управлении, развитии персонала и содействия молодым людям в области научных исследований, преподавания и исследований, в формировании социальной среды. Гендерный анализ исследует вопросы и степень интегрированности гендерных отношений в организации мышления и действий учебного заведения. Обсуждение гендерного равенства отражает знак качества в сфере образования.

Развитие гендерной демократии дает представление об исторических корнях системы образования, с одной стороны, и гендерных исследований – с другой стороны. Это определяет как возможности, так и потенциал для противоречия в процессе ее развертывания.

Концепция гендерной проблематики в эпоху реформ имеет опасность повторного построения гендерных различий

и стереотипов в системе образования и становится все более актуальным вопросом. На основе национального и международного опыта, с учетом государственной власти на всех уровнях, с привлечением социальных организаций, включением перспективных методов гендерологии других учебных заведений следует внедрять гендерную проблематику в текущий процесс реформы системы образования. Основное внимание должно уделяться в исследовании структурных реформ, аккредитации новых программ, степени и модернизации управления системой образования, так как гендер выступает как обязательный элемент академической реформы [2].

В контексте организационного развития системы образования, ее видения и стратегии, структуре, едином управлении, унификации средств управления и взаимосвязи необходимо разработать однородный подход по обеспечению гендерного равенства. Согласно этому принципу целесообразно реализовать следующие основные задачи:

1. Обеспечение равных гендерных возможностей как общей стратегии в системе «школа-вуз».
2. Разработка и внедрение сквозного гендерного подхода, включающего все сферы в системе «школа-вуз»: руководство, управление, обучение, исследования, непрерывное образование.
3. Сбалансированность соотношения полов среди обучающихся и педагогов.

Библиографический список

1. Азбука демократии: гендерное просвещение. Информационный вестник № 1. – М., 2000.
2. Хильдегард, Max. Учет гендерной проблематики и подготовка кадров как организационное развитие потенциала развития / Max. Хильдегард. Claudia Fahrenwald. – Leverkusen-Opladen, 2007. – С. 210.

ЗНАЧЕНИЕ ЭТНОПСИХОЛОГИЧЕСКОГО И ГЕНДЕРНОГО ФАКТОРОВ ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СТУДЕНТОВ В УСЛОВИЯХ ИНТЕГРАЦИИ В МИРОВУЮ СИСТЕМУ ОБРАЗОВАНИЯ

А. С. Берберян
Российско-Армянский (Славянский) государственный университет, г. Ереван, Республика Армения

Summary. This article deals with the study and development of ethnopsychological competence in the learning process for developing the effective communication skills in polycultural sphere. According to the results of the research, young and highly – educated people are more successful in adapting, and the most important factor here is the factor of communicative competence. Teaching intercultural communication is realized on the «Psychology and ethics of intercultural communication» classes. The atmosphere of studying, filled with a gender content creates the premises for educating the gender culture as a necessary source for broaderning the students' system of values.

Keywords: intercultural communication, learning process, gender, psychology and ethics of communication.

На рубеже второго и третьего тысячелетий становится все более очевидным, что человечество развивается по пути расширения взаимосвязи и взаимодействия различных стран народов и их культур. Этот феномен делает особенно актуальным вопрос о культурных различиях и культурной самобытности этноса. Радикальные изменения, происходящие во всех сферах общественно-политической и социально-экономической жизни Армении, имеют неоднозначные последствия для развития в XXI веке. В обществе формируется новый подход к образовательной системе и воспитанию студенческой молодежи, что предопределило поиск социально приемлемых и оптимальных форм самореализации лично-

сти. Процессы глобализации, создания единого экономико-политического и социо-культурного пространства затрагивают и систему высшего образования в Армении, что выражается в постепенном «включении» в Болонский процесс; во все углубляющемся научном сотрудничестве с Россией, в рамках договоров Российско-Армянского (Славянского) государственного университета с МГУ им. Ломоносова и другими ведущими вузами России; в интенсификации процесса обучения студентов и стажировки преподавателей за рубежом по различным образовательным программам; в бурном росте научных и культурных обменов и прямых контактов между индивидами и социальными институтами.

Однако жизнеспособность и эффективность единой системы высшего образования приобретается лишь при условии «правильного осознания и верной интерпретации своеобразия функционирования национально-психологических особенностей» [6], учета гендерных особенностей в процессе обучения. Сфера образования несет ответственность за понимание ментальных характеристик [2], добавим, и за формирование культуры межнационального общения, знание принципов межкультурной коммуникации и приобретение этнопсихологической компетентности и гендерной идентичности.

Многочисленные исследования психологических аспектов межнационального взаимодействия культур (Дж. Берри, Р. Брислин, Г. Триандис, Н. М. Лебедева, Т. Г. Стефаненко, Р. Редфилд и др.) свидетельствуют о том, что содержание и результаты многообразных межкультурных контактов зависят от способности их участников достигать согласия. Культура межнациональных отношений предполагает сложный процесс использования единого ряда специальных знаний и навыков, которые необходимо формировать [13]. Проблема полоролевой социализации студенческой молодежи в аспекте профессионального и личностного роста изучалась в работах К. А. Абульхановой-Славской, Е. Бондаревской, И. С. Якиманской, И. С. Клециной и др. Недооценка гендерного

фактора в системе высшего образования может привести к недостаточной эффективности современного образования, следовательно, отразится на качестве образования. В целях повышения эффективности межнационального общения необходимо в процессе учебной деятельности формировать у студентов специальные знания, умения и навыки, этнопсихологическую компетентность, а также гендерную идентичность через комплекс дисциплин теоретической и практической направленности, в частности: «Этнопсихология»», «Психологическая культура сервиса», разработанный нами учебный курс: «Психология и этика межкультурной коммуникации», тренинговые формы обучения, систему учебной и научно-исследовательской деятельности студентов.

В теоретической части дисциплины «Психология и этика межкультурной коммуникации» предполагается ознакомление с основными понятиями, такими, как межкультурная коммуникация, культура межнационального общения, адаптация, психологическая аккультурация, культурный шок, гендер как социокультурная характеристика личности.

Вместо термина «культурный шок» предлагается использование понятия «стресс аккультурации», который позволяет акцентировать внимание не только на негативном, но и положительном опыте оценки и преодоления отрицательных последствий. Динамика данного феномена хорошо просматривается в контексте так называемой «кривой процесса адаптации». В динамической социокультурной среде разнообразные впечатления о мире трансформируются в сознании человека в идеи, установки, стереотипы, которые становятся для него регуляторами поведения и общения. Особо изучаются мотивация, ожидания и жизненный опыт индивида, значение доконтактного опыта – знакомства с историей, условиями жизни в определенной среде как благоприятного фактора.

Изучение характеристик взаимодействующих культур позволяет выделить среди факторов, влияющих на преодоле-

ние культурного шока, культурную дистанцию, т. е. степень различий между родной культурой и той, к которой необходимо адаптироваться, а точнее, ощущение культурной дистанции, «социальную перцепцию культурной дистанции», ее субъективный образ [15]. При изучении универсального набора личностных характеристик в ряде черт: профессиональная компетентность, общительность, экстравертность, склонность к сотрудничеству, высокий самоконтроль и др. – эмпатию мы считаем наиважнейшим качеством. Использование эмпатического подхода, т. е. мысленного, интеллектуального и эмоционального проникновения во внутренний мир другого человека со стремлением понять проблемы культурных различий изнутри резко увеличивает вероятность того, что между партнерами возникнет понимание. В психологии – это метод подстройки, который заключается в том, что нужно подстроиться к партнеру через подражание его внешнему поведению (проникновение в быт, обычаи) [1].

Известно, что, описывая характер разных народов, специалисты большей частью ограничивались перечислением отдельных психических черт и особенностей. Например, описывая армян, исследователи отмечают общительность, дружелюбие, приверженность национальной культуре, традициям, гостеприимность, предприимчивость. Русским присуща открытость в общении, веселость, гостеприимность, находчивость, гражданская солидарность, способность находить выход из затруднительной ситуации. Такой подход оправдан и позволяет накопить полезный психологический материал о разных сторонах характера и поведения. Однако при исследовании такого сложного психологического явления, как характер, подобные описания ведут к односторонним представлениям о народе. Этнофункциональный подход, предполагающий «рассмотрение психики человека в качестве целостной системы этнофункционально согласованных или рассогласованных элементов» [12] позволяет более полноценно рассматривать элементы психики. В результате

адаптации человек приобретает сложную психологическую адаптационную систему, т. е. психический склад, в который включаются ценности и ценностные ориентации этноса, адаптивные стратегии. Нельзя игнорировать влияние среды обитания, реальной и воспринимаемой, на психический склад народа.

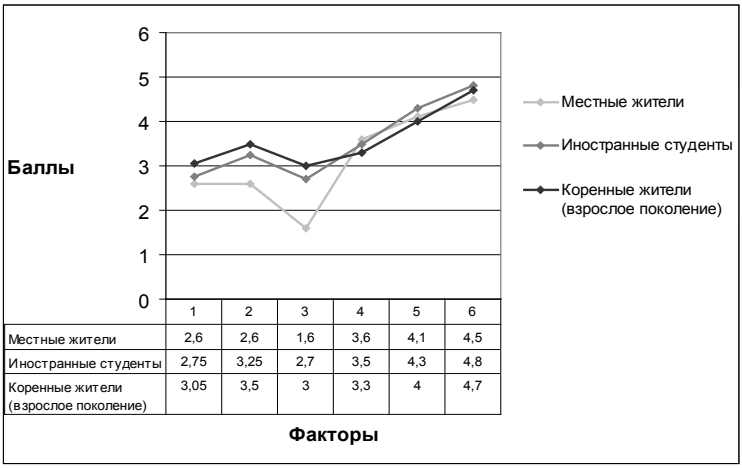
Необходимо также учитывать гендерный аспект, проявляющийся в различных стратегиях поведения. На занятиях уделяется внимание понятию «гендер» как социо-культурной характеристике личности, как совокупности ролей и как технологии предъявления себя в пространстве социального взаимодействия. Основная задача в изучении гендерной тематики заключается в идее утверждения прав и возможностей самореализации человека независимо от половой принадлежности. Особую роль играют такие базовые компетенции, как гуманистическая ориентированность, способность к критическому осмыслению своего личного опыта, готовность к непредвзятому социально-культурному диалогу.

Знания о межнациональной коммуникации настолько специфичны для каждой культуры, что теоретическая подготовка и повышение уровня культуры взаимодействия должны быть связаны, на наш взгляд, с конкретными знаниями и подкреплены результатами исследований характеристик, свойственных определённому этносу, сквозь призму ценностей которой просматривается весь спектр межкультурных взаимодействий. Во время практических занятий мы обсуждаем результаты собственных исследований.

Исследование было проведено на выборке испытуемых, составленной из коренных жителей и иностранцев. Мы выделили 3 группы участников: местных студентов (58 человек), иностранных студентов (22 человек) и коренных жителей среднего возраста (36 человек) (общее число респондентов составило 116 человек). Для исследования мы использовали специально разработанную анкету, выявляющую позитивные факторы адаптации в инородной среде, разработан-

ный нами опросник и методику диагностики социально-психологической адаптации К. Роджерса и Р. Даймонда [11], выявляющую индивидуально-психологические свойства личности при адаптации. Отдельное исследование было проведено по опроснику С. Бэм, определяющему фемининный / маскулинный тип личности студентов. Оценка результатов проводилась в баллах и процентных показателях, причем показатели мы обобщили и дифференцировали по группам в зависимости от задач исследования.

Выборка респондентов трех исследуемых групп уравновешена по показателю пола: в среднем количество мужчин составило 48 %, женщин – 52 %.



	1	2	3	4	5	6
Местные жители	2,6	2,6	1,6	3,6	4,1	4,5
Иностранные студенты	2,75	3,25	2,7	3,5	4,3	4,8
Коренные жители (взрослое поколение)	3,05	3,5	3	3,3	4	4,7

Рис. 1. Факторы адаптации

Условные обозначения:

1. Возраст.
2. Пол.
3. Образование.
4. Профессиональный опыт.

5. Знание языка.
6. Коммуникативные умения.

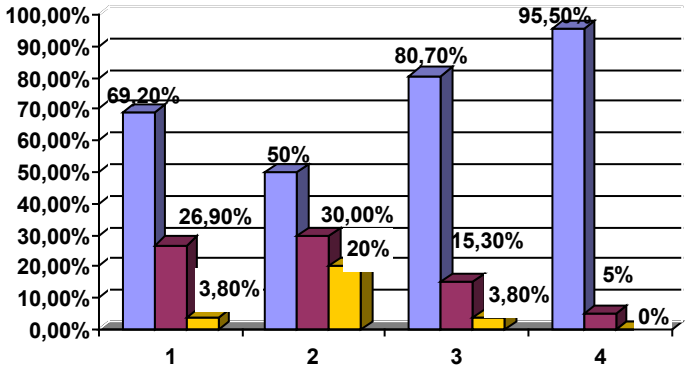


Рис. 2. Факторы, способствующие адаптации личности характеристики всех респондентов)

Условные обозначения:

1. Возрастные особенности
- **Юношество**
- **Зрелость**
- **Пожилой возраст**

2. Пол
- **Женский**
- **Мужской**
- **Не имеет значения**

3. Образование
- **Высшее**
- **Среднее**
- **Отсутствует**

4. Знание языка
- **Хорошее**
- **Со словарём**
- **Незнание**

Дифференцированный расчет и соотношение 3-х характеристик некоторых значимых факторов адаптации представлены на рисунке № 2 в диапазоне 100 %-го показателя, безотносительно к выраженности фактора в системе.

Итак, мы видим, что для всех респондентов владение коммуникативными умениями являются наиболее важным фактором при адаптации. Далее, по значимости, позитивные факторы при адаптации: хорошее знание языка, высшее образование, юношеский возраст, принадлежность к женскому полу.

Таблица № 1

Результаты диагностики социально-психологической адаптации

№	Показатели	Средние показатели, %				
		Студенты мужского пола	Студенты женского пола	Женщины среднего возраста	Мужчины среднего возраста	Общее
1	Адаптация	65,3	70,4	64,6	58	65,9
2	Самоприятие	81,5	77	80,1	73,2	79,1
3	Принятие других	64,6	71,4	67,2	60,7	67,2
4	Эмоциональная комфортность	61,6	66,8	60,1	51,8	61,6
5	Интернальность	71,2	68,1	62,9	73,2	69,9
6	Стремление к доминированию	60,1	51,8	60,6	63,8	60,6
7	Эскапизм	16	15,9	16,1	17,5	15

Сравнивая результаты, мы выявили, что более высокая адаптивность свойственна студентам, в особенности, представителям женского пола. Этот показатель коррелирует с наиболее высокими характеристиками принятия других

и эмоциональной комфортности и низкими показателями стремления к доминированию и эскапизма.

К внутренним факторам адаптации относят также жизненный опыт человека. Иногда опыт новой культуры является неприятным или шоковым потому, что он может привести к негативной оценке чужой культуры. Так, не секрет, что в развитых странах человек, занимающий невысокое социальное положение, материально живет лучше, чем человек с высоким статусом в Армении. Однако в моральном плане армяне, живущие за рубежом, испытывают чувство ностальгии, тоски, неполноценности. Многие отмечают, что дома, в Армении, они достигли бы большего, ведь на фоне относительно высокого материального уровня мигранты, в том числе студенты, ощущают себя второсортными (по результатам опроса в этом признались 72 % армян, в том числе 23 % студентов).

При изучении взаимосвязи ожиданий людей, оказавшихся в инокультурной среде, и успешности их адаптации получены противоречивые результаты. Некоторые исследователи поддерживают идею прямой зависимости адаптации от ожиданий. Другие уверены, что ожидания, включающие определенные знания о возможных проблемах, благотворно влияют на адаптацию [3]. В нашем исследовании преобладающее большинство респондентов (78 %) высказываются в пользу реализма ожиданий, их соответствия реальному опыту пребывания в инокультурной среде.

Немаловажное значение имеют мотивы к адаптации. Высока мотивация у студентов, у которых наличие образовательных целей усиливает стремление адаптироваться как можно быстрее и полнее. Однако позитивный настрой к обучению в конкретной стране, фактор доверия к источнику информации [14], мотивация к адаптации в большинстве случаев повышает восприимчивость к изменениям и увеличивает возможность стать полноправным членом новой культуры.

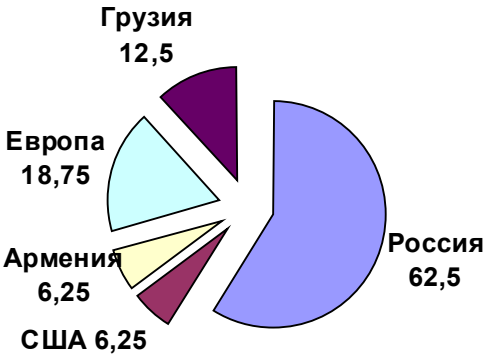


Рис. 3. Страны, где легко адаптируются взрослые

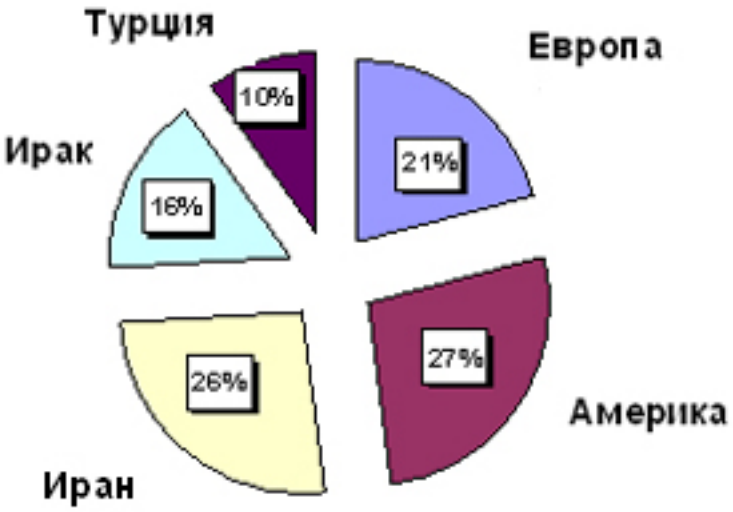


Рис. 4. Страны, где легко адаптируются иностранные студенты

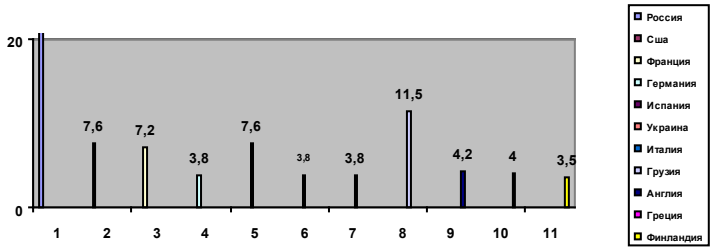


Рис. 5. Страны, где легко адаптируются местные студенты

Иностранные студенты в Армении – выходцы, в основном, из Восточных стран (Иран, Ирак), поэтому процесс адаптации связывается с данными странами. Как мы и предполагали, наиболее легко студенты и взрослые из Армении

адаптируются в России, при этом просматривается положительная корреляция с фактором коммуникативных умений и знанием языка. Результаты опроса выявили позитивный настрой по отношению к русским: 48 % студентов и 73 % взрослых признали русских «своими» и назвали русских как самых близких по духу (80 % респондентов).

В процессе обучения с целью формирования культуры межнационального взаимодействия использовались социально-коммуникативные тренинги, сценарные и ролевые игры, задания с этическими дилеммами, культурный ассимилятор, выявляющий этнические и гендерные стереотипы. Сравнительный анализ показателей реализации гендерно – обусловленных стратегий разных гендерных типов личности экспериментальной и контрольной групп обнаружил позитивную качественно-количественную динамику в условиях учета гендерного подхода. Результаты отражены в таблице 2.

Таблица 2.

Реализация личностных стратегий фемининного/маскулинного типа личности при адаптации с учетом гендерного фактора, (%)

Уровни	Маскулинный тип			Фемининный тип		
	Экспериментальная группа I этап	Экспериментальная группа II этап	Контрольная группа	Экспериментальная группа I этап	Экспериментальная группа II этап	Контрольная группа
Высокий	27	18	31	31	24	42
Средний	54	51	48	49	48	31
Низкий	28	31	21	20	28	27

Партнерская модель отношений между гендерными группами должна стать основной, а эгалитарные представления, отражающие равенство полов (т. е. отсутствие иерархич-

ности статусной дифференциации ролей мужчин и женщин) должны разделяться всеми участниками [5]. Согласно Гофману, гендерная составляющая субъективности формируется в коммуникации, межличностном общении [3].

На наш взгляд, обоснована более высокая эффективность и результативность фемининных (женских) стратегий миграционного поведения. Это связано с тем, что женщины, используя особые гендерные стратегии, менее болезненно реагируют на смену обстановки, изменение окружающей среды, испытывают большее удовлетворение от результатов адаптации, более коммуникабельны.

Юношеский (студенческий) возраст является решающим периодом развития самосознания, его упрочения и закрепления [9]. Как видно из результатов исследования, молодёжь более адаптивна и менее подвержена воздействию внешней среды, чем люди старшего поколения.

1. Итак, теоретическое изучение характеристик межкультурной коммуникации не дает целостного представления о культуре межнационального общения, целенаправленное изучение и развитие этнопсихологической компетентности в процессе учебной деятельности позволит приобрести знания, выработать навыки и умения эффективного общения в поликультурной среде.

2. Как показали результаты исследования, успешнее адаптируются молодые, высокообразованные люди, самым важным фактором при адаптации оказывается фактор коммуникативных умений, что говорит в пользу необходимости обучения межкультурной коммуникации и важности внедрения в учебный процесс курса «Психология и этика межкультурной коммуникации».

3. Опыт межкультурной коммуникации с гендерным аспектом, полученный на тренинговых занятиях, в некоторой степени гарантировал перенос навыков подобного рода общения на ближайшее окружение студентов в виде заинтересованного отношения к иным взглядам и нормам гендерной

культуры. Апробированные технологии обучения, наиболее приемлемы с точки зрения учета гендерных и этнических особенностей, не ограничивающих развитие и саморазвитие личности с приоритетом духовных ценностей, а в контексте нашего исследования решающих вопросы успешной межкультурной коммуникации. Учебная среда, наполненная гендерным содержанием, создает предпосылки для воспитания гендерной культуры и толерантности как необходимых источников расширения ценностной картины мира студентов. В процессе межкультурной коммуникации гендерная идентификация выступает как существенный образовательный ресурс, имеющий потенциал конструктивной стратегии при адаптации.

РАУ, как межгосударственный вуз, является оптимальной моделью эффективного взаимодействия двух культур: армянской и российской, как в плане содержания учебных программ (учет требований российских стандартов и обязательного регионального компонента), форм обучения (язык обучения – русский), так и направлений научных исследований, сопоставительного аспекта в любой сфере профессиональной деятельности. Реализуемый как межкультурный проект, РАУ, при инициативной поддержке ректора, является воплощением политики интегративных процессов на конкретном поле общего образовательного пространства.

Участие вузов в интегративных процессах мирового масштаба позволяет не только обогащать других или самим обогащаться знаниями и профессиональным опытом, но и лучше понимать собственную культуру и традиции. Глобальный итог – способность жить в постоянно меняющемся мире, в котором всё меньшее значение имеют границы между странами и всё более важными становятся непосредственные контакты между людьми.

Библиографический список

1. Берберян, А. С. Эмпатия как основополагающий метод изучения этнопсихологических особенностей представителей различных культур в процессе межкультурной коммуникации / А. С. Берберян // Этнопсихологические и социокультурные процессы в современном обществе. – Балашов, 2005.
2. Гершунский, Б. С. Менталитет и образование / Б. С. Гершунский. – М., 1996.
3. Гофман, И. Гендерный дисплей / И. Гофман // Введение в гендерные исследования: хрестоматия. – Харьков, 2001. – Ч. 2. – 991с.
4. Ким, Я. Ю. Коммуникация и кросскультурная адаптация / Я. Ю. Ким. – М., 2000.
5. Клецина, И. С. Компетентностный подход и гендерное образование в высшей школе / И. С. Клецина // Актуальные вопросы современного университетского образования: материалы научно-практической конференции. – СПб., 2005. – С. 103–109.
6. Крысько, В. Г. Этническая психология / В. Г. Крысько. – М., 2004.
7. Овчинникова, Т. Е. Гендерный подход в обучении студентов университета иностранным языкам: автореферат дисс. на соискание уч. степени канд. пед. н./ Т. Е. Овчинникова. – Оренбург, 2007.
8. Смирнов, С. Д. Педагогика и психология высшего образования / С. Д. Смирнов. – М., 2003.
9. Солдатова, Г. У. Психологическая помощь мигрантам: травма, смена культур, кризис идентичности / Г. У. Солдатова. – М., 2002.
10. Стефаненко, Т. Г. Этнопсихология / Т. Г. Стефаненко. – М., 2003.
11. Столяренко, Л. Д. Основы психологии: практикум / Л. Д. Столяренко. – М. 1999.
12. Сухарев, А. В. Этнофункциональный подход к проблемам психического развития человека / А. В. Сухарев // Вопросы психологии. – М. – 2002. – № 2.

13. Хотинец, Ю. В. Формирование этнического самосознания студентов в процессе обучения в вузе / Ю. В. Хотинец // Вопросы психологии. – М. – 1998. – № 3.
14. Albert, R. D. Intercultural sensitizer or culture assimilator. A cognitive approach / R. D. Albert // Handbook of intercultural training. – Vol. 2. – N.- Y. –1983.
15. Berry, J. W. Immigration, acculturation and adaptation / J. W. Berry. – 1997.
16. Blawuk, D. P. S. Cross-cultural training. A review / D. P. S. Blawuk, R. W. Brislin //Applied Psychology. An international reviw, 2000. – Vol. 49.
17. Triandis, H. C. Cross-cultural psychology / H. C. Triandis //Asian Journal of Social Psychology. – 1999.

ИЗУЧЕНИЕ ГЕНДЕРНЫХ РАЗЛИЧИЙ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ВЫБОРЕ СТАРШЕКЛАССНИКОВ

Н. Д. Сидорова
Академия МНЭПУ, г. Пенза, Россия

Summary. The article tells about results of empirical research of a professional choice of senior pupils. Some distinctions between young men and girls are revealed.
Keywords: professional interests, propensities, motives.

Выбор профессии – один из главных жизненных выборов, совершаемых человеком в юном возрасте, так как, выбирая профессию, он выбирает образ жизни. В разное время проблема профессионального самоопределения в нашей стране то находилась в тени, то выдвигалась на первый план.

В 90-е годы нашего века, когда государство, поставленное в новые условия, входило в рынок, молодой человек в среде профессионального самоопределения оказался предоставленным самому себе. Во многих случаях родительский

пример перестал быть убедительным, а общественные запросы стали расплывчатыми и неясными.

Усугубило ситуацию катастрофическое падение престижа многих общественно значимых профессий. Для многих молодых людей на первый план выступили не всегда адекватные реальности прагматические соображения, а также спонтанно-эмоциональный выбор по мотивам престижности.

Печальные результаты этой ситуации «перепроизводство» специалистов в таких казалось бы, доходных и престижных областях, как экономика и юриспруденция.

Особенности переживаемого в России периода характеризуются еще и тем, что прежние ценности нравственной ориентации во многом не соответствуют реальной жизни, а новые еще не сформировались. В то же время в последующий период произошли и положительные изменения, влияющие на профессиональное самоопределение молодых людей - прежде всего это общая демократизация и гуманизация общественной жизни, в том числе и образовательной системы. Введена предпрофильная и профильная подготовка учащихся. В школах выделены часы на проф ориентанционную работу.

Таким образом, проблема профессионального выбора в изменившемся обществе становится одной из актуальных не только для психологии, но и для всех гуманитарных направлений. Поэтому представляют интерес различные аспекты данной проблемы, в этом числе и гендерные различия в профессиональном выборе учащихся старших классов.

Целью нашего исследования явилось изучение гендерных различий в профессиональном выборе учащихся старших классов.

Методиками данного исследования явились:

- Опросник определения основных мотивов выбора профессии (авт. Е. М. Павлютенков);
- Тест-опросник для изучения склонностей (авт. Л. Йовайша);

- Методика «Профессиональная готовность» (авт. А. П. Чернявская);
- Анкета изучения личностных профессиональных планов (авт. Н. С. Пряжников);
- Карта интересов (модифицированный вариант).

Исследование проводилось на базе МОУ гимназия «САН» г. Пензы. В исследовании принимали участие 20 девушек и 20 юношей, учащиеся 10 классов.

Проанализируем полученные результаты. Достоверные статистически значимые различия между группами получены по следующим сферам: сфера технических интересов, сфера искусства, сфера работы с людьми и сфера физического труда.

Наиболее выраженные различия в склонностях юношей и девушек отмечаются в сфере технических интересов. Более высокий средний показатель отмечается в группе юношей, что свидетельствует о том, что они имеют профессиональные предпочтения, связанные с техническими интересами. Эти результаты согласуются с многочисленными литературными данными, указывающими на то, что начиная с детского возраста мальчики проявляют больше интерес к предметам, активным играм, преобразующим видам деятельности, а в более старшем возрасте юноши отдают предпочтение профессиям, связанным с техникой [1].

Также было обнаружено, что юноши имеют более высокий показатель склонностей к профессиям, связанным со сферой физического труда. Наличие таких склонностей у юношей объясняется тем, что, по многочисленным данным, они превосходят женщин по уровню физической силы, работоспособности, выносливости.

У девушек отмечается более высокий показатель склонностей к сфере искусства, а также сфере, связанной с общением с людьми. Наличие таких склонностей у девушек также подтверждается данными исследований, свидетельствующими о выраженных ориентациях девушек на профессии сферы

«человек – человек» и «человек – художественный образ». Как отмечает Л. А. Головей, такие профессиональные предпочтения девушек являются проявлением их социальной ориентации и выраженных социальных интересов. Она также отмечает, что половая дифференциация интересов закладывается с детства и продолжается на протяжении многих возрастных периодов [1].

Таким образом, изучение склонностей учащихся к различным профессиональным сферам показало, что юноши и девушки имеют ярко выраженные различия в профессиональных предпочтениях и эти предпочтения согласуются с их гендерными ролями.

Для изучения познавательных и профессиональных интересов юношей и девушек была использована Карта интересов.

Мы обнаружили, что юноши статистически достоверно отличаются от девушек большей выраженностью познавательных интересов к таким предметам, как физика, математика, химия, география. Преобладание у юношей познавательных интересов к точным наукам объясняется тем, что, по данным многочисленных исследований, мужчины, по сравнению с женщинами, имеют более развитые математические способности [1]. Также, по данным исследований, у юношей отмечаются более выраженные, по сравнению с девушками, учебно-познавательные интересы к предметам естественно-научного цикла [1].

Девушки статистически достоверно отличаются от юношей большей выраженностью таких познавательных интересов к таким предметам как философия и журналистика, искусство. Таким образом, девушки отдают предпочтение предметам гуманитарного цикла. Такая направленность интересов девушек объясняется многими исследователями более развитыми вербальными способностями женщин. Литературные данные также свидетельствуют, что интерес к различным учебным предметам юношей и девушек является

различным в силу их природных различий в направленности на восприятие и познание окружающего мира [1].

Также установлены различия в профессиональных интересах, т. е. интересах к различным видам деятельности юношей и девушек. По нашим данным, юношей привлекают виды деятельности, связанные с техникой, военные специальности, а также профессии, связанные со спортом. Такая профессиональная направленность юношей объясняется их природной склонностью к активной, преобразующей деятельности, а также более развитыми, по сравнению с женщинами, техническими способностями [1].

У девушек наиболее выражены профессиональные интересы к педагогике и сфере обслуживания. Данные многочисленных исследований также показывают, что женщин всегда привлекали профессии, связанные с воспитанием и оказанием помощи другим людям [1]. Такая направленность интересов женщин вытекает из их большей, по сравнению с мужчинами, эмпатийности, общительности, альтруистичности, т. е. традиционно феминных качеств. Интерес девушек к профессиям сферы обслуживания объясняется тем, что деятельность в этой сфере дает возможность удовлетворить более выраженную у женщин потребность в контактах с другими людьми. Таким образом, полученные результаты свидетельствуют о наличии ярко выраженных гендерных различий в учебно-познавательных и профессиональных интересах старшеклассников. Совершенно очевидно, что эти различия в интересах могут обусловливать и различия в профессиональных намерениях и планах юношей и девушек.

Для изучения гендерных различий в мотивации выбора профессии был использован опросник Е. М. Павлютенкова.

Рассмотрим полученные результаты. Существуют статистически значимые различия между юношами и девушками по познавательным мотивам, социальным мотивам и материальным мотивам.

Наиболее значимые различия получены по познавательным мотивам. Более высокая выраженность этого показателя отмечается у девушек. Это говорит о том, что они больше, чем юноши руководствуются при выборе профессии познавательными интересами. Это может быть связано с тем, что профессиональное самоопределение девушек характеризуется эмоциональностью, и поэтому на их профессиональные планы большое влияние оказывает именно интерес как позитивное, эмоционально окрашенное отношение к профессиональной деятельности [4]. Также девушки отличаются от юношей большей выраженностью социальных мотивов профессионального выбора. Это связано с тем, что девушки стремятся реализовать в своем профессиональном выборе присущую им социальную направленность. Этот результат согласуется с данными, полученными в исследованиях Л. А. Головей [1]. Она установила, что ведущими факторами выбора профессии у девушек является стремление к контактам с другими людьми в процессе труда.

Статистически значимые различия между группами отмечаются по материальным мотивам. Более высокий показатель по данным мотивам наблюдается у юношей. Это свидетельствует о том, что юноши ориентируются в своем выборе на профессии, дающие высокий уровень материального благополучия. Этот факт может быть связан с тем, что профессиональное самоопределение юноши всегда включено в русло общей жизненной перспективы [2], и поэтому юноши, планируя свое будущее, включают в него не только перспективу построения профессиональной карьеры, но и создание семьи. А материальное благополучие семьи, согласно тендерным стереотипам, обеспечивается мужчиной. Поэтому юноши предпочитают выбирать такие профессии, которые могут в будущем обеспечить материальную стабильность семьи. Меньшая материальная заинтересованность девушек в профессиональном выборе объясняется тем, что они придают большее значение другим факторам труда, а именно

общению с людьми, содержанию профессиональной деятельности и т. д.

Также были обнаружены различия, приближающиеся к статистически достоверным, по творческим мотивам профессионального выбора. Более высокая выраженность этого показателя у юношей. Соответственно, юноши больше, чем девушки, ориентируются на творческий характер труда в будущей профессии. По-видимому, это можно объяснить тем, что на профессиональное самоопределение юношей большое влияние оказывают интеллектуальные характеристики (комбинаторные способности, невербальный интеллект) [1]. Именно эти интеллектуальные способности связаны с креативностью, творческим потенциалом человека.

В отношении других мотивов статистически значимых различий между юношами и девушками не было обнаружено. Соответственно, как юноши, так и девушки в одинаковой степени руководствуются при выборе профессии утилитарными, престижными, моральными, эстетическими мотивами, а также мотивами, связанными с содержанием труда.

Итак, изучение мотивов выбора профессии установило наличие существенных различий в мотивации профессионального выбора юношей и девушек. Девушки больше руководствуются социальной и познавательной мотивацией, юноши – материальными и творческими мотивами.

Для изучения психологической готовности к профессиональному выбору юношей и девушек нами была использована методика А. П. Чернявской «Психологическая готовность».

Проанализируем полученные результаты. Обнаружены статистически значимые различия между группами по таким компонентам психологической готовности, как: «Принятие решения», «Планирование», «Автономность», «Информированность».

Наиболее существенные различия отмечаются по такому компоненту психологической готовности как «Принятие решения». Большая выраженность данного компонента у

юношей свидетельствует о том, что у них больше, чем у девушек развито умение самостоятельно принимать решения. По мнению Е. А. Климова, это умение является самым важным в профессиональном самоопределении, т. к. сама ситуация профессионального выбора является очень сложной и требует от человека определенной самостоятельности и решительности [3]. На наш взгляд, большее развитие умения принимать решение у юношей, по сравнению с девушками, может быть связано с большей рациональностью юношей, а также влиянием на их профессиональное самоопределение волевых качеств (самоконтроль, саморегуляция). Также выраженные статистические значимые различия отмечаются по такому компоненту психологической готовности, как «Планирование». Как показывают результаты, юноши в отличие от девушек, более склонны планировать свое будущее на длительную перспективу. Этот результат согласуется с данными Л. А. Головей [1], установившей, что юноши планируют не только выбор профессии, но и последовательность других событий своих будущих жизненных достижений (профессиональная карьера, создание семьи, приобретение собственной квартиры и т. д.), т.е. их планирование носит дифференцированный и долгосрочный характер. Профессиональное самоопределение девушек характеризуется большей ситуативностью и ориентацией на ближайшую перспективу [1].

Юноши также отличаются от девушек более высоким показателем такого компонента психологической готовности как «Автономность». Это характеризует юношей как более самостоятельных и независимых в принятии решения о выборе профессии. Этот результат, по-видимому, можно связать с тем, что юноши в этом возрасте уже больше, чем девушки, осознают свою самодостаточность и больше стремятся к автономии и независимости от родителей, педагогов. Девушки в силу большей ориентации на семью и ближайшее социальное окружение подвержены их влиянию на свой профессиональный выбор.

Были также обнаружены статистически значимые различия между юношами и девушками по такому компоненту, как «Информированность". Большее значение этого показателя у юношей свидетельствует о том, что они более информированы в профессиональном выборе по сравнению с девушками. Юноши имеют больше знаний о мире профессий, рынке труда, наиболее востребованных профессиях. Этот результат можно объяснить тем, что юноши ориентируются на получение информации из различных источников, поэтому они получают большой объем информации о профессиях и она более разнообразна и комплексна. Девушки в основном ориентируются на информацию, которую они получают от референтных групп (родители, друзья).

По такому показателю психологической готовности, как «Эмоциональное отношение к профессии» статистически значимых различий между группами не отмечается. Это позволяет констатировать, что и юноши и девушки характеризуются одинаковой эмоциональной включенностью в процесс профессионального выбора.

Итак, изучение психологической готовности старшеклассников к выбору профессии позволило установить наличие следующих гендерных различий. Юноши характеризуются, по сравнению с девушками, более выраженными умениями к планированию, прогнозированию будущего на длительную перспективу, умениями самостоятельно принимать решения, а также большей информированностью о профессиях. Девушки, в силу их большей эмоциональности и социальной ориентированности, характеризуются меньшей независимостью и самостоятельностью в планировании своего профессионального будущего.

Для изучения личных профессиональных планов учащихся была проведена анкета Н. С. Пряжникова.

По результатам ответов на вопрос № 1, 70 % юношей и 85 % девушек планируют после окончания школы продолжить образование в вузе, 30 % юношей хотят совмещать ра-

боту с учебой, 10 % девушек еще не определились со своим профессиональным выбором. 60 % юношей и 80 % девушек считают, что для реализации профессиональных планов им необходимы определенные знания и умения, 20 % юношей и 10 % девушек считают, что для этого им нужно формировать у себя определенные качества, имеющие отношение к труду, и 10 % и юношей и девушек считают, что должны развивать у себя качества, которые необходимы для избранной профессии. Отвечая на вопрос № 6 о необходимости подготовки к избранной профессии, 40 % юношей и 85 % девушек связывают свою подготовку с дополнительным приобретением знаний, необходимых для поступления в вуз, 45 % юношей и 10 % девушек уже стремятся развивать у себя качества, важные для их будущей профессиональной деятельности. Эти ответы свидетельствуют о том, что юноши более конкретно и целенаправленно готовят себя к будущей профессии, а девушки больше ориентируются на общеобразовательную подготовку. Отвечая на вопрос № 8, 90 % девушек и 60 % юношей отметили, что они уже знают, в каких учебных заведениях можно получить подготовку по выбранной профессии. Отвечая на вопрос № 7, 70 % девушек и 25 % юношей указали, что расширяют свои знания о будущей профессии на факультативных занятиях, в школе 30 % и юношей и девушек дополняют знания о будущей профессии в кружках, 20 % юношей пополняют знания о профессии во внешкольных учреждениях. Анализ ответов на вопрос № 9 анкеты показал, что 55 % юношей и 35 % девушек удовлетворяют свой интерес к избранной профессии чтением специальной литературы, 30 % юношей и 35 % девушек углубляют свое представление о профессии на основе научно-популярной литературы и 15 % юношей и 30 % девушек на основе художественной литературы.

Анализ ответов учащихся на вопрос № 10 анкеты показал, что, выбирая профессию, 80 % девушек советовались с родителями и родственниками, 10 % – с учителями, 10 % – со сверстниками. В отличие от девушек, 50 % юношей считают

наиболее ценным для будущего профессионального выбора общение со специалистами, знающими профессию, 30 % юношей общались по поводу будущей профессии с родителями, 10 % со сверстниками. Отвечая на вопрос № 15 анкеты, 70 % девушек и 40 % юношей указали, что на их профессиональный выбор повлияли родители, 30 % юношей и 5 % девушек отметили влияние СМИ, 20% юношей и 5 % девушек выделили влияние сверстников на свой профессиональный выбор и 20 % девушек и 10 % юношей влияние учителей. Эти результаты наглядно свидетельствуют, что на профессиональный выбор девушек наибольшее влияние оказывает семья и ближайшее социальное окружение, в то время как на профессиональный выбор юношей, оказывают влияние более разнообразные факторы. Анализ ответов учащихся на вопрос № 16 показывает, что, выбирая профессию, 45 % юношей и 60 % девушек ориентировались на престижность профессии, 35 % юношей и 30 % девушек на хорошую оплату труда, 20 % юношей и 10 % девушек на интересную и содержательную деятельность. Эти данные свидетельствуют о том, что у юношей и у девушек доминирует престижно-материальная ориентация в профессиональном выборе. Данный факт отражает некоторые общие тенденции в профессиональных предпочтениях современных молодых людей. Отвечая на вопрос № 17 анкеты, 45 % юношей и 25 % девушек считают, что для того, чтобы стать хорошим специалистом, нужно поработать по выбранной профессии, 30 % юношей и девушек указывают, что нужно поработать на производстве, и 25 % юношей и 45 % девушек отмечают необходимость получения высшего образования. Эти данные свидетельствуют, что большинство юношей и девушек связывают свое утверждение в профессии с необходимостью практической деятельности в ней.

Анализ ответов на вопрос № 24 анкеты об интересах и склонностях показал, что 40 % юношей имеют интерес к технике, 25 % к науке, 15 % юношей проявляют гуманитарные интересы. Большинство девушек (65 %) имеют гуманитарные

интересы, 20 % интересуются искусством, 10 % проявляют интерес к науке, 5 % девушек имеют естественно-научные интересы. Эти результаты еще раз подтверждают, что у юношей преобладают технические и научные, интересы, у девушек – гуманитарные интересы.

Итак, анализ ответов учащихся на вопросы анкеты позволяет нам утверждать, что профессиональные планы юношей и девушек имеют следующие особенности.

В своих профессиональных планах юноши ориентируются на получение профессий, связанных, с получением высшего образования, в основном, технономической направленности. Выбирая профессию, они ориентируются на различные источники информации, проводят подготовку по избранной профессии: читают специальную литературу, развивают необходимые профессиональные качества. В целом их подготовка к профессии носит узкоконкретный характер. Девушки также уже определились с выбором профессии, в основном это социономические профессии. Выбирая профессию, они в основном ориентировались на мнение родителей. Их подготовка к выбранной профессии носит общеобразовательный характер, т. е. они приобретают дополнительные знания, необходимые для поступления в вуз. Девушки развивают у себя в основном общие трудовые качества (трудолюбие, настойчивость и т. д.).

Таким образом, характер личных профессиональных планов юношей и девушек в определенной мере отражает влияние гендера на профессиональное самоопределение старшеклассников. Данный вывод свидетельствует в пользу гипотезы нашего исследования.

Библиографический список

1. Ильин, Е. А. Дифференциальная психофизиология мужчины и женщины / Е. А. Ильин. – СПб.: Питер, 2007. – 544 с.

2. Климов, Е. А. Психолого-педагогические проблемы профессиональной консультации / Е. А. Ильин. – М.: Знание, сер. «Педагогика и психология», 1983. – № 2. – 95 с.
3. Климов, Е. А. Как выбрать профессию / Е. А. Ильин. – М.: Просвещение, 1990. – 159 с.
4. Йовайши, Л. А. Проблемы профессиональной ориентации школьников / Л. А. Йовайши. – М.: Педагогика, 1983. – 128 с.

ГЕНДЕРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ ВТНЗ

Н. В. Руденко
Харьковский национальный автомобильно-дорожный университет, г. Харьков, Украина

Summary. In the article lecturers and students gender relationships are studied in the technical institutes of higher education. The male lectures attitude to female students has been examined.
Keywords: gender relationships, female students, male lectures.

Существующие в обществе гендерные отношения являются отображением гендерного сознания в нем, важным фактором формирования которого есть система образования. Одной из важных функций этого социального института есть передача и распространение знаний, системы норм и ценностей общественной жизни. Важность влияния на гендерное сознание участников учебно-воспитательного процесса ВТНЗ предопределяется тем, что студенческий возраст является тем возрастом, когда продлевается формирование мировоззрения молодежи, системы ценностей студенчества. Поэтому в контексте актуальности гендерных преобразований, чрезвычайной важности приобретает проблема гендерного сознания тех, кто непосредственно работает с молодежью, т.е. преподавателей. Эта проблема актуальна и потому, что преподаватели, особенно те, кто работает в системе высше-

го технического образования уже долгое время, в подавляющем большинстве, имеют преимущественно традиционное гендерное сознание, в основе которого заложены убеждение патриархального характера. Многочисленные беседы со студентками дают основания утверждать, что гендерное сознание преподавателей проявляется иногда негативно в учебно-воспитательном процессе ВТНЗ. Чаще всего студентки, которые учатся на «мужских» факультетах, указывают на предубежденное отношение к ним преподавателей-мужчин. Такое отношение проявляется в том, что преподаватели с недоверием воспринимают уровень знаний девушек, указывают на то, что технические специальности не для них, иногда более лояльно оценивают девушек на экзаменах исходя из того, что им эти знания не потребуются в будущем. И хотя количество девушек на таких технических специальностях постепенно увеличивается, они, как и раньше, продолжают ощущать давление предубежденности. Такая позиция основывается на том, что возможное недалекое замужество девушек поставит точку на их профессиональной карьере, а студентам необходимо делать карьеру, так как в будущем они будут «кормильцами» семей. И вдобавок, из собственного опыта можем сказать, что преподаватели чаще всего про «гендер» слышат в словосочетании «гендерное равенство». А дальше возникает, приблизительно следующая логическая цепочка: гендерное равенство – равенство между мужчинами и женщинами – снова эти феминистки! Все это является свидетельством того, что на уровне массового сознания в обществе властвуют идеи, которые имеют, как продолжительное историко-философское основание, так и идеологию, которая предопределяла отношение к женщинам в советские времена. В исследованиях этой проблемы было выявлено, что профессиональная направленность студентов мужского и женского пола влияет на характер гендерных отношений, которые транслируются преподавателями разного пола в процессе обучения в вузе. Во время обучения преподаватели не

только воссоздают собственные гендерные стереотипы, но и включают студентов в реализацию своих собственных гендерных отношений.

Все упомянутое выше подтверждает необходимость введения не только гендерно-ориентированной тематики в социально-гуманитарные дисциплины и учет гендерного аспекта в организации воспитательной работы ВТНЗ, но и влияние на гендерное сознание самих преподавателей в процессе их психолого-педагогической подготовки.

ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ И ГЕНДЕРНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ

Н. С. Вещева
Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Summary. This article is devoted to the questions of studying of gender representations and gender stereotypes. Gender representations and gender stereotypes form in process of gender socialization. The special attention is paid on analysis and comparison of these terms of gender psychology.

Keywords: gender socialization, gender representations, gender stereotypes, gender display, masculinity, feminity.

Гендерные стереотипы являются устойчивыми, общепринятыми, повторяющимися, сформировавшимися в культуре обобщенными убеждениями о месте и исполняемых ролях того или иного гендера в обществе, а также о личности людей той или иной гендерной идентичности [3]. Появление гендерных стереотипов обусловлено тем, что модель гендерных отношений исторически выстраивалась таким образом, что половые различия располагались над индивидуальными, качественными различиями личности мужчины и женщины. Как и любые другие социальные стереотипы, гендерные

стереотипы определяют процесс восприятия окружающих людей и оказывают влияние на активное конструирование социальной реальности с использованием заложенной в них информации. Гендерные стереотипы прослеживаются в философских, психологических, культурологических текстах. Так, Аристотель в работе «О рождении животных» утверждал, что женское и мужское начала принципиально различны по своему предназначению: если первое отождествляется с телесным, с материей, то второе – с духовным, с формой [1]. Подобный взгляд встречается у Н. А. Бердяева, В. Ф. Эрна, В. И. Иванова [3]. Мужское начало у многих авторов трактуется как зачинающее, женское – восприемлющее; первое – инициативно, второе – рецептивно; первое – деятельное, второе – страдательное; первое – динамическое, второе – статическое. В анализе гендерных стереотипов важную роль играет выделение бинарных оппозиций, традиционно приписываемых мужчине – женщине: логичность – интуитивность; абстрактность – конкретность; сознательность – бессознательность; власть – подчинение; порядок – хаос; независимость, индивидуальность – близость, коллективность; импульсивность, активность – статичность, пассивность; непостоянство, неверность, радикализм – постоянство, верность, консерватизм [2, 4].

Изучением гендерных стереотипов занимались такие зарубежные психологи, как E. Maccoby (1974); M. Jacklin, M. Senter (1976); K. Deaux (1985); F. Parsons, R. Bayles (1988); D. Mayers (1997). Приводимые ими описания гендерных стереотипов классифицируются следующим образом.

1. Стереотипы маскулинности/феминности, предписывающие людям определенные мнения о соматических, психических и поведенческих качествах, характерных для мужчин и женщин.
2. Стереотипы семейных и профессиональных ролей, связанных с гендером.

3. Стереотипы, связанные с содержанием деятельности мужчин и женщин [5].

Можно выделить несколько базовых функций гендерных стереотипов [4].

1. Гендерные стереотипы поддерживают существующую в обществе гендерную иерархию.
2. Гендерные стереотипы используются людьми в познавательном процессе. Они могут служить образами-схемами, управляющими процессом восприятия информации и ее обработки в сознании человека.
3. Гендерные стереотипы выступают регуляторами поведения людей на бессознательном уровне.

По мнению современных отечественных исследователей, подчинение гендерным стереотипам может осуществляться по трем вариантам: уступчивость, интернализация, идентификация [1, 2, 3]. Уступчивость – вариант, при котором человек не приемлет нормы, но во избежание наказания приводит свои гендерные репрезентации в соответствие с ними. Интернализация – процесс, при котором человек полностью соглашается с нормами. Идентификация – простое повторение нормативных образцов из желания быть похожим на члена референтной группы.

Гендерные представления являются частным случаем социальных представлений, которые формируются у каждого человека в процессе гендерной социализации [1]. Они лежат в основе гендерно-окрашенного поведения индивидов, «гендерного дисплея» личности, суждений о природе пола и межполовых различий, соотношении ролей и статусов мужчин и женщин в обществе.

При определенных условиях гендерные представления могут принимать характер гендерных стереотипов, хотя эти понятия не идентичны друг другу.

Проведя сравнительный анализ понятий «*гендерные представления*» и «*гендерные стереотипы*», можно отметить их основные различия.

- Гендерные стереотипы – это схематизированные, упрощенные и обобщенные образы того, как действительно ведут себя мужчины и женщины. Представления же являются более сложным феноменом, отражающим личностный опыт человека.
- Гендерные стереотипы обычно упрощенно-дихотомичны, основываются на противопоставлении, в то время как гендерные представления более индивидуализированы и могут содержать пересекающиеся понятия.
- Гендерные стереотипы достаточно устойчивы и способны к медленным изменениям в течение длительного периода времени – десятков лет. Гендерные представления, по нашему мнению, являются более гибкими и могут меняться быстрее.
- Степень и темп трансформации стереотипов зависит от многих факторов, преимущественно социального характера. К ним относятся, прежде всего, политико-экономический строй государства и его политический режим, социально-экономическое положение группы и ее индивидов (уровень образования, материальное обеспечение, социальный статус, возраст, брачный статус), национально-культурные особенности общества и социально-культурные трансформации, происходящие в обществе. Гендерные представления, являясь так называемым «личностным конструктом», больше зависят от индивидуального жизненного опыта.

Важно подчеркнуть, что в некоторых случаях гендерные представления могут включать в себя существующие в обществе стереотипы, но, тем не менее, являются более широким понятием. Таким образом, важно констатировать тот факт,

что не все гендерные представления и не всегда являются стереотипными, но могут ими стать при отсутствии способности человека критически мыслить и анализировать окружающую действительность. Сходной чертой стереотипов и представлений является их формирование под воздействием существующей гендерной культуры и общества.

Библиографический список

1. Бендас, Т. В. Гендерная психология / Т. В. Бендас. – СПб., 2008.
2. Ильин, Е. П. Дифференциальная психофизиология мужчины и женщины / Е. П. Ильин. – СПб., 2002.
3. Клецина, И. С. Гендерная психология / И. С. Клецина. – СПб., 2009.
4. Кон, И. С. Введение в сексологию / И. С. Кон. – М., 1988.
5. Cross, S. E. Models of Self: self-construals and gender / S. E. Cross, L., Madison // Psychological Bulletin. – 1997. – Vol. 122. – P. 5–37.

ИССЛЕДОВАНИЕ ГЕНДЕРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

М. А. Бутаева
Дагестанский государственный университет,
г. Махачкала, Россия

Summary. In the article man's and female's stereotypes in a modern society are considered. Functions of gender stereotypes are certain. Gender stereotypification is fixed in language and closely connected with expression of an estimation and influences formation of expectations from representatives of this or that floor of the certain type of behaviour.

Keywords: gender, stereotype, functions, an estimation, distinction, a generality.

Гендерные стереотипы проявляются в языке как суждения, в заостренно упрощающей и обобщающей форме, с эмоциональной окраской приписывающее определенному классу лиц некоторые свойства или, наоборот, отказывающее им в этих свойствах. Гендерные стереотипы рассматриваются как особые формы обработки информации, облегчающие ориентацию человека в мире. Признаки, содержащиеся в стереотипах, используются говорящими для оценки отнесенности предметов к тому или иному классу и приписывания им определенных характеристик. Гедерные стереотипы выполняют обобщающую функцию, состоящую в упорядочивании информации: аффективную функцию противопоставления «своего» и «чужого»; социальную функцию (разграничение «внутригруппового» и «внегруппового», что ведет к социальной категоризации и образованию структур, на которые люди ориентируются в обыденной жизни. Гендерные стереотипы являются частным случаем стереотипа и обнаруживают все его свойства. Гендерные стереотипы представляют собой культурно и социально обусловленные мнения о качествах, атрибутах и нормах поведения представителей обоих полов и их отражение в языке. Гендерная стереотипизация фиксируется в языке, тесно связана с выражением оценки и влияет на формирование ожиданий от представителей того или другого пола определенного типа поведения.

Гендерные стереотипы очень упрощают реальную ситуацию, однако в коллективном общественном сознании они закреплены прочно и меняются медленно. В той или иной степени стереотипы-предрассудки воздействуют на каждого человека. Согласно укоренившимся представлениям женщинам в обществе приписывается меньшая ценность, чем мужчинам. Представления о мужественности и женственности и присущих им свойствах имеют место в каждой культуре, им отводится существенное пространство в обрядах, фольклоре, мифологическом сознании, «наивной картине мира». Вместе с тем стереотипизация и ценностная шкала гендера не оди-

наковы в разных культурах. Так же различаются социальные роли мужчин и женщин. Они, как правило, регламентированы; такая регламентация стереотипизируется, а затем функционирует в коллективном сознании по схеме «правильное/неправильное». Одним и тем же действиям человека в зависимости от его пола придается различное содержание в разных культурах; одно и то же содержание находит различное выражение в поступках. Стереотип выполняет роль программы поведения. «Социокультурная обусловленность пола, его ритуализация и институционализация делают правомерным изучение гендерных стереотипов и их отражения в языке» [9]. Каждому из полов в данной культуре приписывается ряд обязательных норм и оценок, регламентирующих гендерное поведение. Эта регламентация отражается в языке в виде устойчивых сочетаний, например: «Все бабы дуры»; «Волос долгий, ум короткий»; «Женщина – это прежде всего мать»; «Муж – глава семьи» [2. С. 7–21]. Язык, таким образом, является одним из важнейших источников знания о гендерной стереотипизации и ее изменении во времени, т. к. гендерные стереотипы могут быть «исчислены» на основании анализа структур языка.

В языке фиксируется весь инвентарь гендерных стереотипов, однако частота употребления их в речи неодинакова. Анализ коммуникации делает возможным определение наиболее частотных стереотипов. Многообразие гендерных стереотипов позволяет манипулировать ими. Особенно это касается систем коммуникации, направленных на коллективного адресата, в первую очередь – средств массовой информации.

Анализ текстов, обращенных к коллективному адресату, и текстов различных ситуаций общения позволяет выяснить, какие гендерные стереотипы встречаются наиболее часто на данном историческом отрезке и как меняется их динамика в диахронии.

Гендерные стереотипы, сформировавшиеся в культуре обобщенные представления (убеждения) о том, как действи-

тельно ведут себя мужчины и женщины, отличается от термина «гендерная роль» [4], означающего набор ожидаемых образцов поведения (норм) для мужчин и женщин. Появление гендерных стереотипов обусловлено тем, что «модель гендерных отношений исторически выстраивалась таким образом, что половые различия располагались над индивидуальными, качественными различиями личности мужчины и женщины» [3]. Уже у Платона можно встретить убеждение в отличии всех женщин от мужчин: «… по своей природе как женщина, так и мужчина могут принимать участие во всех делах, однако женщина во всем немощнее мужчины» [5. С. 65]. В философских, психологических, культурологических текстах прослеживаются гендерные стереотипы. Так, Аристотель в работе «О рождении животных» утверждал: «Женское и мужское начала принципиально различны по своему предназначению: если первое отождествляется с телесным, с материей, то второе – с духовным, с формой». Подобный взгляд встречается у Н. А. Бердяева, В. Ф. Эрна, В. И. Иванова.

Мужское начало у многих авторов трактуется как зачинающее, женское – восприемлющее; первое – инициативно, второе – рецептивно, первое – деятельное, второе – страдательное, первое – динамическое, второе – статическое. Можно выделить бинарные оппозиции, стереотипно приписываемые мужчине-женщине: логичность – интуитивность, абстрактность – конкретность. Прежде всего мужественность соотносится с логичностью, а женственность – с интуитивностью, как мы замечаем у Булгакова; Флоренского; Розанова; Логинова; Хрипковой; Колесова и др. «Мужское мышление отличается склонностью к обобщениям, абстрактностью… мужчина более рационален» [10. С. 24–26]. «Мужское и женское самосознание имеет каждое свои отличительные черты: мужчина логичен, полон инициативы; женщина инстинктивна, склонна к самоотданию, мудра нелогической и неличной мудростью простоты и чистоты» [6. С. 264–265]. В то же время женщин интересуют конкретные вещи, они конкретны в

своей мыслительной деятельности. «Простор женскому интеллекту обычно открывают прикладные и близкие к практике науки» [10]. Такой же взгляд на женскую конкретность можно проследить у В. В. Розанова, С. Н. Булгакова, Н. А. Бердяева. Об оппозиции разума, сознательности, логичности мужчины – и сердца, инстинкта, интуиции женщины писали В. Соловьев, В. Ф. Эрн. Инструментальность – экспрессивность, сознательность – бессознательность. Бытует стереотипное мнение, что женская чувственность, эмпатичность, эмоциональная экспрессивность отличают ее от мужчины с его инструментальной размеренностью, ориентированной на цель и компетентность. Благодаря этим качествам считается, что все женщины более гибки, отзывчивы. Мужчины же более тверды и властны (Флоренский). К этому можно присоединить мнение С. Н. Булгакова о том, что женщина связана с «глубинами бытия» О женской впечатлительности и восприимчивости писали В. Ф. Эрн, П. А. Флоренский и др.

Женскими считались также преданность, жертвенность, терпение, покорность. Мужчину рассматривали как имеющего противоположные качества и потому мужское и женское начала осмысливались в категориях власть – подчинение. «Мужчине приписывается право распоряжаться женщиной, «быть покровителем и вождем», право женщины – «в дар за любовь свою получить мужественного и сильного покровителя» [12]. С. Н. Булгаков, рассматривая власть, выделяет в ней два начала: «Власть двойственна по природе, она знает активное и пассивное начало, слагается из властвования и подчинения... Власть представляет собой обособившееся, утвердившееся в оторванности своей мужское начало, которому присуща стихия насилия: она умеет только покорять и повелевать, но не любить и сострадать. А соответственно и повиновение влавствуемых, пассивное начало власти принимает черты столь же отвлеченной женскости, угнетаемой и порабощаемой» [5]. Проблему господства – подчинения рассматривают также психоаналитики, говоря о садомазохизме.

Известно, что Фрейд воспринимал мазохизм как выражение женской сущности.

Кроме того, философский взгляд на гендерную дифференциацию формы и материи выражается в противопоставлении порядка и хаоса. Так, Н. А. Бердяев, говоря о мужском и женском началах, отмечает: «Поскольку мужское начало есть начало оформления, внесения смысла, Логоса, строя, лада, поскольку мужественный дух оформляет, дисциплинирует, организует, постольку оно есть начало порядка». Беспорядок и хаос рассматриваются как проявления женского начала: «Дух женственно-пассивный погружает в бесформенный, недисциплинированный, неорганизованный хаос» [3]. К этому можно присоединить подобные взгляды В. Ф. Эрна, А. Белого, Вс. Иванова, Н. А. Бердяева, П. А. Флоренского. Вместе с тем, современные исследователи женской и мужской психологии не считают, что мужское начало – проявление порядка, а женское – хаоса; каждый пол отличается своим своеобразным типом деятельности. Так, Р. Горски сообщает, что мужчины склонны сначала зафиксировать любую проблему, а лишь затем рассматривать ее, женщины же анализируют взаимоотношения по ходу дела. И если мужчинам свойственно фокусироваться на одной проблеме, то женщины фокусируются на цели, но держат в уме и широкую картину поля действия. У. Штейнберг считает, что в современной культуре очень часто женщин, которые могут думать и наслаждаться мыслительным процессом, обвиняют в мужеподобности. А так как эмоциональные проявления и экспрессивность ассоциируются с женской социально-половой ролью, то в силу устоявшихся традиций они не считаются мужскими. И пока мужчины, переживающие тонкие и глубокие эмоции, будут считаться в обществе женоподобными, они не смогут полностью реализовать свой мощный потенциал с учетом ограничений, накладываемых на эти «женские» проявления культурой [15. С. 134]. Следует помнить, что как женщина способна развивать свое мышление так, чтобы оно стало эквивалентно

мужскому, так и мужчина, в свою очередь, может дифференцировать свои потребности и чувства не хуже женщины. Кроме того, следует помнить о разных типах мужчин и женщин, содержащих в различных вариациях феминные и маскулинные проявления. Только изменение культурных стереотипов поможет полной реализации личности, сочетающей в себе как мужские, так и женские качества. Важный гендерный стереотип состоит в том, что женщинам свойственно следить в первую очередь не за объектами и решением каких-то задач, а за благополучием людей, составляющих их круг общения. Так, Н. Ходоров, К. Гиллиган утверждают, что женщины на первое место ставят отношения между людьми, в то время как мужчины во всех обществах более независимы, доминантны, властны, авторитарны и решительны. Женщины же более осторожны, склонны к подчинению, отзывчивы и демократичны считают Розанов, Булгаков, Флоренский.

Также стереотипно считается, что мужчин и женщин отличают проявления силы их личности. По мнению Флоренского, «женская деятельность в значительной мере, в более значительной, чем мужская, есть деятельность не самой женщины, а других сил в женщине» [14]. К этому можно присоединить мнение В. В. Розанова: «Я мужчины – в гору величиной, Я женское... да оно просто прислонено к мужскому Я» [13. С. 11]. П. Флоренский сравнивает мужское начало с вертикалью, а женское – с горизонталью. Кроме того, подобный взгляд Н. Бердяева на пол прослеживается в его произведении «О назначении человека» где он утверждает, что «женщина, в которой совсем бы отсутствовал мужской принцип, не была бы личностью. Мужской принцип есть по преимуществу антропологический и личный. Женский же принцип есть по преимуществу космический и коллективный» [3. С. 67].

В представлении Аристотеля сила, активность, движение, жизнь исходят из мужского начала, женщина же дает только пассивную материю. Гиппократ поддерживает эту

доктрину и выделяет слабое (женское) и сильное (мужское) семя. Теория Аристотеля просуществовала на протяжении всех Средних веков, вплоть до современной эпохи. Гегель также считает, что два пола должны быть различными: один – активным, другой – пассивным. Пассивность достается женщине. «Вследствие дифференциации мужчина являет собой принцип активный, а женщина – принцип пассивный, ибо она остается в своем неразвернутом единстве» [7]. Современные исследователи противопоставляют активность, склонность к риску, деспотичность, импульсивность мужчин и покорность, пассивность, зависимость, слабость женщин. Также в культуре бытует стереотипное убеждение, что женщин отличает консервативность, верность всему состоявшемуся, мужчин же – радикализм, непостоянство. Зиммель отмечает привязанность женщин ко «всему бывшему, состоявшемуся», рассматривает эту проблему в свете бинарных оппозиций: «верность» – «неверность» [8. С. 240].

Итак, философы, антропологи, психологи обосновывают различие полов, различие мужчины и женщины. Но можем ли мы сказать, что не встречаем логичных женщин и чувственных мужчин; активных, властных, доминантных, агрессивных женщин и пассивных, подчиняющихся мужчин? Социологическое значение понятий *мужской – женский* получает свое содержание благодаря наблюдению над действительно существующими мужскими и женскими индивидами. Эти наблюдения показывают, что ни в биологическом, ни в психологическом смысле не встречается чистой мужественности или женственности. У каждой личности наблюдается «смесь» биолого-психологических признаков своего и противоположного пола. Современная психология выделяет по четыре полоролевых типа, свойственных мужчинам и женщинам: мужественный, женственный, андрогинный и недифференцированный. Но в то же время, следует понимать, что «двуполое человеческое существо наделено определенным полом, и оно не может соединять в себе противоположные сущности, пока не

обретет свою собственную» [1. С. 271]. Эта сущность должна стать тождественной самой себе и принимающей себя во всех аспектах свойств, мужских и женских.

Библиографический список

1. Бадентэр, Э. Мужская сущность / Э. Бадентэр. – М., 1995.
2. Байбурин, А. К. Некоторые вопросы этнографического изучения поведения / А. К. Байбурин // Этнические стереотипы поведения. – Л., 1985.
3. Бердяев, Н. А. О назначении человека: Опыт парадоксальной этики / Н. А. Бердяев // О назначении человека. – М., 1993.
4. Бердяев, Н. А. Философия свободного духа / Н. А. Бердяев. – М., 1994.
5. Булгаков, С. Н. Тихие думы / С. Н. Булгаков. – М., 1996.
6. Булгаков, С. Н. Свет невечерний / С. Н. Булгаков. – М., 1994.
7. Гегель, Ф. В.
8. Зиммель, Г. Женская культура / Г. Зиммель // Избранное. – Т. 2. Созерцание жизни. – М., 1996.
9. Кирилина, А. В. Гендер: лингвистические аспекты / А. В. Кирилина. – М.: Институт социологии РАН, 1999. – 189 с.
10. Логинов, А. А. Женщина и мужчина / А. А. Логинов. – Красноярск, 1989.
11. Платон. Республика / Платон. – М. 1982.
12. Розанов, В. В. Религия и культура / В. В. Розанов // Собр. соч. – Т. 1. – М., 1995.
13. Рябов, О. Женщина и женственность в философии Серебряного века / О. Рябов. – Иваново, 1997.
14. Флоренский, П. А. Имена / П. А. Флоренский // Тайна имени. – Т. 1. – Харьков, 1995.
15. Штейнберг, Уоррен. Конфликты, связанные с мужской идентичностью / У. Штейнберг // Круг внимания. – М., 1998.

ВОЗРАСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ГЕНДЕРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ

Л. М. Абросимова
Академия МНЭПУ, г. Пенза, Россия

Summary. Questions of formation and display of gender stereotypes during the different age periods are considered in the article.

Keywords. A gender, a stereotype, femininity, masculinity, a role.

Гендерные стереотипы начинают формироваться с самого рождения человека. По мнению И. С. Кона, половая принадлежность является первой категорией, которую ребенок осмысливает [2. С. 47]

Уже в два года ребенок знает свой пол, отмечает разную одежду и прически для мужчин и женщин, а позже, обычно с детском саду, обращает внимание на анатомические различия мальчиков и девочек. Однако в раннем детстве ребенок не понимает, что пол постоянная характеристика, которая не поменяется со временем.

В возрасте до пяти лет формируются основы полового самосознания: ребенок уверенно идентифицирует себя с представителями своего пола, предпочитает соответствующие роли в играх.

Социальное окружение и особенно семья в значительной мере способствуют формированию правильной гендерной идентичности. Ребенка с рождения одевают в одежду, соответствующую его полу, стимулируют определенные игры и времяпровождение, домашние обязанности. Часто родители пресекают попытки игр, не свойственных полу ребенка, особенно это касается мальчиков, так как маскулинность для женщины терпимо или даже уважительно воспринимается обществом, нежели фемининность для мужчины, которую связывают с гомосексуальной ориентацией.

Детский сад, где воспитание социально организованно для поддержания существующего гендерного порядка актив-

но формирует социальные стереотипы. Общество динамично в своих изменениях, а предметная, социальная и методическая среды детского сада изменяются медленно: неизменными остаются набор желательных ролей и игрушек для девочек и мальчиков, утвержденный список предпочитаемой детской литературы для чтения детям в группе, методические разработки по проведению тематических праздников, рекомендации по оформлению группы и предпочитаемым ролевым играм и т. п. Так, например, детская литература (художественная литература для дошкольников и младших школьников), согласно исследованиям, транслирует наиболее патриархатные гендерные стереотипы [1].

Сам этап установления полоролевого поведения длится до 12–13 лет. На основе врожденных особенностей и под влиянием семьи и социального окружения ребенок непроизвольно выбирает для себя манеру поведения, которая наиболее точно соответствует его запросам и в то же время не противоречит общественным нормам. В 11–12 лет начинается формирование психосексуальной ориентации, то есть определение сексуального поведения. Изменение тела подростка, появление у него вторичных половых признаков соответствующих формированию половой идентичности взрослого человека, в которой соответствие общепринятым образцам маскулинности-фемининности играет ведущую роль.

Полотипизированные подростки в большей мере стремятся подражать стереотипным образцам маскулинности/фемининности, выбирая модели чаще среди героев средств массовой информации. У девушек страстное желание соответствовать современному образцу фемининности – «совершенной стройности», что может приобрести гипертрофированные формы и вылиться в такое заболевание, как нервная анорексия. Юноши стремятся идентифицироваться с утрированно маскулинным кумиром, часто демонстрируют неприемлемые с социальной точки зрения формы поведения:

агрессивные действия, употребление алкоголя и наркотиков, необоснованно рискованные поступки.

В старшем юношеском возрасте проблема гендерных стереотипов во многом связана с окончанием школы, когда старшеклассники стоят перед выбором своего дальнейшего жизненного пути и сферы профессиональной деятельности.

Гендерные характеристики представителей среднего возраста изучены с позиции переживания конфликтов. В этом возрасте противоречия между индивидуальными потребностями личностного развития и нормативными представлениями, реализованными в гендерных стереотипах, чаще проявляется как внутриличностные конфликты. Внутриличностные конфликты представляют собой противоречия, возникающие между несовместимыми интересами, потребностями, представлениями, ролями. Это «ролевой конфликт работающей женщины» – насколько женщина справляется с совмещением ролей в профессиональной и семейной сферах.

В период поздней взрослости также возникает конфликтное столкновение гендерных стереотипов и жизненных ситуаций. Так, мужчины, воспринимающие профессиональную деятельность и карьеру как главное предназначение своей жизни очень болезненно переживают потерю работы или выход на пенсию, в то время как женщины, с уходом на пенсию продолжая заниматься семьей и бытом, чувствуют себя востребованными. Для женщин более значимым является отделение от родителей уже взрослых детей.

Таким образом, гендерные стереотипы, которое общество навязывает каждому своему члену, были необходимыми на протяжении столетий для выживания человеческого рода, но потеряли свою актуальность в современную постиндустриальную эпоху.

Библиографический список

1. Здравомыслова, Е. Гендерные стереотипы в дошкольной детской литературе: русские сказки / Е. Здравомыслова,

Е. Герасимова, Н. Троян // Преображение. – 1998. – № 6. – С. 8–19.
2. Кон, И. С. Половые различия и дифференциация социальных ролей / И. С. Кон // Соотношение биологического и социального. – М., 1975.

ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ СОВРЕМЕННОЙ АРМЯНСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Н. Т. Варданян
Российско-Армянский (Славянский) государственный университет, г. Ереван, Республика Армения

Summary. Study of gender identity in the group of young people aged from 20 to 28 has shown that the androgen type of identity is dominating in both sexes. This fact shows that changes took place in our society. Particularly the traditional gender roles are not accepted neither by men, nor by women. The most important values are the same for both sexes.

Keywords: gender, value orientations, gender roles, gender socialization, gender identity.

Все большее число женщин занимают руководящие посты в сфере бизнеса и политики. Еще несколько десятилетий назад трудно было представить женщину президента или министра обороны. Сейчас это реальность. Отношение к гендерным ролям стало менее стереотипизированным. Есть ряд причин, способствующих изменению как мужской, так и женской роли. К ним можно отнести развитие общества. В условиях современного постиндустриального общества резко изменились критерии экономической эффективности личности – главного фактора, определяющего социальный статус человека. Отныне факторами успеха являются не физическая сила или образовательный ценз, обусловленный

прежним неравенством возможностей и обеспечивавший мужское доминирование в прошлом, а исполнительность, аккуратность, концентрированность на работе, присущие женщинам, что обеспечивает им все более весомую роль в бизнесе, в политике и социальной жизни. Т. е. изменились и, в определенной степени, стали более равными предпосылки для успеха, что и привело к постепенному выравниванию количества успешных мужчин и женщин. Но нельзя не отметить, что эти изменения являются проявлениями и неотъемлемой частью прогресса, так как еще Платон говорил, что пренебрегать женщинами – значит не использовать половину сил государства.

В связи с изменениями этих ролей произошли и продолжают происходить коренные изменения в гендерных аспектах ценностных ориентаций, т.е. меняются идеалы, цели, к которым стремятся мужчины и женщины. И изменяются ожидания, которые они имеют. Но далеко не все готовы к этим переменам и далеко не все их принимают, особенно в нашем обществе. Наиболее выражены эти изменения среди молодежи, т. к. ее представители строят свои планы на будущее и избирают способы действия в жизни уже в соответствии с новыми нормами и стандартами. Изменения, наблюдаемые у молодежи, являются следствием изменений в обществе, но, с другой стороны, сами провоцируют эти изменения. В связи с этим важно знать существующие в данной сфере тенденции и особенности. Именно поэтому исследование изменений в сфере гендерных представлений и ожиданий кажется нам актуальным и представляет интерес с точки зрения практической психологии.

В связи с вышеизложенным целью нашего исследования явилось выявление гендерных различий и особенностей в системе ценностных ориентаций и гендерных стереотипов у молодежи. Для осуществления поставленной цели нами были поставлены следующие задачи:

1) выявить посредством экспериментальной работы гендерные представления и особенности систем ценностных ориентаций у молодых мужчин и женщин;

2) выявить гендерную идентичность и особенности в представлении мужских и женских образов и стереотипов у молодежи.

Представление о том, что наше поведение большей частью обусловлено социальными нормами и социальным контекстом, давно общепризнано в науке. Социальные психологи считают, что две основные причины, из-за которых мы стараемся соответствовать гендерным ожиданиям, – это нормативное и информационное давление.

Термин «нормативное давление» описывает механизм, посредством которого человек вынужден подстраиваться под общественные или групповые ожидания, чтобы общество его не отвергло.

Информационное давление вызвано тем, что, пополняя наши знания о себе и о мире, стремясь понять, какой позиции следует придерживаться в тех или иных социальных вопросах, мы в большой степени опираемся не на собственный опыт, а на информацию, предоставляемую окружающими. Р. Чалдини [4] отметил следующую особенность: чтобы определить, что именно является правильным, мы стараемся разузнать, что считают правильным другие, а свое поведение мы считаем правильным только до тех пор, пока наблюдаем его у окружающих (он назвал это социальной проверкой). И таким образом, равняясь друг на друга, создается своего рода замкнутый круг, который, в свою очередь, препятствует развитию и избавлению от некоторых стереотипов.

Те же самые механизмы действуют применительно к гендерным ролям: когда мы смотрим вокруг и видим, как мужчины и женщины делают разные вещи, и слышим, как окружающие нас люди и средства массовой информации подчеркивают, насколько велика пропасть между мужчинами

и женщинами, мы приходим к выводу, что так и есть на самом деле, и соответствуем этим ожиданиям [3].

Нормативное и информационное давление отнюдь не исключают друг друга. Как утверждают Дж. Плек и соавторы [5], именно те, кто одобряет и принимает традиционные гендерные роли, с большей вероятностью подвергаются социальному порицанию за их нарушение.

В гендерной психологии очень важную роль играет понятие гендерной идентичности. Это словосочетание означает и отождествление себя с определенным полом, и отношение к себе как к представителю определенного пола, и освоение соответствующих ему форм поведения и формирование личностных характеристик. В связи с гендерной идентичностью у человека возникает и целостное представление о себе.

В представлениях о гендерной идентичности важной датой является 1974 г., когда Сандра Бэм сформулировала свою гипотезу о существовании 3 типов людей с различной гендерной идентичностью: с преобладанием фемининных характеристик, с преобладанием маскулинных характеристик и «андрогинных», т. е. тех, у кого наблюдается баланс маскулинных и фемининных характеристик. При этом наиболее привлекательным ей казался третий тип: по ее мнению, андрогинные личности обладают адаптивностью и гибкостью поведения, отличаются творческими наклонностями и наиболее психологически благополучны. Первые же два типа изображались негибкими, ограниченными, демонстрирующими в своем поведении бытующие в обществе гендерные стереотипы [1].

В становлении гендерной идентичности очень важную роль играет гендерная социализация [2]. Гендерная социализация как процесс начинается еще до рождения ребенка и продолжается в течение всей жизни. Гендерной социализации способствует целый ряд факторов – семья, сверстники, книги, игрушки, телевидение. Влияние это

разностороннее и очень сильное, оно сопровождается поощрением за гендерно-приемлемое и наказанием за гендерно-неприемлемое поведение. Причем поощрение и наказание производят не только родители, т. к. даже в тех случаях, когда родители хотят воспитать ребенка свободным от гендерных стереотипов, им это далеко не всегда удается. Потому что общество социализирует человека через различные каналы, которые подчас бывают сильнее влияния семьи.

Несмотря на то, что между мужчинами и женщинами много общего, внимание привлекает преимущественно то, чем они отличаются друг от друга. Подытоживая данные многочисленных исследований гендерных различий, можно отметить, что различия между мужчинами и женщинами сильно преувеличены и при более подробном рассмотрении становится ясно, что никакой «пропасти» между полами нет. Конечно, есть данные, говорящие о различиях между мужчинами и женщинами. Но, в основном, разница заключается не в степени переживания этих характеристик, а в способе их проявления. Т. е. одно и то же переживание просто по-разному и в разной степени проявляется, причиной чего являются гендерные роли и социальные предписания. Следовательно, многое можно изменить. И это тот случай, когда изменения могут и должны привести к лучшему взаимопониманию, взаимной поддержке и уменьшению числа конфликтов не только между полами, но и в рамках одного пола.

Обращаясь к системе ценностных ориентаций и ее гендерным аспектам, следует отметить, что хотя многочисленные исследования и мнения различных людей указывают на то, что для женщин главными ценностями являются аффиляция, доверительные отношения, традиционные терминальные ценности, а для мужчин – инструментальные ценности и ориентация на самореализацию и самоутверждение, следует понимать, что для того, чтобы

стать полноценной и гармоничной личностью, женщине также необходимо самореализовываться, а мужчине необходимы доверительные отношения и аффиляция. К сожалению, существует множество преград на пути женщины к самореализации и на пути мужчины к эмоциональным проявлениям.

И хотя внимание социальных психологов было сосредоточено прежде всего на женской гендерной роли, что объясняется очевидностью ее недостатков, было бы заблуждением полагать, будто только женщины страдают от гендерных предрассудков и стереотипов. Существует целый ряд ограничений, накладываемых как женскими, так и мужскими традиционными ролями. Но следует приложить все усилия, чтобы наша жизнь не состояла из ограничений и подавлений внутренних желаний, а состояла из искренних стремлений.

Мы провели исследование гендерных стереотипов и различий в ценностных ориентациях армянской молодежи. Проведенная нами экспериментальная работа проводилась с использованием трех методик. В ней использовались метод тестирования (полоролевой опросник С. Бем и опросник терминальных ценностей И. Г. Сенина) и метод семантического дифференциала, измеряющий гендерные стереотипы. В исследовании участвовали 54 человека – 27 мужчин и 27 женщин в возрасте от двадцати до двадцати пяти лет. Проведя исследование по всем трем методикам, мы попытались найти отличия группы мужчин от группы женщин, а также некоторые закономерности и различия внутри каждой группы.

Основываясь на результатах проведенной экспериментальной работы, можно сделать следующие выводы:

1. Как среди мужчин, так и среди женщин преобладал андрогинный тип личности, что указывает на изменения,

произошедшие в нашем обществе, а именно, традиционные гендерные роли не воспринимаются ни со стороны мужчин, ни со стороны женщин. Наиболее предпочтительным вариантом половой идентичности молодежь считает андрогинность, что, несомненно, соответствует действительности, т. к. сочетание традиционно мужских и традиционно женских качеств приводит как к более успешному взаимодействию между полами, так и к более успешной адаптации к различным жизненным ситуациям и обстоятельствам.

2. Результаты, полученные в исследовании ценностных ориентаций, показывают, что важнейшие ценности мужчин и женщин совпадают. Для представителей обоих полов важны достижения и самоактуализация. И хотя считается, что для женщин очень важными являются взаимоотношения и социальные контакты, наше исследование показывает, что социальные контакты более важны для мужчин. Т. е. данные результаты не только указывают на ряд сходств между мужчинами и женщинами, но и опровергают существующие стереотипы.

3. Из жизненных сфер для женщин самой важной является сфера обучения, а для мужчин – сфера общественной жизни. Для обеих групп очень важна сфера профессиональной жизни. Интересен тот факт, что для мужчин сфера семейной жизни даже более важна, чем для женщин. Можно сказать, что и здесь мы получаем данные, в какой-то степени, опровергающие гендерные стереотипы. Т. е. можно сделать вывод о том, что у молодежи наблюдается меньшая подверженность стереотипам и большее совпадение во взглядах на гендерные роли.

4. В идеальных представлениях о гендере наблюдается большое число совпадений. Т. е. у испытуемых изменились ожидания друг от друга и эти ожидания во многом совпадают, что, несомненно, приведет к изменениям и в реальной жизни.

Таким образом, говоря о гендерных аспектах ценностных ориентаций, можно отметить, что ценности, в первую очередь, должны быть не мужскими или женскими, а общечеловеческими. И, быть может, тогда два пола перестанут называться противоположными, а станут взаимодополняющими.

Библиографический список

1. Бендас, Т. В. Гендерная психология / Т. В. Бендас. – М., 2006.
2. Берн, Ш. Гендерная психология / Ш. Берн. – М., 2004.
3. Майерс, Д. Социальная психология / Д. Майерс. – СПб., 2006.
4. Чалдини, Р. Психология влияния / Р. Чалдини. – М., 2007.
5. Pleck, J. H. The work – family role system / J. H. Pleck. – 1986.

ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ СУПРУЖЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

И. Г. Дорошина
Пензенская государственная технологическая академия, г. Пенза, Россия

Summary. In the article the problem of hierarchy in matrimonial attitudes which is caused by gender positions is considered. Types of matrimonial attitudes are presented. It is told, how they prove in Russia.

Keywords: matrimonial relations, gender, family, супружеские отношения, гендер, семья, patriarchal.

На супружеские отношения влияют несколько факторов: тип брака, связь сексуальных отношений с иерархической структурой общества, тот факт, работает ли жена или занимается домашним хозяйством, то, кто является лидером

в семье, и культура, в которой складываются представления о гендерных супружеских ролях.

Можно выделить 4 типа супружеских отношений: традиционный или патриархальный (в таких семьях главой семьи является мужчина, а домом и детьми занимается женщина вне зависимости от ее профессиональной деятельности), нетрадиционный или матриархальный (главой семьи является жена, муж находится в подчиненном положении), эгалитарный (семейные обязанности распределяются поровну между супругами), и смешанный тип (реальный тип отношений противоречит декларируемому).

В основном русские мужчины поддерживают идею патриархального брака, в то время как женщины склоняются к эгалитарному [1, 2]. В СССР, несмотря на законодательное равенство мужчин и женщин в экономическом и политическом отношении, брак не был действительно равноправным. Хотя в большинстве советских семей в 1980-х гг., по свидетельству Ю. В. Бромлея и Р. Г. Подольного [3], именно женщина обладала решающим голосом при решении семейных вопросов. Ценой такого положения была несоразмерно большая нагрузка, сочетающая домашний и общественный труд. Стоит отметить, что деление обязанностей «поровну» очень условно, так как нет единиц, с помощью которых можно было бы измерить затраты сил, времени, нервов на выполнение той или иной деятельности. Однако в семьях достаточно часто наблюдается расхождение между представлениями и поступками, то есть так называемые «семейные мифы». Например, супруги высказываются за равноправное распределение обязанностей по дому, но на деле муж выполняет крайне малую их часть. Но, понимая, что изменить его поведение невозможно и не желая вступать в длительные конфликты по этому поводу, жена называет такие отношения эгалитарными, чтобы сохранить чувство собственного достоинства. В противоположном случае, когда мужчина хочет чувствовать себя главой семьи, а фактически все решения принимает жена, она может

создать видимость главенства мужа. В русском языке есть поговорка: «Муж глава семьи, а жена шея. Куда шея повернет – туда голова и смотрит». Подобные «хитрости» называют гендерными стратегиями.

Женщины, получив равные права с мужчинами в профессиональной деятельности вне дома, вынуждены попрежнему выполнять основную нагрузку по ведению домашнего хозяйства и воспитанию детей. Экономические и культурные обстоятельства не в силах изменить традиционные гендерные отношения. И, несмотря на то, что многие мужчины и женщины хотят приспособить свои представления к этим изменившимся обстоятельствам, они, скорее, создают стратегии и семейные мифы, чтобы достигнуть иллюзии о предпочтительном для них гендерном мире.

В настоящее время во многих странах ролевая структура семьи изменилась: наблюдается большая симметричность функций патрнеров, повышение авторитета и влияния женщины, изменение представлений о главе семьи [4], т. е. переход от традиционной модели лидерства к эгалитарной, когда жена и муж делят между собой лидерство в семье в разных ее сферах.

Сексуальный аспект супружеских отношений, связанный с различной степенью принятия «своего» гендера представлен в модели С. С. Либиха. Он выделяет 3 женских роли: женщина – мать, женщина – дочь, женщина – женщина и 3 мужских роли: мужчина – отец, мужчина – сын, мужчина – мужчина.

Женщину-мать отличает выраженная потребность помогать, защищать, поддерживать. Она бессознательно предпочитает общение со слабыми, больными, потерпевшими неудачу, что нередко определяет и выбор мужа. Слабость мужчины, его потребность в опеке могут иметь значение и для сексуально положительных раздражителей.

Женщина-дочь испытывает потребность в протекции со стороны мужчины, с которым она могла бы почувствовать

себя слабой, «маленькой девочкой», предметом внимания и восхищения. Она часто предпочитает партнера старше себя, ценя в нем не столько сексуальную силу, сколько опыт, знание, умения, искушенность в ласках.

Женщина-женщина агрессивного типа насмешлива, иронична, стремится одерживать верх над мужчиной, в поведении и ласках которого ее привлекают зависимость, податливость и приниженная робость. Для женщины-женщины пассивно-подчиненного типа идеал – сильный, властный, овладевающий ею мужчина.

Мужчина-отец склонен к покровительству, нуждаясь при этом со стороны женщины в признании, восхищении, подчиненности и зависимости, «угадывании» его желаний и потребностей.

Мужчина-сын подчиняем, нередко инфантилен, нуждается в опеке и сочувствии со стороны женщины, часто – неудачник, может быть капризным. Ждет всепрощающего понимания своих слабостей.

Мужчина-мужчина агрессивного типа – представитель «силового», наступательно-доминантного поведения. Он безапелляционен, решителен, может быть груб в повседневном общении и ласках. Мужчина-мужчина пассивно-подчиненного типа испытывает симпатию и влечение к «сильным женщинам», любит внешние проявления этой силы, некоторой маскулинности в стиле поведения и одежды; он часто зависим, принижен, склонен отдавать инициативу женщине, в том числе и в сексуальном общении [5].

Библиографический список

1. Бендас, Т. В. Сравнительный анализ лидерского поведения в семьях разных культур / Т. В. Бендас, Б. С. Нурышева // Человек и общество: Материалы международной научно-практической конференции. – Ч. 2. – Оренбург, 2001. – С. 12–14.

2. Бендас, Т. В. Факторы, определяющие своеобразие взглядов на лидерство в семьях разных культур / Т. В. Бендас, Б. С. Нурышева // Теоретические и прикладные проблемы психологии: тезисы докладов II Всероссийской научной конференции. – Ставрополь, 2001. – С. 75
3. Бромлей, Ю. В. Создано человечеством / Ю. В. Бромлей, Р. Г. Подольный. – М., 1984
4. Кон, И. С. Введение в сексологию / И. С. Кон. – М., 1988
5. Либих, С. С. Сексуальная дисгармония / С. С. Либих. – Ташкент, 1990. – 208 с.

ИССЛЕДОВАНИЕ ГЕНДЕРНЫХ РАЗЛИЧИЙ В РОЛЕВЫХ ОЖИДАНИЯХ СУПРУГОВ

О. Н. Бояркина
Академия МНЭПУ, г. Пенза, Россия

Summary. The author tells about empirical research of role expectations of spouses. The general for many spouses is the traditional sight at cast in family. Discrepancy of spouses to expectations of the partner generates conflict situations.

Keywords: gender, role, spouses.

Брак – это союз мужчины и женщины, к которому оба стремятся в разной степени. У мужчины и женщины разные представления о семье, разные надежды и ожидания.

Нами было проведено исследование ролевых ожиданий супругов, в результате которого мы можем сделать следующие выводы.

Для мужчин и женщин характерно определенное рассогласование представлений о важнейших семейных ценностях, которое в той или иной степени охватывает все сферы семейного взаимодействия и свидетельствует о высокой степени конфликтности в отношениях между супругами. Для мужчин в первую очередь важны внешняя привлекательность, моральная и эмоциональная близость с брачным партнером, а также

общность интересов и ценностных ориентаций. Для женщин наиболее ценными являются сексуальная гармония с мужем, а также совместное участие в организации быта и взаимопонимание в решении хозяйственно-бытовых вопросов.

В супружеских парах отмечается нарушение ролевой адекватности, которое проявляется в несоответствии идеальных представлений супругов о семейных ценностях ролевым установкам мужчин и женщин на их реализацию. Это является серьезным конфликтогенным фактором.

Для супругов характерны традиционные представления о мужских и женских семейных ролях. Так, мужчины считают, что женщина должна быть зависима от семьи, решать хозяйственно-бытовые вопросы, соблюдать семейные интересы, а также заниматься воспитанием детей. Профессиональная занятость жены возможна лишь в незначительной степени. По мнению женщин, супруг должен, прежде всего, выполнять свои обязанности по содержанию семьи, а уже потом заниматься хозяйственно-бытовыми вопросами.

У брачных партнеров существуют различия в отношении к основным аспектам семейной жизни. Для женщин более важными являются межличностные отношения, для мужчин – бытовая организация семейной жизни.

У большинства супружеских пар отмечается конфликтный характер взаимодействия в отношениях между супругами. Наиболее конфликтогенными факторами супружеских отношений являются разногласия в отношении к финансовой стороне семейной жизни, нарушения ролевых ожиданий, проявление доминирования одним из супругов, а также ревность. Причем в большей степени по этим причинам в конфликтное взаимодействие вступают мужчины. Для женщин поводом для конфликта может стать несоответствие мужа ее ролевым ожиданиям, а также рассогласование норм поведения.

Поведение мужчин в семейных конфликтах носит более агрессивный и враждебный характер, чем у женщин. Женщины, в свою очередь, при семейных неурядицах также демон-

стрируют свое недовольство, но они более осторожны в высказываниях и стараются избежать отчуждения с супругом.

Для женщин в большей степени характерна низкая адаптация к условиям жизни, доверчивость, ранимость, высокая эмоциональная чувствительность, склонность к проявлению защитных реакций. Мужчины более устойчивы в конфликтных ситуациях, решительны, энергичны, менее подвержены эмоциям, в большей мере стремятся к власти, чем к подчинению. Все эти данные согласуются с традиционными представлениями об особенностях личности мужчины и женщины в обществе.

Таким образом, гендерные особенности обуславливают различия в иерархии семейных ценностей и ролевых установок, отношении к различным сторонам семейной жизни, а также поведение в конфликтных ситуациях у мужчин и женщин в супружеских парах.

ИЗУЧЕНИЕ ГЕНДЕРНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ГОТОВНОСТИ К БРАКУ У ЛИЦ РАННЕЗРЕЛОГО ВОЗРАСТА

Т. Н. Тычкова
Академия МНЭПУ, г. Пенза, Россия

Summary. Results of research of the attitude to marriage are presented in clause. It is revealed, that, despite of gender distinctions, young men positively concern to idea of creation of family.

Keywords: marriage, motives, values, gender.

В современном обществе наблюдается определенная динамика преобразований семейно-брачного института и его вариаций в рамках социального развития в целом, которая несет на себе отпечаток экономических, социальных, психологических, культурных преобразований, происходящих в нашей стране. В нестабильных условиях переходного перио-

да и кризиса люди нуждаются в ценностях, на которые можно опереться и которые не разрушаются ни при каких политических и социально-экономических ломках. Такие вечные ценности, несомненно, находятся в сфере личных отношений – дружеских, любовных и особенно семейных [2].

Семья является приоритетной ценностью любого современного государства, заинтересованного в сохранении своего народонаселения, укреплении международного статуса и всех социокультурных институтов. Положение семьи, тенденции, характеризующие ее состояние, являются показателями дел в стране и ее перспектив на будущее. В нашей стране 2008 год был объявлен Годом семьи. Это – инициатива Президента России, о которой он объявил 26 апреля 2008 года в своем Послании Федеральному Собранию. Обращаясь к парламентариям, глава государства подчеркнул, что проведение в России Года семьи «позволит объединить усилия государства, общества, бизнеса вокруг важнейших вопросов укрепления авторитета и поддержки института семьи, базовых семейных ценностей».

Подготовка молодежи к вступлению в брак, к будущей семейной жизни должна являться неотъемлемой составной частью общей системы воспитания подрастающего поколения. Вместе с тем еще совсем недавно считалось, что молодой человек по достижению определенного возраста уже полностью готов к созданию семьи. Однако обусловленность изменений семьи культурно-исторической динамикой общественных отношений не только не исключает, но и предполагает необходимость специальной подготовки подрастающих поколений к жизни в семье. Многочисленные социологические, педагогические, медико-психологические исследования убеждают нас в том, что готовность юношей и девушек к вступлению в брак и созданию семьи должна стать целью психологической работы [1].

Семейная жизнь, открывая человеку возможности для личностного роста и счастья, одновременно предъявляет к

нему и немало требований. Среди факторов, определяющих стабильность молодых семей, выделяют готовность молодежи к браку.

Таким образом, целью нашего исследования является изучение гендерных особенностей психологической готовности к браку у лиц раннезрелого возраста.

Конкретными методиками диагностического исследования стали:

1) «Незаконченные предложения» авторы Сакс и Леви (сокращенный вариант);
2) Рисуночный тест «Моя будущая семья»;
3) Анкета «Мотивы вступления в брак»;
4) Анкета, составленная нами по изучению различных аспектов семейной жизни.

В качестве метода математической обработки было использовано угловое преобразование Фишера (критерий Фишера) и t-критерий Стьюдента для независимых переменных.

Исследование проводилось в г. Пензе с января по март 2009 г., в нем принимали участие студенты 5-х курсов ПФ НОУ МНЭПУ. Выборка состояла из 20 девушек и 20 юношей, средний возраст которых составил 20–21 год.

Рассмотрим результаты, характеризующие мотивационный компонент психологической готовности к браку. Наиболее ценным мотивом вступления в брак у девушек и у юношей является мотив «счастливая семейная жизнь». Полученные результаты у девушек (87,5 %) немного превышают результаты у юношей (85 %), это может свидетельствовать о том, что девушки ориентированы не только на вступление в брак, но и на счастливую семейную жизнь в данном браке. Второе место занимает мотив любви. Юноши (82,5 %) чаще, чем девушки (78,5 %), отдавали предпочтение данному мотиву. А ведь считается, что именно женщина ищет в браке любви, а мужчина – комфорта. Можно предположить, что для девушек в настоящее время при вступлении в брак могут иметь значение и другие мотивы, такие как мотив материального

благополучия, бегство от родителей или соблюдение социальных норм.

Третье место занимает такой мотив, как соблюдение социальных норм. Данный мотив чуть больше выражен у девушек (37,5 %), чем у юношей (32,5 %). Это свидетельствует о том, что они более подвержены правилам и нормам, принятым в обществе относительно вступления в брак. И выбор данного мотива может подтверждать, что девушки стремятся вступить в брак под влиянием традиционного гендерного стереотипа «нужно выйти замуж».

Мотив «материальное благополучие» у девушек и у юношей занимает четвертое место среди остальных мотивов. Выбор данного мотива больше преобладает у юношей (38,75 %), чем у девушек (30 %). Это может свидетельствовать о большей материальной ориентированности юношей, чем девушек при вступлении в брак. Последнее место при выборе мотивов вступления в брак занимает мотив «бегство от родителей». В процентном соотношении данный мотив преобладает у девушек (16,25 %), чем у юношей (11,25 %), из чего следует, что у девушек больше желание у девушек уйти из родительского дома, освободиться от обязанностей и контроля.

Таким образом, полученные результаты свидетельствуют о том, что у юношей и у девушек преобладающим мотивом вступления в брак является стремление к созданию счастливой семьи. Выбор мотива «любви» при вступлении в брак больше преобладает у юношей, чем у девушек. Также юноши больше ориентировались на материальную обеспеченность при вступлении в брак. В отличие от юношей девушки больше ориентируются при вступлении в брак на социальные нормы и больше стремятся освободиться от родительского влияния и контроля.

Рассмотрим результаты анкеты по изучению различных аспектов семейной жизни.

Ответы анкеты можно классифицировать в зависимости от компонентов психологической готовности:

- когнитивный компонент, который включает в себя знания о семье, ролевых позициях в браке;

- эмоциональный компонент, который подразумевает отношение к браку, мотивацию и побуждение к вступлению в брак.

Рассмотрим полученные результаты, характеризующие эмоциональный компонент психологической готовности к браку.

Юношей (85 %), положительно относящихся к браку, намного больше, чем девушек (75 %). Отрицательное отношение к браку выявлено у 10 % девушек и всего у 5 % юношей.

На вопрос «Хотите ли вы вообще вступать в брак?» положительный ответ дали 45 % юношей и девушек, отрицательный ответ 10 % девушек и 15 % юношей. Девушек (35 %), планирующих вступать брак после окончания обучения, больше, чем юношей (20 %). Это можно объяснить тем, что, закончив вуз, девушки морально готовы вступать в брак в отличие от юношей, для которых приоритетом становится построение собственной карьеры и обеспечение материального благополучия.

Большинство девушек и юношей, отвечая на вопрос «Что чаще всего побуждает молодых людей вступать в брак?», разделилось между двумя вариантами ответов: большая любовь и незапланированная беременность. Юношей (45 %), выбравших ответ «большая любовь», больше, чем девушек (30 %). По данному результату можно предположить, что для девушек при вступлении в брак могут иметь значения и другие мотивы, такие как мотив расчета, бегства от родителей и продолжение рода. Полученные данные согласуются с соответствующими результатами, полученными по изучению мотивов вступления в брак. Юноши так же больше, по сравнению с девушками, стремятся вступать в брак, руководствуясь мотивом любви. Ответ «незапланированную беременность» выбрали 45 % девушек и 40 % юношей. На вопрос «как вы относитесь к браку в раннем возрасте?» отрицательный ответ дали 60 % юношей. Девушек, ответивших таким же образом, 45 %. При вступлении в брак на мужчину возлагаются опре-

деленные обязанности и большая ответственность за свою семью. В раннем возрасте справиться с ними ему не под силу, об этом свидетельствует популярность отрицательного ответа у юношей. Ответ «нормально» на данный вопрос дали 15 % девушек и 10 % юношей, и 30 % опрашиваемых девушек и юношей ответили «нормально, но это не надолго».

По мнению большинства опрошенных девушек и юношей, наиболее популярной причиной распада семьи считается измена. Девушек, ответивших таким образом, больше (50 %), чем юношей (45 %). Данный результат может свидетельствовать о том, что для опрошенных девушек измена является наиболее неприятной ситуацией, чем для юношей, что и является первопричиной распада семьи. Второй по популярности ответ занимает причина – психологическая несовместимость партнеров, девушек, ответивших таким образом, больше (35 %), чем юношей (30 %). 10 % юношей выбрали ответ «отсутствие денег», девушек ответивших таким же образом, 5 %.

Данный результат может свидетельствовать о большей заинтересованности юношей в обеспечении материального благополучия семьи, и следовательно, для них данная причина может иметь большее значение, чем для девушек.

При изучении эмоционального компонента психологической готовности к браку существенных различий между юношами и девушками не было выявлено.

Рассмотрим полученные результаты, относящиеся к когнитивному компоненту психологической готовности к браку.

Идеальным брачным возрастом юноши (70 %) и девушки (80 %) посчитали возраст от 20 до 30 лет. Ни один опрашиваемый не выбрал наилучший возраст для вступления в брак от 16 до 18 лет. Это свидетельствует о том, что и юноши и девушки считают, что для создания семьи необходим определенный уровень личностной зрелости.

На вопрос, касающийся размышлений о семейной жизни – вступлении в брак, 70 % юношей ответили, что на данный

момент не планируют вступать в брак, девушек, ответивших таким образом, меньше, 60 %. Данный результат может свидетельствовать о том, что девушки и юноши в данном возрасте еще не готовы вступать в брак. Перспективу вступления в брак обсуждали со своей половинкой 20 % опрошенных юношей и девушек.

Для большинства опрашиваемых девушек (60 %) имеет значение социальное положение ее половины, это связано, прежде всего, с тем, что в обществе преобладает стереотипное мнение, что мужчина должен быть выше по социальному положению, чем женщина. Это подразумевает, что он должен быть материально благополучным для обеспечения своей будущей семьи. Для 25 % опрашиваемых юношей играет значение социальное положение его второй половины, и для 65 % юношей это не имеет никакого значения.

Большинство юношей (70 %) считают, что главой семьи должен являться мужчина, девушек, придерживающихся такого же мнения 55 %. Количество юношей, считающих, что управлять семьей должны как мужчина, так и женщина, составило 30 %, девушек, ответивших таким же образом, намного больше – 45 %. Никто из опрашиваемых лиц не выбрал главой семьи – женщину. Характер ответов на этот вопрос позволяет говорить о том, что и юноши и девушки разделяют традиционный взгляд на приоритет мужчины в качестве главы семьи.

На вопрос «Какие семейные обязанности должен выполнять мужчина?» большинство девушек (75 %) и юношей (80 %) сошлись во мнении что, главной семейной обязанностью мужчины является зарабатывание денег. Что касается семейных обязанностей женщин, то 60 % девушек и 70 % юношей ответили, что женщина должна, в первую очередь, воспитывать детей, на второй план уходят такие обязанности, как уборка дома, покупка продуктов и зарабатывание денег.

По мнению большинства юношей (55 %) и половины девушек (50 %) в семье должен зарабатывать больше муж-

чина. Для остальных девушек (50 %) и юношей (10 %) не имеет значения, у кого из супругов заработная плата будет выше. Большинство опрошенных девушек (60 %) считают, что супруг должен быть старше супруги, для 25 % девушек эта характеристика не имеет значения. Что касается ответов юношей, то 45 % опрошенных считают, что это не имеет никакого значения в браке, для 30 % – в семье мужчина должен быть старше женщины, т. к. его жизненный опыт поможет преодолеть все семейные трудности, и 25 % юношей придерживаются мнения, что супруги должны быть ровесниками, для лучшего понимания друг друга.

Для 65 % юношей официальный вид брака является наилучшим, такой же вариант ответа дали 60 % девушек. Неофициальный брак выбрали 10 % юношей и девушек. У 15 % девушек и 20 % юношей на данный момент еще не сформировалось мнение по данному вопросу.

Полученные результаты свидетельствуют о наличии различий в когнитивном компоненте психологической готовности к браку у юношей и девушек. Так, для большинства опрашиваемых девушек имеет значение социальное положение ее второй половины, что касается юношей, то для них это не играет существенной роли при вступлении в брак. Большинство юношей считают, что главой семьи должен являться мужчина, половина девушек поддерживает данную точку зрения, вторая половина считает, что управление семьей должно проходить совместно, с участием обоих супругов. Также существуют различия в вопросе, касающемся возраста супругов. Большинство девушек считают, что супруг должен быть старше супруги, юношей, ответивших таким же образом, намного меньше. Большинство юношей в отличие от девушек при вступлении в брак ориентируются на чувства. Существенных различий в эмоциональном компоненте психологической готовности к браку не было выявлено.

Таким образом, можно заключить, что у юношей и девушек существуют определенные различия в представлениях

о семейной жизни. И эти представления во многом соответствуют существующим в обществе тендерным стереотипам о семейной жизни.

Рассмотрим результаты методики «Незаконченные предложения» (авторы Сакс и Леви).

Мы обнаружили, что существуют различия по отношению к лицам противоположного пола у юношей и девушек.

Многие юноши на задание описать идеальную для них женщину больше всего уделяли внимание ее внешности, девушки же в своих ответах больше перечисляли качества характера. Так, в частности, многие девушки отмечали такие качества, как уверенность, целеустремленность, мужественность, а также способность любить, внимательность и отзывчивость. Полученные результаты могут свидетельствовать о том, что юноши в основном связывают образ идеальной женщины с физической привлекательностью, мало представляют психологические качества, тогда как многие девушки уже четко определились со своим выбором и четко знают, какими качествами должен обладать идеальный для них мужчина.

Также из полученных данных видно, что девушки находят большинство юношей непостоянными, ветреными и эгоистичными в своих поступках, ответы юношей отражают их положительное отношение к большинству девушек. В своих ответах они часто давали такие характеристики девушкам, как заботливые, внимательные и самостоятельные.

По результатам данной методики мы видим, что юноши и девушки в своем большинстве дают положительные ответы, касающиеся отношения к своей семье. Они часто оценивали свою семью как дружную, порядочную, крепкую, надежную и счастливую.

Итак, из результатов методики следует, что существуют различия в представлениях юношей и девушек о противоположном поле. Многие девушки дают отрицательную оценку юношам, в то время как юноши в своих ответах наоборот,

описывают положительные качества девушек. Что касается представлений об идеальном партнере, то можно сказать, что у девушек эти представления четко сформированы, тогда как у юношей это представление еще не сформировалось. Также по полученным результатам мы видим, что у юношей и девушек не выявлено различий в представлениях о своей семье.

Рассмотрим результаты по рисуночному тесту «Моя будущая семья».

Из представленных рисунков мы видим, что существуют различия в изображении своей будущей семьи у юношей и девушек.

На рисунках девушек члены семьи лучше прорисованы, чем у юношей, больше внимание уделялось деталям одежды и окружающей обстановке, часто рисовались дома, животные и растительность. Юноши меньше уделяли этому внимание, их рисунки более схематичны, не обрисованы конкретно, посторонние предметы практически отсутствуют. Рисунки девушек в отличие от рисунков юношей более красочны, они использовали все предоставленные им карандаши, у юношей же практически все изображения были нарисованы одним или двумя карандашами. Это может свидетельствовать о том, что в сознании девушек уже более четко сформировалось представление о своей будущей семье, чем у юношей.

Практически на всех рисунках девушек члены семьи находятся в центре рисунка и изображены держащимися за руки. Это может свидетельствовать о том, что девушки представляют свою будущую семью как дружную и сплоченную. На рисунках юношей члены семьи расположены или в самом низу листа или в середины, фигуры имеют достаточно маленький размер.

На всех рисунках юношей и девушек все семьи изображены в полном составе, т. е. присутствуют они, их вторая половина и дети. По полученным результатам мы видим, что существуют различия в представлениях юношей и девушек о своей будущей семье. В отличие от юношей у большинства

девушек уже сформировалось представление о своей будущей семье. Они конкретно представляют, какая она будет, какие отношения будут складываться в семье, сколько членов семьи в ней будет. Представления юношей не так конкретны, по рисункам многих из них можно сказать, что они не задумывались над этим вопросом, т. к. некоторым было сложно изобразить свою будущую семью.

Таким образом, нами было выявлено, что у юношей и у девушек преобладающим мотивом вступления в брак является стремление к созданию счастливой семьи. Выбор мотива «любви» при вступлении в брак, больше преобладает у юношей, чем у девушек. Также юноши больше ориентировались на материальную обеспеченность при вступлении в брак. В отличие от юношей девушки больше ориентируются при вступлении в брак, на социальные нормы и больше стремятся освободиться от родительского влияния и контроля.

Также полученные результаты свидетельствуют о наличии различий между взглядами девушек и юношей в когнитивном компоненте психологической готовности' к браку. Так, для большинства опрашиваемых девушек имеет значение социальное положение ее второй половины, что касается юношей, то для них это не играет существенной роли при вступлении в брак. Большинство юношей считают, что главой семьи должен являться мужчина, половина девушек поддерживает данную точку зрения, вторая половина считает, что управление семьей должно проходить совместно, с участием обоих супругов. Также существуют различия в вопросе, касающемся возраста супругов. Большинство девушек считают, что супруг должен быть старше супруги, юношей ответивших таким же образом намного меньше. Большинство юношей в отличие от девушек при вступлении в брак ориентируются на чувства.

Выявлены различия в представлениях юношей и девушек о противоположном поле. Многие девушки дают отрицательную оценку юношам, в то время как юноши, наоборот,

описывают положительные качества девушек. Что касается представлений об идеальном партнере, то можно сказать, что у девушек эти представления четко сформированы. Тогда как у юношей это представление еще не сформировалось. Также существуют различия в представлениях юношей и девушек о своей будущей семье. В отличие от юношей у большинства девушек уже сформировалось представление о своей будущей семье. Они конкретно представляют, какая она будет, какие отношения будут складываться в семье, сколько членов семьи в ней будет, представления же юношей не так конкретны. В целом в ходе исследования были выявлены различия у юношей и девушек в мотивационном и когнитивном компонентах психологической готовности к браку. Существенных различий в эмоциональном компоненте не было выявлено, все девушки и юноши положительно относятся к браку.

Библиографический список

1. Антонов, А. И. Социология семьи / А. И. Антонов, В. М. Медков. – М.: Изд-во МГУ, 1996. – 304 с.
2. Шнейдер Л. Б. Семейная психология / Л. Б. Шнейдер. – Изд. 3-е. – М.: Академический проект, 2007. – 736 с.

ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ РОЛЕВОЙ СТРУКТУРЫ СЕМЬИ

И. Г. Дорошина, Я. О. Корнилова
Пензенская государственная технологическая академия, г. Пенза, Россия

Summary. The article is devoted to a problem of formation of role structure in modern Russian family. Adherence of the majority of Russians of traditional patriarchal model collides with natural process of emancipation and economic independence of women.

Keywords: gender, role sructure, family, socialization.

В настоящее время современное общество претерпевает такие процессы как демократизация и гуманизация, способствующие созданию равных возможностей для реализации людей независимо от социального происхождения, национальности, возраста и пола. Настоящая гуманизация предполагает преодоление стереотипов, которые веками властвуют над людьми во всех сферах общественной жизни.

Сегодня и мужчины и женщины в развитых странах стремятся к реализации «второй половины» своей натуры, подавляемой традиционной культурой. В результате происходит смешение мужских и женских качеств, а также провозглашается равноправие полов.

Гендерные стереотипы являются важнейшими механизмами гендерной социализации, помогающие поддерживать существование гендерных ролей. Сейчас функции мужчин и женщин претерпевают изменения, из-за этого в современной культуре отсутствует четкая граница между мужским и женским началами.

Конструирование гендера в процессе социализации осуществляется через межпоколенные, сформировавшиеся в культуре представления о том, как следует вести себя мальчику и девочке, юноше и девушке, какими личностными качествами они должны обладать. Под влиянием родительской семьи, формируются представления молодых людей о модели будущей собственной семьи, а также ценностных структур личности.

Реформирование российской системы общественных отношений трансформитует все стороны жизни социума и, естественно, отражается на семейных отношениях. В современной семье пересматриваются нормы традиционной семьи. Особенность современной российской семьи заключается в том, что в ней изменяется сам тип семейной стратегии, а это, в свою очередь, ведёт к подвижности, постоянной смене гендерных ролей в сознании супругов. Специфиче-

ским отличием современной семьи от семьи 60–80-х гг. XX в. является взаимопереплетение мужских и женских гендерных ролей и обязанностей, что формирует эгалитарные супружеские отношения.

Изменения, произошедшие в социальном статусе женщин в процессе общественной трансформации, открыли для женщин широкие возможности в различных сферах, следствием чего стало изменение экономических отношений между супругами.

В действительности количество семей, в которых муж работает, а жена ведет хозяйство и воспитывает двоих и более детей ничтожно мало.

Около половины горожанок считают работу и семью важными для себя в равной степени. При этом женщины-руководители считают, что работа для них важнее, чем семья.

Л. В. Попова полагает, что в последнее время социальная ситуация меняется.

В процессе проводимого ей исследования было выявлено, что в современной семье оба супруга являются необходимыми «кормильцами», так как в обществе прослеживается постепенное движение в сторону перераспределения ответственности, а так же ослабление отдельных компонентов мужской и женской гендерных ролей [1].

Необходимо отметить, что гендерные отношения в семье складываются под влиянием родителей, передающих не только гендерные стереотипы, но и поддерживающих традиционность отношений в семье, особенно при совместном проживании. Роль главы семьи и распределение домашних обязанностей остаются наиболее консервативной областью семейных отношений.

Н. Ф. Федотова при изучении данного вопроса выявила, что мужское главенство отмечают 27,5 % мужчин и 20 % женщин. На женское главенство чаще указывали жены, чем мужья. Совместное главенство чаще отмечали женщины, нежели мужчины. Очень мало нашлось семей, в которых со-

впало мнение о главенстве. Чаще в опрашиваемых семьях наблюдалось расхождение во мнении, кто является главой семьи.

Исследователи отмечают зависимость типа семьи от возраста опрашиваемых. По данным Г. В. Лозовой и Н. А. Рыбаковой, мальчики-подростки чаще, чем девочки того же возраста, считают, что главой семьи должен быть муж. В процессе взросления мальчики и девочки изменяют своё мнение по поводу главенства в семье – юноши считают, что главой семьи должен быть либо муж, либо должно быть равноглавие, т. е. биархат. Девушки придерживаются такого же мнения [1].

При сопоставлении результатов всех этих исследований, прослеживается переход от патриархального типа организации семьи к демократическому, главной чертой которого является правовое и экономическое равноправие мужчины и женщины.

Принятие решений в семье может быть объективным критерием главенства мужа или жены, а от этого зависит принадлежность семьи к эгалитарному или традиционному типу.

В эгалитарных семьях муж и жена принимаю все решения совместно, независимо от сферы жизнедеятельности. В традиционных семьях это касается лишь досуга. В финансовой и хозяйственной сферах решение принимает жена. Если жена приписывает себе главенство, то она очень низко оценивает качества мужа. Она вынуждена взять на себя главенство, не обязательно потому что хочет и подходит для этой роли, а потому, что с этими обязанностями не справляется муж. В таких ситуациях мужчины признают главенство жены, так как видят у нее качества, присущие мужчине, а именно волевые и деловые качества.

При всех типах главенства материальное обеспечение семьи признается ведущей ролью мужа. Главенство мужа в семье связано с его превосходством в уровне образования, общественной активности, удовлетворенностью профессией.

Если же данные качества преобладают у жены, то главенствует в семье она.

Анализируя распределение ролей в семье, можно выявить две стадии в гендерных отношениях: если до рождения ребенка в семье существовал равноправный брак, то после рождения ребенка разделение ролей и обязанностей происходит по традиционному сценарию. У женщин после рождения ребенка увеличивается количество ролей, а у мужчин – затраты времени и сил на работу, вследствие чего профессиональные роли выходят на первый план. Такое изменение обязанностей после рождения ребенка объясняется стремлением супругов к экономически эффективному разделению ролей.

Многие авторы подчеркивают зависимость удовлетворенности выполнением ролей от оценки их значимости. Супруг получают наибольшее удовлетворение при исполнении роли профессионала.

После проведения исследований в США, стало очевидным, что женщины, осуществляющие роли домохозяек, испытывают синдром домохозяйки, сопровождающийся чувством беспомощности и безнадежности. Годы, посвященные только семье, лишают женщин самостоятельности и компетентности.

Удовлетворенность жизнью, включая самооценку и чувство собственной компенсации, выше у работающих женщин.

В современном социуме получило широкое распространение такое понятие, как сегрегация гендерных ролей. Это проявляется в несовпадении взглядов мужчин и женщин на семейное взаимодействие. Многие семьи не воспринимают всерьёз эгалитарные установки, поэтому продолжают воспроизводить традиционное поведение.

В настоящее время не существует единой теории социальных ролей. Гендерные роли, их характеристики и развитие рассматриваются в рамках различных социологических, психологических и биосоциальных теорий. Но при имею-

щихся исследованиях можно сделать вывод о том, что на их формирование и развитие у человека большое влияние оказывает общество и культура. Содержание гендерных ролей в ходе исторического развития общества претерпевало многочисленные изменения.

Маргарет Мид, наблюдая за жизнью племен в Новой Гвинее, опровергла, что мужчины и женщины от природы созданы для выполнения определенных ролей. Женщины и мужчины племени исполняли различные роли, зачастую противоречащие принятым в цивилизованных странах половым стереотипам.

В 70-х годах имело успех женское движение, движущей силой которого была мысль, что традиционные гендерные роли сдерживают личностное развитие и препятствуют реализации имеющегося потенциала. Развивая данную идею, Сандра Бем создала концепцию, основанную на понятие андрогинии, согласно которой любой человек, независимо от его пола, может соединять в себе мужские и женские качества (таким людям дали название андрогины). По мнению Сандры Бем, это позволяет людям менее жестко придерживаться полоролевых норм, создавать различные конфигурации между мужскими и женскими ролями. В последующем данная концепция получила развитие в работах Плека, основанных на расщепленности гендерных ролей. Он считал, что нет единой роли мужчины или женщины. Каждый человек выполняет ряд разнообразных ролей, например, жены, матери, студентки, дочери, подруги. Если роли не совмещаются, то происходит ролевой конфликт. Самым известным конфликтом в этой области является конфликт между ролью деловой женщины и ролью матери. Сейчас считается, что выполнение многих ролей способствует психологическому благополучию человека.

И. С. Кон отметил, что традиционная система дифференциации половых ролей и неразрывно связанных с ними

стереотипов фемининности-маскулинности имели некоторые отличительные черты:

1) женские и мужские виды деятельности и личные качества отличались очень резко и казались полярными;

2) женские и мужские различия освящались религией;

3) женские и мужские функции были иерархическими.

Сейчас во всех культурах происходят радикальные изменения в отношении гендерных ролей, не исключение и постсоветское пространство.

Библиографический список

1. Введение в гендерные исследования: учебное пособие / под общей ред. И. В. Костиковой. – М.: Изд-во Москов. университета, 2000

КЛАССИФИКАЦИЯ ГЕНДЕРНЫХ ПОЗИЦИЙ В СУПРУЖЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

И. Г. Дорошина
Пензенская государственная технологическая академия, г. Пенза, Россия

Summary. The author allocates concept of a gender position which is defined influence of socially-cultural, socially-psychological, individually-psychological and physiological factors. In the article types of man‘s and female‘s gender positions are resulted.

Keywords: gender position, matrimonial relations, family.

В современной социальной психологии большое внимание уделяется супружеским отношениям. Рассматриваются вопросы общения между супругами, удовлетворенность браком, распределение ролей, власть в семье, преобладающие ценности и т. д. Однако, на наш взгляд, мало обращается

внимания на то, что в браке состоят не просто 2 супруга, а муж и жена, то есть мужчина и женщина, а супружеские отношения являются одновременно и гендерными. Мы считаем правомерным выделять такую составляющую супружеских отношений, как гендерная позиция. Гендерные отношения являются по своей сути социальными, представляющими собой, во-первых, место, положение индивида или группы в системе отношений в обществе, определяемое по ряду специфических признаков и регламентирующее стиль поведения, характеризующимися совокупностью прав и обязанностей. Заняв такую позицию, человек должен выполнять определенную социальную роль. В этом значении социальная позиция синонимична понятию статуса. Во-вторых, это взгляды, представления и установки личности относительно условий собственной жизнедеятельности, реализуемые и отстаиваемые ею в референтных группах. В этом значении социальная позиция передает сущностную характеристику понятия развития социальной ситуации – как единство субъективного и объективного в личности, формируемое в совместной деятельности. Социальная позиция отражает идею иерархической организации личности [1].

Исходя из данного определения социальной позиции, мы предлагаем рассматривать **гендерную позицию** как положение индивида в системе гендерных отношений, отражающее его права, обязанности и проявление иерархии.

Нам представляется, что гендерные позиции в супружеских отношениях отражают распределение семейных ролей, характер общения между супругами, включенность в жизнедеятельность семьи, отношения доминирования–подчинения. Главный фактор формирования гендерной позиции – **социокультурный**, а именно, какое поведение предписывается мужчине и женщине, мужу и жене, какие отношения другу к другу являются распространенными в данной общественно-исторической ситуации. Например, в современной России достаточно распространенным является отстранение муж-

чины от жизни семьи как в эмоциональном плане, так и в экономическом. Женщины, в свою очередь, не уважают, а порой и ненавидят мужей, но терпят, считая сложившиеся отношения нормой. В значительной степени на это влияют гендерные стереотипы, убивающие у женщины надежду на лучшую долю и с детства прививающие мужчинам неприятие всего семейного. В результате многие мужчины терпят семью лишь за счет бытового комфорта, который обеспечивает жена, а женщина всеми силами держится за изжившие себя отношения из боязни лишить детей отца, страха одиночества, экономической несамостоятельности и просто страха что-то изменить. К **социально-психологическому фактору** мы относим способы взаимодействия между мужем и женой, принятые в родительских (или других значимых) семьях супругов. К **индивидуально-психологическому фактору** можно отнести гендерную идентичность, включающую в себя такие характеристики, как стремление к власти, уверенность в себе, терпимость, упрямство и т. д. **Физиологический фактор** включает в себя соотношение мужских и женских половых гормонов.

Мы предлагаем следующие виды **мужских гендерных позиций:**

1. **Патриархальная.** Муж является ответственным за материальное обеспечение семьи, выполняет по дому «мужскую» работу. Сам принимает решения, касающиеся жизни других членов семьи.

2. **Эгоистичная.** Муж мало участвует в жизни семьи, в ее материально-бытовом обеспечении и воспитании детей, но ставит свои интересы выше других членов семьи. Мало интересуется жизнью жены и детей, но считает себя главой семьи.

3. **Отстраненная.** Муж, возможно, обеспечивает семью деньгами, но не включен в другие сферы семейной жизни. Его интересы и круг общения не связаны с семьей. Жена, по

сути, является главой семьи, хотя ее власть не распространяется на личную жизнь мужа.

4. **Участвующая.** Муж принимает участие в жизнедеятельности семьи по просьбе или требованию жены. Если жена не проявляет инициативу, ведет себя по типу «отстраненного». Роль главы семьи на деле принадлежит жене, хотя муж может этого и не признавать.

5. **Включенная.** Муж интересуется всеми сферами семейной жизни, но не с позиции хозяина, а позиции равноправного участника. Он интересуется детьми, способен самостоятельно сделать покупку для дома без совета жены.

6. **Подчиненная.** Муж полностью подчиняется жене, не имеет права, а то и желания, принимать самостоятельные решения ни в одной из семейных сфер. Может находить отдушину в выпивке. Признает главенство в семье жены.

Женские гендерные позиции:

1. **Терпеливая.** Жена безропотно справляется со всеми семейными функциями, включая и значительную долю материального обеспечения семьи. Не получает от мужа помощи и терпеливо «несет свой крест». Негативные чувства в адрес мужа подавляет, держится за брак, говоря, что «другие мужики еще хуже».

2. **Скандальная.** Предпринимает регулярные, но часто бесплодные попытки вовлечь мужа в семейную сферу с помощью скандала, на длительный эффект которого не рассчитывает. По типу «терпеливой» считает, что все мужчины одинаковые, поэтому почти не способна разрушить этот сценарий. Часто имеет пьющего мужа. Этот тип является довольно стереотипным, и женщина получает своеобразное удовлетворение от принадлежности к «общности несчастных русских женщин», которая возможно имеет конкретное воплощение в компании подруг или коллег. Может переходить в «терпеливую», в этом случае роль главы семьи переходит на мужа.

3. **Самодостаточная.** Живет своей жизнью, либо интересами детей. Не надеется на участие мужа. Имеет личную свободу, не ограничивая свободу мужа.

4. **Манипулятивная.** Главенство в семье строит по принципу «Муж – голова, а жена – шея. Куда шея захочет, туда голова и повернет». Мягко и нежно, подчеркивая мужскую главную роль, добивается нужного ей решения вопросов.

5. **Эмансипированная.** Всеми силами стремится разделить с мужем и права и обязанности. Вовлекает мужа и решение вопросов и в участие в домашнем хозяйстве и воспитании детей.

6. **Властная.** Управляет всеми сферами семейной жизни, включая личное пространство мужа. Может либо не уважать мужа, считая его «никчемным», либо относится к нему по-матерински.

В супружеских союзах могут встречаться любые сочетания гендерных позиций, хотя одни из них более сочетаемы между собой, чем другие. Одни могут принести удовлетворенность браком, а другие сделать семью нежизнеспособной. Мы считаем достаточно сложным на современном этапе выделять патриархальные и эгалитарные семьи, так как традиционные семьи, с мужем добытчиком и хозяином могут существовать только среди богатых людей. Большинство семей среднего и низшего класса не в состоянии жить на одну зарплату мужа, посему жена принимает полноправное, а часто и доминирующее участие в материальном обеспечении семьи. К тому же советская история приучила нас к тому, что каждый человек должен трудиться, и только последние послеперестроечные годы создали безработных или «числящихся» где-то по знакомству женщин. Но если все-таки сопоставить нашу классификацию гендерных позиций с традиционным делением на типы семейных структур, то к патриархальной семье мы бы отнесли «патриархальную» и «эгоистичную» мужские позиции, «терпеливую» и «скандальную» женские позиции. «Отстраненная» и «участвующая» мужские пози-

ции и «манипулятивная» женская позиция являются в действительности псевдопатриархальными системами, где теоретически главой семьи является муж, а практически – жена. К эгалитарным семьям можно отнести «включенную» мужскую позицию и «самодастаточную» и «эмансипированную» женские позиции. К матриархальным семьям мы относим «подчиненную» мужскую и «властную» женскую позиции.

Предложенная нами классификация является первыми набросками к описанию термина «гендерная позиция» и требует дальнейшего теоретического обоснования и эмпирической проверки.

Библиографический список

1. Словарь практического психолога / сост. С. Ю. Головин. – Минск: Харвест, 1998. – 800 с. – С. 414.

ПРОЯВЛЕНИЕ ГЕНДЕРНЫХ ПОЗИЦИЙ В ОТНОШЕНИЯХ СУПРУГОВ В СЕМЬЯХ С РАЗНЫМ УРОВНЕМ ОБРАЗОВАНИЯ

И. Г. Дорошина
Пензенская государственная технологическая академия, г. Пенза, Россия

Summary. In the article results of empirical research of matrimonial attitudes in families with a different educational level are resulted. Are compared seven in which both the spouse have high education, about the spouse have no high education and only one spouse has high education. Such parameters of matrimonial attitudes, as character of communication, family roles, spheres of conflict interaction, satisfaction of marriage are investigated. A gender identity of spouses is also studied.

Keywords: gender position, matrimonial attitudes, character of communication, family roles, spheres of conflict interaction, satisfaction of marriage, gender identity, education, patriarchal and egalitarnal attitudes.

Качество супружеских отношений определяется множеством внешних и внутренних факторов. Это личностные особенности супругов, особенности отношений их родителей, материально-бытовые условия жизни, состав семьи, этническая и религиозная принадлежность, профессия и уровень образования. Под гендерной позицией мы понимаем положение индивида в системе гендерных отношений, отражающее его права, обязанности и проявление иерархии.

Целью нашей работы явилось сравнение особенностей супружеских отношений в семьях с разным образовательным уровнем с точки зрения проявления их гендерных позиций.

Мы предполагаем, что отношения супругов с более высоким образовательным уровнем характеризуются большей эгалитарностью, удовлетворенностью браком и более низкой конфликтностью. Эмпирическое исследование было проведено с помощью методик: опросник «Общение в семье» (Алешина и др.), методика «Распределение ролей в семье» (Алешина и др.), опросник «Измерение установок в семейной паре» (Алешина и др.), тест «Характер взаимодействия супругов в конфликтных ситуациях» (Алешина и др.), тест-опросник удовлетворенности браком (В. В. Столин, Т. Л. Романова, Г. П. Бутенко), опросник маскулинности-фемининности С. Бэм. В исследовании приняли участие 250 супружеских пар.

Мы разделили испытуемых на 4 группы: 1) оба супруга без высшего образования, 2) оба супруга с высшим образованием, 3) только жена имеет высшее образование, 4) только муж имеет высшее образование. Можно выделить некоторые особенности супружеских отношений, характеризующих каждую группу.

Мы сравнили семьи, в которых оба супруга не имеют высшего образования с семьями, в которых супруги имеют высшее образование. Мы предполагаем, что супруги без высшего образования больше ориентированы на патриархальное устройство семьи, в которой муж принимает все важные решения, занимается материальным обеспечением семьи, а

жена сосредоточена на детях и бытовых хлопотах. Супруги с высшим образованием, по нашему мнению, чаще создают эгалитарные семьи, делят обязанности пополам, не всегда учитывая, «мужские» они или «женские». В результате проведенного исследования нами достоверно обнаружено, что супруги без высшего образования чаще живут со своими родителями, то есть в составе расширенной семьи ($t= -1,98$, $p<0,05$). По мнению женщин, хозяином семьи чаще является муж ($t= -2,11$, $p<0,05$), что соответствует патриархальной установке. У женщин чаще возникают конфликты по вопросам рассогласования норм поведения ($t= 2,49$, $p<0,05$). Женщины чаще отрицательно относятся к обсуждению сексуальных тем с мужем ($t= 2,47$, $p<0,05$). Мужчины из семей без высшего образования считают, что их жены чаще являются организаторами семейной субкультуры ($t= 2,61$, $p<0,01$). Такое поведение соответствует эмоциональной функции (по Т. Парсонсу).

В нашей выборке представлены семьи, в которых только один из супругов имеет высшее образование. Мы сравнили 2 группы, в одной из которых только женщины имеют высшее образование, а в другой – только мужчины. В семьях, где высшее образование есть только у жены, женщины отмечают большую легкость в общении между супругами ($t= 2,12$, $p<0,05$), психотерапевтичность общения наоборот ниже ($-2,215$), женщины больше ценят деньги ($t= 2,208$, $p<0,05$), а в семьях, где у жены нет высшего образования, а у мужа есть, женщины больше ценят романтику ($t= -1,964$, $p<0,05$). Мы считаем полученные данные подтверждением нашей гипотезы. Женщины с высшим образованием более прагматичны, возможно, потому, что ориентированы на собственный заработок, а не только на мужа. Надо отметит, что мужчины с высшим образованием придают не очень большое значение сексуальной сфере в семейной жизни ($t= -2, 07$, $p<0,05$). Можно объяснить это таким образом, что чем больше человек ориентирован на интеллектуальную сферу, тем больше

он отдаляется от природы, от основных биологических инстинктов, которые сублимируются.

Семьи, в которых один из супругов имеет высшее образование, достоверно не отличаются от семей, в которых оба супруга не имеют высшего образования.

Если сравнивать семьи, в которых только жена имеет высшее образование с семьями, в которых оба супруга имеют высшее образование, можно отметить, что жены считают себя организаторами семейной субкультуры ($t=2,048$, $p<0,05$), женщины конфликтуют из-за нарушения ролевых ожиданий ($t=2,595$, $p<0,05$), рассогласования норм поведения ($t=2,089$, $p<0,05$), проявления доминирования ($t=2,295$, $p<0,05$), мужья из этих семей считают, что воспитание детей в большей степени возложено на плечи жены ($t= 1,963$, $p<0,05$), которая также является организатором семейной субкультуры ($t= 2,243$, $p<0,05$). Мужчины из этих семей больше конфликтуют из-за проявления автономии ($t= 2,268$, $p<0,05$). Мы склонны рассматривать эти конфликты как попытки эмансипации. Женщина, имеющая более высокое образование, нежели муж, стремится как минимум к равноправию, но сталкивается с патриархальной позицией мужа, с его доминированием, не всегда адекватным поведением, его стремлением к автономии от семьи. Мы видим, что такая семья более конфликта, чем те, в которых супруги имеют одинаковый уровень образования.

В семьях, где только муж имеет высшее образование, жены чаще отвечают за материальное обеспечение семьи ($t=2, 682$, $p<0,01$), возможно, потому, что сфера интеллектуального труда в нашей стане является низко оплачиваемой. По мнению женщин, мужья с высшим образованием, менее инициативны в сексе ($t=1,963$, $p<0,05$). В семьях без высшего образования легче протекает процесс супружеского общения, чем в семьях, где у мужа есть высшее образование ($t= -2,061$, $p<0,05$). Мы считаем, что это обусловлено одинаковым уровнем образования супругов. Женщины, имеющие мужей с высшим образованием, больше ориентируются на

детей (t= 2,062, p<0,05), и в меньшей степени на деньги (t= -2, 168, p<0,05). Мы считаем, что эти установки и побудили их выбрать в качестве спутника жизни человека, скорее интеллектуального труда. Мужчины с высшим образованием значительно более феминны, чем мужчины без высшего образования (t=2,511, p<0,05), они чаще организуют семейную субкультуру (t=2,088, p<0,05), что также можно считать более женской обязанностью. В семьях без высшего образования мужчины больше понимают своих жен, нежели в семьях с разным образованием (t= -2,699, p<0,05). Мужья, имеющие высшее образование, больше ориентируются на совместную деятельность (t=1,975, p<0,05), что указывает на стремление мужчин к эгалитарному типу семьи.

В семьях, где муж имеет высшее образование, жены больше ориентируются на детей, чем в семьях, где оба супруга имеют высшее образование (t=3,322, p<0,01).

Таким образом, наша гипотеза частично подтвердилась. Семьи с разным уровнем образования отличаются особенностями супружеских отношений. В целом для менее образованных супругов характерна патриархальная направленность, при которой муж ориентирован больше на внесемейную жизнь, то есть работу, друзей и развлечения, а жена – на семейную жизнь, создание определенной субкультуры, воспитание детей, романтику и любовь. Однако наше предположение о том, что в семьях с высшим образование супруги более удовлетворены браком и менее конфликты не подтвердилось.

На основании полученных результатов мы пришли к выводу, что все семьи характеризуются эгалитарными отношениями и совместным исполнением всех семейных функций, хотя наибольшее равноправие встречается в семьях с высшим образованием. Мужчины без высшего образования чаще являются хозяевами в доме, они более сексуально активны, чем имеющие высшее образование. Женщины без высшего образования тяготеют больше к традиционной семье, поэтому их больше устраивают отношения с партнером так же

без высшего образования. Таким образом, можно сказать, что патриархальность-эгалитарность семейных отношений взаимосвязана с уровнем образования. Однако удовлетворенность браком не имеет такой же четкой зависимости. Наименее удовлетворенными являются женщины без высшего образования, чьи мужья имеют высшее образование. То есть мы можем сказать, что наша гипотеза подтвердилась частично.

ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ СВЯЗИ ПРИВАТНОСТИ ПОДРОСТКА С ТИПОМ ОТНОШЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ

М. Д. Ктениду, О. В. Бондарева
Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

Summary. The importance of privacy (sovereignty) of the psychological space for the teenager personality determine actuality of our research. Topic of our research is the connection between the parent evaluation of the type of relationship to their child and the teenager evaluation of this type according to different parameters of teenager privacy. The results of our research show that there is a difference in the evaluation of parent relation type by the teenager, which indicates support as well as suppression at the privacy of teenage boys and girls. The real type of parent relationship towards teenagers suppresses the privacy at girls, but does not show any influence on the privacy of teenage boys.

Keywords: privacy, sovereignty, teenager, parent-child relationships, suppression of privacy, support of privacy

В психологическом развитии подростка основная роль принадлежит устанавливающейся системе социальных взаимоотношений с окружающими. В подростковом возрасте у ребенка увеличивается потребность в самостоятельности и общении со сверстниками. Самостоятельность подростка выражается в основном в стремлении к освобождению от опеки и контроля взрослых. Влияние родителей в подростковом

возрасте ограничено, во многих вопросах мнение сверстников становится важнее. Тип отношения родителей к детям различного пола подросткового возраста тоже различается, не всегда отношение родителей принимается детьми, что вызывает конфликты между ними. То, как сложатся отношения в этом возрастном периоде между родителями и детьми, зависит от стиля воспитания, сложившегося в семье, который может быть направлен либо на поддержку, либо на подавление приватности.

Приватность – это центральный регуляторный процесс, при помощи которого человек или группа делает себя более или менее доступным или открытым для других; это избирательный контроль доступности человеческого «Я», выбор человека быть в контакте и вне контакта с другими; это способ установления межличностных границ [1]. Границы определяют отношение к малому и большому социуму – семье и друзьям, социальной группе, этносу, человечеству. Восприятие среды как дружественной, как части психологического пространства позволяет проявляться конструктивным, жизнетворческим тенденциям, приводящим к взаимопроникновению человека и мира. Если же среда воспринимается как чуждая, это может быть результатом непрочности нарушаемых в прошлом границ, следами ранних психотравм, и тогда они блокируются, ограничивая поле самоактуализации личности.

Наиболее полно понятие приватности рассматривается в работах А. В. Бурмистровой и С. К. Нартовой-Бочавер [2, 3]. Вместе с тем исследования, касающиеся изучения приватности в детско-родительских отношениях, практически отсутствуют.

Цель данного исследования – изучить связь приватности мальчиков и девочек подросткового возраста с типом родительского отношения к ним.

В качестве методического инструмента для изучения параметров приватности подростка была использована ан-

кета «Суверенность психологического пространства» С. К. Нартовой-Бочавер, включающая шесть параметров: суверенность психологического пространства (общий показатель приватности), суверенность физического тела, суверенность территории, суверенность вещей, суверенность привычек, суверенность социальных связей, суверенность ценностей. Подростки с помощью этой анкеты оценивали степень поддержки их приватности со стороны родителей (отца и матери).

Для определения типа родительского отношения использовалась методика, предлагаемая психологами университета Харокопио (Греция), выявляющая демократический, авторитарный, попустительский, заботливый и гиперопекающий типы отношений. На вопросы анкеты отвечали родители подростков, оценивая стиль отношения к ребенку.

В исследовании приняла участие 51 полная семья (26 мальчиков, 25 девочек и их родители).

При рассмотрении связи приватности мальчика с отношением к нему отца достоверных связей не было выявлено. Это означает, что приватность мальчика не зависит от типа отношения к нему отца. При рассмотрении связи приватности девочки с отношением к ней отца были получены отрицательные связи с авторитарным и гиперопекающим типом отношения. С авторитарным типом родительского отношения отца к дочери были получены отрицательные связи со всеми параметрами приватности: с общим показателем приватности, с суверенностью физического тела, суверенностью территории, суверенностью вещей, суверенностью привычек, суверенностью социальных связей, суверенностью ценностей. Это свидетельствует о том, что отец с авторитарным типом отношения подавляет приватность своей дочери. С гиперопекающим типом отношения отца к дочери была получена только одна прямая связь с суверенностью территории, что говорит о том, что излишняя забота отца также ведет к подавлению приватности дочери, которая проявляется в нарушении территориального пространства девочки.

При рассмотрении связи приватности мальчика с отношением к нему матери достоверных связей не было выявлено. То есть приватность мальчика не зависит от отношения отца и от типа отношения к нему матери. При рассмотрении связей показателей приватности девочки с отношением к ней матери были получены отрицательные связи трех параметров приватности с авторитарным типом отношения. Авторитарный тип отношения матери к дочери отрицательно связан с суверенностью физического тела, суверенностью привычек и суверенностью ценностей. Это означает, что жесткий контроль над всеми сферами жизни девочки, подчинение и запреты ведут к депривированности этих трех параметров приватности. То есть мать с таким типом отношения нарушает соматическое благополучие своей дочери, насильственно пытается изменить комфортный для дочери распорядок, а так же заставляет ее принять неблизкие для нее ценности. Мать с подобным типом отношения требует от дочери беспрекословного подчинения и не считает, что должна объяснять причины своих указаний и запретов, что в последствии может приводить к возникновению конфликтов.

Таким образом, рассмотренные связи между типом отношения родителей к детям подросткового возраста и показателями приватности подростка позволяют сделать следующие выводы. Тип отношения родителей, как со стороны матери, так и со стороны отца, не оказывает влияния на поддержку и подавление приватности мальчиков. На поддержку приватности девочки не оказывает влияние ни один тип отношения родителей, в то время как ограничивающими ее приватность оказались авторитарный тип отношения со стороны обоих родителей и гиперопекающий со стороны отца.

Библиографическийсписок

1. Altman I. The Environment and Social Behavior: Privacy, Personal Space, Territoriality and Crowding. Brooks/Cole, Monterey, CA., 1975.
2. Бурмистрова, А. В. Личностные особенности средового поведения, направленного на регуляцию границ бытийного пространства / А. В. Бурмистрова: дис. …канд. психол. наук. – Краснодар, 2004.
3. Нартова-Бочавер, С. К. Психологическая суверенность личности: генезис и проявления / С. К. Нартова-Бочавер: дис. …док. психол. наук. – Москва, 2005.

Научно-издательский центр «Социосфера»
Пензенская государственная технологическая академия
Российско-Армянский (Славянский)
государственный университет
Факультет бизнеса Высшей школы экономики в Праге
ПФ НОУ ВПО «Академия МНЭПУ»

**Теория и практика гендерных исследований
в мировой науке**

Материалы международной
научно-практической конференции

Редактор Л. И. Дорошина
Корректор В. А. Дорошина
Оригинал-макет И. Г. Балашовой

Подписано в печать 10.05.2010. Формат 60x84/16. Бумага писчая белая. Учет.-изд. л. 8,12 п.л. Усл.-печ. л. 7,55 п.л. Тираж 100 экз. Заказ № 4/10.

ООО Научно-издательский центр «Социосфера»: 440046,
г. Пенза, ул. Мира, д. 74, к. 14. (8412)68-68-45,
sociosphera@yandex.ru

Типография «Копи-Ризо» ИП Попова М. Г.: 440000, г. Пенза,
ул. Московская, д. 74, оф. 211. (8412)56-25-09